ДЖОН ДУГЛАС, прототип героя
СЕРИАЛА **MINDHUNTER**,
и **МАРК ОЛШЕЙКЕР**

УБИЙЦА СИДИТ НАПРОТИВ

КАК В ФБР РАЗОБЛАЧАЮТ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ И МАНЬЯКОВ

18+

Джон Дуглас, Марк Олшейкер

Убийца сидит напротив: как в ФБР разоблачают серийных убийц и маньяков

Памяти Джоан Анджелы Д’Алессандро и в благодарность Розмари Д’Алессандро, а также людям, которые вдохновенно, мужественно и решительно борются за безопасность детей всей страны и их права

John Douglas and Mark Olshaker

THE KILLER ACROSS THE TABLE

Copyright © 2019 by Mindhunters, Inc. Published by arrangement with HarperOne, an imprint of HarperCollins Publishers. All rights reserved.

© Богданов С., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

От авторов

Мнения, представленные в этой книге, принадлежат исключительно ее авторам и не отражают позицию ФБР или любой другой организации.

Фото, относящиеся к сюжетам этой книги, а также прочую информацию о Джоне Дугласе и других работах авторов можно найти на www.mindhuntersinc.com.

В маленькой комнате большого здания

Дело здесь не столько в том, *кто это сделал?*, а *почему?*

В конечном итоге, если мы разобрались с *почему?* и добавили к этому *как?*, то поймем и *кто*. Потому что *почему? + как? = кто*.

Задачи подружиться нет. Задачи стать врагом тоже нет. Задача - установить истину.

Это словесная и психологическая шахматная игра без фигур, бесконтактный спарринг, соревнование на выносливость, в котором каждая из сторон стремится воспользоваться слабостями и неуверенностью другой.

Мы сидим друг напротив друга за маленьким столом в тускло освещенной комнате с бетонными стенами, выкрашенными в серо-голубой цвет. Единственное зарешеченное окно в запертой стальной двери. Сквозь него с другой стороны за происходящим пристально наблюдает охранник в форме. Его задача - следить за соблюдением установленного порядка. В тюрьме строгого режима нет ничего важнее, чем это.

Мы сидим здесь уже два часа, и наконец момент настал.

- Мне нужно, чтобы вы своими словами описали то, что было двадцать пять лет назад. Как происходило то, из-за чего вы оказались здесь? Эта девочка, Джоан, - вы были знакомы с ней? - спрашиваю я.

- Ну, встречалась она мне по соседству, - отвечает он спокойно, ровным голосом.

Вернемся к моменту, когда она появилась на пороге. Расскажите, что происходило дальше, по порядку.

Это похоже на сеанс гипноза. В комнате тишина, и я наблюдаю, как он преображается на моих глазах. Кажется, что меняется даже его внешность. Поблуждав где-то за моей спиной, его взгляд упирается в голую бетонную стену. Он перемещается в другое время и в другое место, в некую историю о самом себе, которая неотступно преследует его.

В помещении очень свежо, и даже в костюме я едва не дрожу от холода. Но история, которую я попросил рассказать, заставляет его вспотеть. Отчетливо слышно, как тяжелеет его дыхание. Вскоре его тюремная роба намокает от пота, и видно, как под ней дрожат грудные мышцы.

Так, не глядя на меня, он и рассказывает всю историю, будто самому себе. Он там, в том времени и месте, и думает сейчас так же, как думал тогда.

В какой-то момент он вдруг обращается ко мне, смотрит прямо в глаза и говорит: «Джон, когда я услышал стук во входную дверь, посмотрел сквозь дверную сетку и увидел, кто за ней стоит, я уже знал, что убью ее».

Введение: экспертный опыт

Это книга об образе мыслей опасных маньяков. В ее основу легли мой четвертьвековой опыт работы в ФБР в качестве поведенческого психолога и следователя-аналитика, а также то, чем я занимался после своего ухода из Бюро.

Но на самом деле это книга о беседах, которые я вел. В конце концов, именно с них все для меня и началось. Благодаря этим разговорам я уяснил, что понимание образа мыслей агрессивного маньяка может помочь правоохранительным органам поймать его и отдать в руки правосудия. Это и подтолкнуло меня к поведенческому профайлингу.

Проводить беседы с содержащимися в тюрьмах осужденными за насильственные преступления я стал, исходя из соображений личной и служебной необходимостей. Во многом это было обусловлено стремлением понять глубинные мотивы преступников. Как и большинство свежеиспеченных сотрудников ФБР, я начинал уличным агентом. Моим первым местом службы был Детройт. С самого начала меня интересовало, почему люди преступают закон: не только сам факт противоправного действия, но и то, почему человек совершил данное конкретное преступление.

Детройт был сложным городом: в мою бытность там грабили аж по пять банков в день. Ограбления банков системы Федеральной корпорации страхования депозитов считаются федеральными преступлениями, входящими в юрисдикцию Бюро, так что многим агентам-новичкам в придачу к прочим обязанностям поручали расследовать и их. Как только мы брали подозреваемого и зачитывали ему его права (часто это происходило на заднем сиденье нашей служебной машины или полицейской патрульной), я засыпал его вопросами. Зачем грабить банк, где с безопасностью все строго и все пишется на пленку, а не какой-нибудь магазин, где в кассе полно наличности? Почему именно это, а не любое другое отделение? Почему именно в этот день и час? Это было заранее спланированное ограбление или все произошло спонтанно? Вы сначала понаблюдали за этим банком и/или сделали пробный визит туда? Я мысленно систематизировал получаемые ответы и создавал неформальные «профили» типичных грабителей банков (хотя тогда этот термин еще

не использовался). Я начал понимать различия между запланированными и незапланированными преступлениями и организованной и неорганизованной преступностью.

Дошло до того, что мы могли прогнозировать, какие отделения банков и когда будут грабить вероятнее всего. Так, мы понимали, что в районах, где много строек, банки будут грабить скорее всего в пятницу, ближе к полудню, когда в них будет много наличных для выплаты строительным рабочим. Эти знания мы использовали для того, чтобы в каких-то случаях усиливать защиту потенциальных целей преступников, а в других - устраивать засады, если считали, что сможем взять грабителей с поличным.

На втором месте службы, которым был город Милуоки, меня отправили на двухнедельный курс обучения переговорам с захватчиками заложников в новую ультрасовременную академию ФБР в Куантико, штат Вирджиния. Его вели спецагенты Говард Тетен и Патрик Муллани - первопроходцы в применении поведенческой психологии в практике работы Бюро. Их главная тема называлась «Прикладная криминалистика» и была своего рода попыткой ввести научную психопатологию в криминалистику и обучение молодых агентов. Муллани считал переговоры с захватчиками заложников первым практическим применением прикладной криминалистики. Это был новаторский шаг в борьбе с преступностью новой волны: угонами самолетов и ограблениями банков с захватом заложников, вроде того, которое случилось в Бруклине в 1972 году и послужило сюжетной основой фильма «Собачий полдень» с участием Аль Пачино. Было совершенно очевидно, что понимание происходящего в голове у взявшего заложников принесет огромную пользу переговорщику и в конечном итоге спасет человеческие жизни. Я проходил этот курс в числе примерно полусотни других спецагентов. Его преподавали впервые, и это был смелый и необычный эксперимент для ФБР. Над Бюро все еще нависала мрачная тень его легендарного директора Дж. Эдгара Гувера, скончавшегося всего за три года до этого.

Даже на склоне лет Гувер железной хваткой управлял учреждением, которое он, по сути, создал. Его практичный и хладнокровный подход к расследованию соответствовал содержанию известной фразы из телесериала «Облава»: «Только факты, мэм». Все должно было быть измерено и подсчитано: количество арестов,

обвинительных приговоров, закрытых дел. Он никогда не принял бы чего-то настолько субъективного, индуктивного и излишне эмоционального, чем являлся поведенческий анализ. Это действительно полностью противоречило бы его убеждениям.

В Отделе поведенческого анализа меня заприметили еще во время прохождения курса переговоров с захватчиками заложников и еще до отъезда обратно в Милуоки официально предложили перевестись к ним на службу. Несмотря на название отдела, основной обязанностью работавших в нем девяти агентов было преподавание. В числе учебных курсов были «Прикладная криминалистика», «Переговоры с захватчиками заложников», «Практические проблемы полиции», «Управление стрессовыми ситуациями в полиции» и «Половые преступления». Последний мой замечательный коллега Рой Хэйзелвуд впоследствии переименовал в «Межличностное насилие».

Хотя уже в то время в академии формировалась модель обучения, основанная на трех «столпах»: преподавании, консультациях и исследовательской работе, - лучшие специалисты вроде Тетена консультировали неформально и вне рамок какой-либо учебной программы. Основное внимание на этих занятиях уделялось важнейшему для большинства следователей вопросу - мотиву. Зачем преступники идут на то, что они совершают, какими способами это делают и как понимание этого может помогать в их поимке? Главной методической проблемой был в целом теоретический характер учебного материала, поскольку агенты со стажем, проходившие обучение в Академии ФБР, обладали, очевидно, большим практическим опытом, чем преподаватели.

Это особенно сильно сказывалось на самом молодом из преподавателей, то есть на мне. Вот передо мной сидит учебная группа, состоящая из опытных детективов и офицеров, подавляющее большинство которых значительно старше меня по возрасту, и я, по идее, должен учить их психологии преступника, о которой у них уже сложилось представление из непосредственного опыта работы. Свой практический опыт я получил в основном в ходе совместной работы с видавшими виды профессионалами из Детройта и Милуоки, и мне казалось нахальством рассказывать таким же, как и они, людям о том, как им следует работать.

Постепенно многие из нас стали осознавать, что то, что вполне подходит психологам и психиатрам, не слишком востребовано работниками правоохранительных органов.

Тем не менее ко мне стали обращаться с такими же просьбами, как и к Тетену. На занятиях, в перерывах или даже в свободное вечернее время офицеры и детективы просили подсказать что-то или проконсультировать по рабочим вопросам. Если мы разбирали учебный кейс, напоминающий дело, которое расследовал кто-то из них, человек решал, что ко мне можно обратиться за помощью. В их глазах я был непререкаемым авторитетом из центрального аппарата Федерального бюро расследований. Но так ли это было на самом деле? Я стал задумываться о том, что не помешало бы накопить полезную информацию и практические примеры. Это придало бы мне уверенности в том, что я действительно знаю, о чем говорю.

Осваиваться в новой для меня культуре учебного заведения и в преподавании мне помогал Роберт Ресслер. Он был примерно на восемь лет старше и перешел на преподавательскую работу относительно недавно. Он считал, что его задача заключается в том, чтобы, используя заложенные Тете- ном и Муллани основы, развивать практику поведенческого анализа, которая будет лучше соответствовать нуждам управлений полиции и органов следствия. Самым эффективным способом передачи опыта новому преподавателю считалась выездная учеба. По просьбам местных полицейских управлений или других правоохранительных органов к ним приезжали преподаватели из Куантико, чтобы провести недельный курс занятий по отдельной теме учебного плана академии. На следующей неделе они проводили такие же занятия в каком-то другом месте, после чего возвращались домой с полными чемоданами грязного белья и воспоминаниями об одинаковых гостиничных номерах. В эти поездки мы отправлялись вместе с Бобом.

Как-то утром в начале 1978 года мы с Бобом уезжали из Сакраменто, штат Калифорния, где проводили очередную выездную учебу. В разговоре с ним я заметил, что преступники, о которых мы упоминаем в своих лекциях, по большей части еще живы и находятся в местах не столь отдаленных, где без труда можно их отыскать. Почему бы не встретиться и не побеседовать с некоторыми из них? Мы поймем, как они сами воспринимают содеянное, заставим их

вспомнить и рассказать нам, почему они пошли на это и что происходило в их головах в момент совершения преступления. Я считал, что попробовать не помешает, тем более что некоторым из них тюремная жизнь наверняка надоела и они будут рады возможности поговорить о себе.

В то время очень немногочисленные научные исследования заключенных сводились к темам эффективности меры наказания и условно-досрочного освобождения. При этом имевшиеся данные говорили о том, что агрессивные и склонные к самолюбованию заключенные в целом неисправимы. Мы рассчитывали, что, побеседовав с ними, сможем понять, действительно ли это так.

При всем своем изначальном скепсисе Боб согласился принять участие в этой безумной затее. Служба в армии и предшествовавший работе в Бюро опыт общения с бюрократией заставили его руководствоваться правилом: «Лучше потом попросить прощения, чем пытаться получить разрешение». Мы решили, что будем появляться в тюрьмах без предупреждения. В описываемое время удостоверения ФБР было достаточно для того, чтобы посетить тюрьму без предварительного разрешения. Заблаговременное предупреждение о нашем визите было чревато утечкой информации. Узнав, что кто-то из осужденных будет беседовать с парой федералов, остальные заключенные могли решить, что он стукач.

Мы заранее представляли себе, с какими позициями и идеями наверняка столкнемся в ходе этих бесед. Например:

- Все будут твердить о своей невиновности.

- В приговоре виноваты плохие адвокаты.

- Разговаривать с представителями правоохранительных органов не хочется.

- Сексуальные маньяки будут строить из себя просто одержимых сексом.

- Убийства не случилось бы, будь в этом штате предусмотрена смертная казнь за такое преступление.

- Жертвы преступлений сами виноваты.

- Это все из-за неблагополучного детства.

- Нам будут говорить, что знали, что правильно, а что нет, и понимали возможные последствия своих действий.

- С психикой все нормально.

- Серийные убийцы и насильники будут выглядеть умнейшими людьми.

- Педофилы и соблазнители малолетних - одно и то же.

- Серийными убийцами становятся, а не рождаются.

Ниже мы увидим, что некоторые из этих представлений оказались правильными, а некоторые - крайне далекими от действительности.

Удивительно, но подавляющее большинство из тех, кто был нам нужен, соглашались побеседовать. Основания для этого были самыми разными. Кто-то считал, что факт сотрудничества с ФБР положительно отразится на характеристике, и мы не возражали против такого мнения. Другие просто боялись отказать. Для многих заключенных, особенно самых отъявленных преступников, которых навещают очень нечасто, эти беседы были способом развеяться, поговорить с людьми с воли и провести пару часов вне камеры. Были и те, кто был настолько уверен в своей способности провести кого угодно, что видели в этих разговорах возможность блефовать в свое удовольствие.

В конечном итоге простая идея, возникшая в разговоре по пути из Сакраменто, превратилась в проект, ставший делом жизни для меня, Боба и других сотрудников Бюро, кто впоследствии присоединился к команде, и удачно дополнивший арсенал средств борьбы с преступностью. Уже на первом этапе наших интервью с убийцами в числе изученных нами заключенных были душитель- фетишист Джером Брудес из Орегона, который любил обувать трупы своих жертв в босоножки на высоком каблуке из своего обширного женского гардероба; Монте Рисселл из Вирджинии, в подростковом возрасте изнасиловавший и убивший пятерых женщин; и «убийца 44 калибра» Дэвид Берковиц, известный также как «Сын Сэма», который терроризировал Нью-Йорк на протяжении 1976-го и 1977-го годов.

Со временем я и мои коллеги из Куантико побеседовали и со многими серийными убийцами и маньяками, в том числе с убившим множество молодых женщин Тедом Банди и Гэри Хейдником, пытавшим и убивавшим женщин в подвале своего филадельфийского дома. Черты характера обоих были использованы писателем Томасом Харрисом в его «Молчании ягнят». То же относится и к Эду Гину, с которым я беседовал в психиатрической больнице. Гин убивал женщин, чтобы использовать их кожу для поделок. Он послужил также прототипом Нормана Бейтса из знаменитого фильма Альфреда

Хичкока «Психо». К сожалению, наша беседа была безрезультатной: возраст и психическая болезнь полностью расстроили мышление Гина. Тем не менее он все еще получал удовольствие от занятий кожевенным ремеслом: делал ремни и бумажники.

В итоге появилась методика интервьюирования, позволяющая увязать преступление как таковое с тем, что происходит в голове убийцы в момент его совершения. Впервые мы получили возможность сопоставить психологическое состояние преступника с оставленными им уликами и тем, что он говорил своей жертве в случае, если она выжила, или делал с ее телом до и после смерти. Как мы часто убеждались, это помогало ответить на извечный вопрос: «Что за человек мог сделать подобное?»

К моменту завершения первого этапа наших собеседований мы уже знали, что за люди способны на подобное. Их мотивы можно было описать тремя словами: манипуляция, доминирование и контроль.

С этих бесед все и началось. Все собранные нами данные и выводы, к которым мы пришли на их основе, книга «Убийство на сексуальной почве», ставшая результатом наших изысканий, созданное нами «Пособие по классифицированию преступлений», пойманные с нашей помощью и переданные суду убийцы - все это началось с того, что мы усаживались за стол напротив убийцы и задавали вопросы о его жизни, чтобы понять, что заставило его лишить жизни другого человека, а иногда и многих людей. Все это стало возможным потому, что мы обратили внимание на не использованный ранее источник знаний - самих преступников.

Ниже мы детально рассмотрим четверых убийц, напротив которых я усаживался уже после своего ухода из Бюро. В беседах с ними я использовал методы, аналогичные разработанным в процессе наших исследований. Эти убийцы разнятся между собой приемами, мотивами, психологией и количеством жертв. Все они становились для меня источниками новых знаний. Различия между ними вызывают безусловный интерес. Но не менее интересны и общие черты. Все они опасные маньяки, не установившие близкие доверительные отношения с другими людьми в процессе формирования своих личностей. И каждый из них представляет собой яркую иллюстрацию к дискуссии по одному из центральных вопросов поведенческого анализа:

убийцами рождаются или же становятся в силу особенностей развития?

В ФБР работа моей группы строилась по формуле почему? + как? = кто. Беседуя с осужденными, мы могли пройти этот процесс в обратном порядке. Мы знали кто и что. Сопоставив эти знания, мы получали ответы исключительно важные: как и почему.

Часть I

Кровь агнца

1. Пропала девочка

В 1998 году, отпраздновав 4 июля День независимости, я сел на поезд и поехал на встречу с очередным потенциальным «источником знаний» по имени Джозеф Макгоуэн. Когда-то этот обладатель магистерской степени преподавал химию в старших классах. Но вот уже долгое время он был известен всего лишь как заключенный № 55722 тюрьмы штата Нью-Джерси в городе Трентон.

Макгоуэн лишился свободы, потому что за четверть века до этого совершил изнасилование и особо жестокое убийство семилетней девочки, зашедшей к нему в дом предложить благотворительные печеньки.

Поезд держал путь на север, а я готовился к предстоящему разговору с убийцей. Это нужно делать всегда, но в данном случае это было особенно важно. Наша беседа имела значение далеко не только как источник информации для исследовательских целей. Комиссия штата Нью-Джерси по вопросам условно досрочного освобождения ожидала от меня помощи в решении вопроса о возможности выпуска Макгоуэна на свободу. В этом ему отказывали уже дважды.

В то время председателем комиссии штата по УДО был юрист по имени Эндрю Консовой. Он работал в комиссии с 1989 года, а ее председателем стал как раз в момент, когда ходатайство Макгоуэна поступило на рассмотрение в третий раз. Услышав радиопередачу с моим участием, Консовой прочитал нашу книгу «Охотник за разумом» и порекомендовал ее исполнительному директору комиссии Роберту Иглзу.

«Помимо прочего, из нее и других ваших книг я уяснил себе, что нужно иметь полную информацию о человеке, разобраться в том, что

он собой представляет. Он ведь не новорожденным пересек порог тюрьмы», - вспоминал Консовой впоследствии.

Исходя из этого, он создал при комиссии специальную следственную группу, состоявшую из двух отставных полицейских и исследователя. Их задачей было детальное изучение спорных ходатайств об УДО и предоставление членам комиссии максимально полной информации о претенденте, на основе которой можно было принять то или иное решение. Они-то и попросили меня проконсультировать их по делу Макгоуэна.

Консовой и Иглз встретили меня на станции и отвезли в отель в небольшом живописном городке Ламбертсвилл, стоящем на реке Делавэр. Там Иглз передал мне копию полного досье по делу Макгоуэна.

Вечером мы поужинали втроем, поговорили о моей работе в самых общих чертах, не касаясь деталей дела, в связи с которым я приехал. Мне было сказано лишь, что его фигурант убил семилетнюю девочку и нужно понять, представляет ли он опасность для общества сейчас.

После ужина они подбросили меня до отеля, где я на несколько часов погрузился в изучение досье. Мне предстояло сделать вывод о состоянии психики Макгоуэна - тогда и сейчас. Сознавал ли он характер и последствия своего преступления? Отличает ли хорошее от плохого в принципе? Беспокоит ли его содеянное? Раскаивается ли он хоть как-то?

Как он поведет себя во время беседы? Станет ли вспоминать свое преступление в деталях? Где он собирается жить и что делать, если его выпустят? Как будет зарабатывать на жизнь?

Никогда не приходить на встречу неподготовленным - одно из моих главных правил бесед с заключенными. Кроме того, я не брал с собой записей. Они могли послужить дополнительным барьером между мной и собеседником как раз в момент, когда нужно будет проникнуть в самые глубины его психики.

Я не знал, что именно получу в результате предстоящей беседы, но полагал, что она будет интересной. Из каждого разговора с подобными «экспертами» я извлекал нечто ценное для себя. Оставалось лишь понять, какого рода «экспертными знаниями» может обладать Джозеф Макгоуэн.

Я тщательно изучал содержимое досье и собирался с мыслями в преддверии завтрашнего разговора.

Представшая перед моими глазами история была ужасной.

Примерно в 14.45 19 апреля 1973 года (ее мать запомнит этот Великий четверг пасхальной недели навсегда) Джоан Анджела Д’Алессандро заметила машину, припарковавшуюся на правой стороне перекрестка улиц Флоренс-стрит, на которой она жила, и соседней Сент-Ни кол ас Авеню. Джоан и ее старшая сестра Мэри уже заканчивали разносить благотворительное печенье жителям своего тихого района в Хиллсдейле, штат Нью-Джерси. В то время считалось вполне нормальным отпускать детей заниматься этим делом одних. Сестры Д’Алессандро учились в католической школе, и часть своего свободного по случаю религиозного праздника дня они посвятили доставке заказов. Оставался последний на сегодня - для жителей углового дома. Джоан, как обычно, хотела довести порученное дело до конца.

Это была симпатичная, заметная и активная семилетняя девочка, полная энергии и обаяния. Ее по-настоящему увлекало все на свете: школа, балет, рисование, собаки, куклы, подружки и цветы. Школьная учительница называла Джоан «социальной бабочкой», настолько естественным образом она привлекала к себе внимание окружающих. Ее любимой музыкой была «Ода к радости» из Девятой симфонии Бетховена. Она была младшей из троих детей-погодок. Фрэнку, которого все звали Фрэнки, было девять лет, а Мэри - восемь. Как вспоминает Розмари, старшие были посерьезнее, а Джоан - побеспечнее: «Джоан была очень чуткой. Она всегда беспокоилась о чувствах и переживаниях других людей. От природы была храброй».

На фотографиях того периода она практически всегда улыбается. Вот Джоан в своей коричневой школьной форме, оранжевом галстуке и шапочке, из-под которой струятся длинные каштановые волосы. Вот она в черном трико и белых колготках демонстрирует балетное па. Вот Джоан в темно-синем вязаном свитере, как будто только что обернулась на камеру, волосы волнами ниспадают на ее милое личико. Вот она в нарядном светло-голубом платьице присела поправить букетик в руках своей куклы Барби. Разные образы Джоан на этих фото объединяют две черты: ангельская улыбка и невинная

притягательность взгляда ее синих глаз. Как сказал один из друзей Фрэнки: «Она была такой простой и искренней. Я бы на ней женился!»

Дед-итальянец обожал ее. «E cosi libera! Она такая резвушка!» - любил говорить он. Слыша задорный смех Джоан, Розмари мечтала о том, что, повзрослев, дочь станет выступать на театральных подмостках. С восьмилетнего возраста ее собирались учить игре на фортепиано.

Во второй половине того дня Джоан играла около дома одна: Фрэнки отправился в гости к жившему по соседству другу, а Мэри - на спортивный матч. Неожиданно она заскочила в дом со словами: «Я заметила еще одну машину. Пойду отнесу им печенье!» Схватив лежавший в прихожей рюкзачок с двумя коробками печенья, она вылетела обратно на улицу: «Пока, мамуль, я сейчас!» Розмари помнит, как развевались забранные в конский хвост волосы Джоан, сбегавшей по ступеням крыльца во двор дома и исчезавшей на улице.

По рассказу соседки, примерно десять минут спустя она услыхала упорный лай своего пса по кличке Бузер. Джоан любила гулять и играть с Бузером, а тот обожал ее.

Розмари не очень обеспокоило то, что дочь не вернулась домой сразу же. «Наверное, она зашла в гости к живущей по соседству подружке Тамаре», - подумала она. В их районе было принято запросто заходить в гости к знакомым, и общительная девочка могла всегда найти себе компанию. Заволновалась Розмари около 16.45, когда к ним пришла учительница музыки, чтобы позаниматься с Мэри, но виду не подала, чтобы ее тревога не передалась детям. В конце концов, их район считался спокойным и безопасным: неподалеку жили пастор и агент ФБР.

Она начала обзванивать соседей. Джоан нигде не было, и никто ее не видел.

Примерно без десяти шесть с работы вернулся муж Розмари Фрэнк Д’Алессандро, и она сообщила ему, что Джоан пропала. Фрэнк работал системным аналитиком и был от природы немногословным и методичным человеком, но Розмари сразу увидела, как он внутренне встревожился и напрягся. «Надо позвонить в полицию», - сказала она ему. Фрэнк согласился и позвонил. Потом он взял с собой Фрэнки и Мэри и отправился объезжать район в поисках Джоан. Они исколесили все окрестности, но не нашли ни ее саму, ни кого-нибудь, кто ее видел.

Тогда Розмари решила отправиться на поиски сама. Фрэнк не захотел пойти вместе с ней. Она вспомнила, как, выбегая из дому, Джоан сказала что-то про «еще одну машину» на Сент-Ни кол ас-авеню и про то, что хочет отнести туда последние оставшиеся у нее печеньки. Это была машина Макгоуэнов. Джозеф Макгоуэн преподавал химию в старших классах школы Тэп- пэн Зи в Оранжбурге, расположенном почти на границе штата Нью-Йорк. Он жил в доме, который принадлежал его матери Женевьеве, вместе с ней и ее мамой, то есть своей бабушкой. В тот день в государственных школах занимались, и, судя по всему, учитель должен был вернуться домой с работы как раз тогда, когда Джоан заметила его машину.

Розмари не хотелось выходить в одиночку, и скрепя сердце она взяла с собой Фрэнки. Вместе они прошли по Флоренс-стрит и свернули на Сент-Николас-авеню. На часах было десять минут седьмого. На первом справа угловом участке стоял обшитый двухцветным сайдингом двухэтажный дом Макгоуэнов с гаражом на две машины, к которому вела подъездная дорожка.

Они поднялись по ступенькам на крыльцо, и Розмари позвонила в дверь. Фрэнки она велела оставаться на улице.

Дверь открыл Джозеф Макгоуэн, выглядевший так, будто только что принял душ. В руке у него была тонкая сигара, которую Розмари сперва не заметила. Она не была знакома с этим 27-летним холостяком, но «дети говорили, что он очень приятный человек».

Розмари прошла в прихожую: ей захотелось оказаться там, где, как она понимала, совсем недавно была Джоан. Ее уже охватило некое зловещее чувство. Женщина представилась и спросила: «Вы видели мою дочку Джоан? Девочка приносила сюда благотворительное печенье».

«Вообще не видел», - с безразличным тоном ответил он.

И в этот момент Розмари почувствовала, как все внутри нее оборвалось.

«Я стояла в прихожей и вдруг заметила, как у его дома остановилась большая пожарная машина. Мы же звонили в полицию, и, когда я поняла, что они так на это отреагировали, до меня дошло, что жизнь моя с этой минуты изменится безвозвратно».

Розмари была потрясена реакцией Макгоуэна, вернее, ее отсутствием. «Я стояла в этой прихожей со слезами на глазах, а он

смотрел на меня совершенно безучастно. Увидев слезы на моих щеках, поднялся по ступенькам ведущей наверх лестницы и встал там со своей сигарой, дожидаясь моего ухода. По пути домой я поняла, что ему известно, что произошло с Джоан».

После того как полиция опросила Розмари и Фрэнка у них дома, на поиски Джоан поднялся весь район. Участвовать в них вызвались бойскауты и Джозеф Макгоуэн. Сотни людей разбились на небольшие группы и прочесывали все дома, приусадебные участки, мусорные баки и помойки, леса и парки в Хиллсдейле и соседних городках. Полиция привезла розыскных собак. Несколько человек отправились на пожарной машине, которую видела Розмари, искать Джоан на водохранилище у озера Вудклифф.

Примерно в 21.20 в доме Розмари и Фрэнка появились священник из церкви Иоанна Крестителя и полицейский кинологический расчет с немецкой овчаркой. Розмари дала служебной собаке понюхать нестираную одежду Джоан, после чего расчет отправился по окрестностям. Женщину не оставляло ощущение, что пес понял, что происходит, и глубоко сочувствует ей и Джоан. Полицейские с собакой тщательно изучили путь к дому Макгоуэна, территорию вокруг него, входную дверь и ворота гаража, но нигде ничего не нашли.

Известие о пропаже и поисках девочки распространилось моментально, и район заполонили газетные и телевизионные репортеры. По замечанию самой Розмари, такого рода вещи в Хиллсдейле не случались никогда. Она регулярно разговаривала с прессой в надежде, что объявится кто-то, кто что- то заметил. Ее основным воспоминанием об общении со СМИ стало ковровое покрытие лестницы, которое грязная обувь журналистов превратила из бежевого в темно-серый.

В тот вечер чувство мучительного беспокойства сделало обстановку в доме семьи Д’Алессандро почти невыносимой. Фрэнку было свойственно впадать в ярость от огорчения. Накануне мужчина взорвался из-за отсутствия подарочной упаковки для пасхального подарка. «Он мог быть тихим и спокойным на протяжении долгого периода времени, а потом моментально и полностью измениться, - вспоминает Розмари. - Он хорошо зарабатывал, но был необщителен, и наши отношения так никогда и не стали по-настоящему задушевными».

Начальник полиции Хиллсдейла Филип Вариско проводил отпуск во Флориде, когда ему доложили о пропаже девочки. Для такого городка и для такого руководителя отсутствие шефа полиции на месте трагедии было бы делом немыслимым, и он помчался домой. Скончавшийся в 2012 году в возрасте восьмидесяти девяти лет Вариско был настоящим профессионалом. Чтобы максимально повысить личную эффективность и эффективность работы своих людей, он прошел курс повышения квалификации в Национальной академии ФБР в Куантико.

На следующий день Вариско приехал к семье Д'Алессандро. Он застал Розмари сидящей на крыльце дома. Понимая, что удачный исход маловероятен, Вариско сообщил ей, что взял расследование под личный контроль, и твердо заверил, что будет сделано все необходимое и возможное. Он попросил фотографию девочки для публикации в газетах. Розмари сняла со стены в коридоре фото Джоан в школьной форме, вынула его из рамки и вручила ему.

Фрэнк сказал журналистам, что если похититель Джоан вернет ее целой и невредимой, то он лично будет ходатайствовать перед властями об отмене уголовного преследования. В одном из телеинтервью Розмари рассказывала репортеру Вику Майлзу о том, что за необыкновенный и всеми любимый ребенок Джоан, и умоляла вернуть ее домой. Много лет спустя одна из одноклассниц Джоан сказала Розмари, что до сих пор хранит живое воспоминание о телепередаче, в которой мама просит возвратить ей дочурку. Всего лишь двумя месяцами ранее женщина ни с того ни с сего подумала, насколько ужасным и мучительным событием стала бы для нее смерть кого-то из ее детей.

Полицейские допросили нескольких вероятных подозреваемых, в том числе мужчину, которого видели разъезжающим по району примерно за час до исчезновения Джоан, и еще одного, бесцельно бродившего по нему пешком. Оказалось, что первый искал подходящий дом для переезда, а второй просто заблудился. В расследовании серьезных дел почти всегда хватает неясностей и ложных следов, но очень скоро в центре внимания следователей оказался Джозеф Макгоуэн. Хотя на криминальном учете он не состоял, но Джоан сказала, что идет именно в его дом, а ее мать вспоминала о зловещем впечатлении, которое произвел на нее разговор

с ним. На следующий день после исчезновения Джоан ее отец увидел, как Макгоуэн выносит мусор, и сказал Розмари, указывая на угловой дом: «Что-то там не так».

Следователи полиции допрашивали Макгоуэна и в пятницу, и в субботу. Его просили дать поминутный отчет о том, как он провел время после того, как к его дому отправилась Джоан. В спокойной и любезной манере мужчина неизменно отрицал, что видел Джоан в минувший четверг. В то время, когда дочь Розмари отправилась к нему домой, он покупал продукты в соседнем супермаркете. А что насчет машины, которую Джоан видела подъезжающей к его дому? Может кто-то подтвердить, что она выезжала из гаража? Нет, он пошел пешком. На какой из касс Макгоуэн расплачивался? Не запомнил. Можно посмотреть на чек за продукты? Он, кажется, его выбросил. Может быть, чек все еще в мусорном баке? Возможно, мусор уже вывезли. По каким дням приезжает мусорная машина? Не уверен, что знает. А что купил? Стейки, яблоки и кое-что еще. Эти стейки все еще лежат в холодильнике? Нет, они с мамой их съели. А яблоки? Не знает точно.

У опытных следователей развивается нюх на то, насколько правдивы рассказы подозреваемых и их утверждения о невиновности. Как-то за ланчем Марк Олшейкер поинтересовался у отставного следователя лос-анджелесского полицейского управления Тома Лэнджа, когда тот пришел к выводу о том, что О. Дж. Симпсон - главный подозреваемый по делу об убийстве его бывшей жены Николь и ее бойфренда, официанта Рональда Голдмана. Лэндж сказал, что О. Дж. выглядел искренним и готовым к сотрудничеству, но при этом не задал ни одного вопроса ни по поводу подробностей гибели Николь, ни по поводу того, насколько мучительной была ее смерть, ни по поводу соображений полиции относительно того, кто мог это сделать. А ведь это именно те вещи, которые обычно стремятся узнать близкие погибших.

Друг Джоан Рич вспоминает об огромной толпе людей, собравшейся у полицейского участка на Сентрал-авеню, в котором допрашивали Макгоуэна. На его детский взгляд, это выглядело так, как будто там собрался весь городок.

На фоне все более очевидных пробелов и противоречий в показаниях Макгоуэна полицейские предложили ему пройти

исследование на полиграфе прямо в здании участка. Он согласился.

Полиграф Макгоуэн провалил, и, сообщив ему об этом, следователи предъявили все нестыковки в его показаниях. В конце концов уставший и припертый к стенке мужчина попросил о встрече со священником, которому сознался в содеянном во время встречи один на один. Затем он сделал признание следователям. Макгоуэн рассказал им, что, убив Джоан, вывез ее тело в соседний штат Нью-Йорк и оставил в лесопарке Хэрри мен примерно в двадцати милях отсюда.

Обязанность сообщить об этом Розмари и Фрэнку взял на себя Вариско. Было около четырех часов пополудни. Будучи очень чутким человеком, начальник полиции привел с собой католического священника. Они присели за столом на кухне. Сама Розмари вспоминает, как убирала со стола скатерть, чтобы хоть немного оттянуть то, что, как она понимала, вот-вот произойдет.

Когда шеф рассказал ей о признании Макгоуэна, Розмари закричала: «Я убью его!» Она говорит, что в этот момент сохраняла разум и контроль над собой и понимала, что на самом деле не собирается делать ничего подобного, но охватившая ее жгучая боль требовала выхода.

Священник принялся увещевать ее не говорить подобных вещей. «А вы как хотели, святой отец?» - сказал ему Вариско.

2. «Спалось мне хорошо»

Главный судмедэксперт округа Рокленд штата Нью-Йорк д-р Фредерик Т. Зугибе сказал, что случай Джоан был одним из самых эмоционально тяжелых за все долгие годы его плодотворной профессиональной деятельности.

Полицейское управление Хиллсдейла мгновенно направило информацию прокурору округа Берген, который в свою очередь передал ее отделу полиции офиса шерифа округа Рокленд штата Нью-Йорк. Уже во второй половине дня Пасхального воскресенья полицейский Джон Форбс выехал к указанному ему месту в южном конце лесопарка Хэрри мен, неподалеку от шоссе Гейт-Хилл.

Там он обнаружил обнаженное тело белой девочки со следами насилия. Его втиснули в расщелину между двумя валунами на

покрытом листьями склоне у подножия скалы. Голова ребёнка была резко повернута влево и смотрела вниз. Отцу четверых маленьких детишек Форбсу стоило огромных усилий совладать с собой при виде этого зрелища.

Он вызвал криминалистов и судмедэкспертов.

Когда менее чем через час к месту прибыл д-р Зугибе, внутри оцепления уже собралась целая толпа из полицейских, криминалистов, следователей, агентов ФБР, журналистов, фоторепортеров и просто любопытствующих. Он немедленно потребовал от полицейских удалить из оцепления всех, не имеющих прямого отношения к делу.

Опознать тело приехал сосед семьи Д'Алессандро Ричард Коллиер, работавший в нью-йоркском региональном управлении ФБР.

Да, это была Джоан.

Хотя на месте уже наследили, тело девочки оставалось в том же положении и к нему не прикасались. Д-р Зугибе сразу же обратил внимание на трупные пятна - фиолетовые участки кожи в абдоминальной области. Это говорило о том, что девочку убили не здесь. В противном случае под воздействием силы тяжести трупные пятна образовались бы на спине. Поскольку для их появления нужно как минимум шесть часов, он понял, что труп выбросили здесь отнюдь не только что. Измерив температуру тела, Зугибе установил, что она соответствует температуре воздуха. Это указывало на то, что смерть наступила не менее полутора суток назад, именно такое время требуется для полного охлаждения трупа. Это же подтверждало и отсутствие мышечного окоченения - посмертного напряжения мышц, которое начинается через несколько часов после смерти и спадает спустя максимум 36 часов.

На основе всех очевидных физических данных доктор пришел к выводу, что смерть Джоан наступила около пятидесяти часов назад. Проведя более сложные исследования во время вскрытия, он увеличил период времени до минимум семидесяти часов. Это означало, что девочка умерла примерно через два часа после того, как Розмари видела ее в последний раз.

Полицейские тщательно обыскали прилегающую территорию и нашли серый пластиковый пакет с логотипом компании Mobil. По словам Зугибе, вещи в пакете были аккуратно сложены, а не запиханы в него кое-как. Это была одежда, в которой Джоан была на момент

своего исчезновения: пара красно-белых кроссовок, бирюзовая блузка, бордовые брюки, белые носки и запачканные кровью белые трусики.

Перед вывозом тела полицейские связались с часовней Девы Марии в Стони-Пой нт и попросили священника приехать на место. В присутствии полицейских, следователей, агентов ФБР и репортеров прибывший пастырь совершил обряд соборования Джоан Анджелы Д'Алессандро при свете огней полицейских машин. После этого д-р Зугибе официально объявил ее умершей, хотя это было очевидно и так. Он выполнил обязательную формальность при расследовании любых убийств.

Вернувшись в бюро судмедэкспертизы в Помоне, доктор начал вскрытие. По собственному многолетнему опыту работы с судмедэкспертами могу сказать, что на свете есть мало вещей более болезненных, чем вскрытие детского трупа, и уж точно нет ничего мучительнее вскрытия тела ребенка, погибшего насильственной смертью.

Закончив, Зугибе составил перечень травм, свидетельствовавших о крайней жестокости преступления: перелом шеи, следы удушения руками, смещение правого плечевого сустава, генерализованные глубокие кровоподтеки, рваные раны подбородка и верхней губы, трещина лобной кости черепа, разрыв обеих носовых пазух, отек лица, синяки под обоими глазами, три расшатанных зуба, сотрясение и кровоизлияние головного мозга, ушиб легких и печени и разрыв девственной плевы.

Джоан оглушили, придушили, совершили над ней сексуальное надругательство и в конце концов забили насмерть. Но, по словам доктора, все обстояло еще хуже. Если бы она умерла сразу же после побоев и удушения, ее лицо и тело не выглядели бы опухшими. Со смертью человека гомеостаз, вызывающий опухоли поврежденных тканей, прекращается. А поскольку опухоли образуются примерно в течение получаса, Зугибе пришел к выводу, что Джоан оставалась жива как минимум тридцать минут после того, как на нее напали. Слава Богу, она почти наверняка была без сознания.

При тщательном обследовании шеи судмедэксперт выявил две области повреждений: щитовидный хрящ и подъязычную кость. Он заключил, что примерно через полчаса после смертоносного нападения преступник, будучи неуверенным в смерти своей жертвы,

вернулся к ней, чтобы задушить еще раз. Для меня это звучит совершенно убедительно. Такие «неопытные убийцы», как Джозеф Макгоуэн, нередко испытывают сомнение в своих способностях убивать и не желают полагаться на волю случая.

Пример аналогичного поведения я наблюдал в ходе расследования убийства шести летней Джонбенет Рэмси в Боулдере, штат Колорадо, случившемся под Рождество 1996 года. В отчете судмедэксперта были указаны две возможные причины смерти: от удара тупым предметом по голове и от удушения веревкой. Поскольку на месте преступления следов крови не было, я решил, что причиной смерти стало удушение, а удар по голове был нанесен с целью убедиться в смерти девочки.

С точки зрения поведенческого анализа такие научные факты говорят об очень важной вещи. Ни один родитель, кроме систематически жестоко обращающегося со своими детьми, не стал бы целенаправленно душить этого ребенка на протяжении нескольких минут. Такое просто невозможно. В совокупности со всеми прочими судебно-медицинскими и поведенческими данными это предположение не позволяет ответить на вопрос, кто убил Джонбе – нет. Но оно говорит нам о том, кто ее не убивал - ее родители. Этот наш с Марком вывод вызвал волну упреков и осуждения со стороны общественности и моих бывших коллег по службе в ФБР. Однако отправление уголовного правосудия - это не конкурс популярности, и фактам надо предоставить возможность говорить самим за себя.

Именно этого я и ждал от встречи с Джозефом Макгоуэном.

Макгоуэн предстал перед окружным судьей округа Берген Джеймсом Ф. Мэдденом, который отказал в замене ареста залогом в 50 000 долларов. Во вторник 24 апреля 1973 года ему было предъявлено обвинение в убийстве Джоан Д’Алессандро.

Два дня спустя в католической церкви Св. Иоанна Крестителя состоялась заупокойная служба по Джоан. Дети из ее класса выстроились, чтобы проститься с ней, когда гроб выносили из храма.

Расследуя тяжкие преступления, надо стараться максимально абстрагироваться от эмоций. Это нужно не только для объективности и беспристрастности, но и для сохранения душевного равновесия. На протяжении всей моей карьеры поведенческого аналитика необходимость ставить себя на место жертв расследуемых преступлений действительно была тяжким психологическим

бременем. Реакция д-ра Зугибе и полисмена Форбса на зрелище истерзанного тела малышки Джоан вполне понятна. Как ни старайся быть «профессионалом», не реагировать на подобное невозможно.

«Каким же чудовищем должен быть человек, ни с того ни с сего сотворивший подобное с семилетней девчушкой?» - спрашивал я себя, читая досье четверть века спустя. Именно на этот вопрос нужно было постараться найти ответ.

На следующий день после предъявления ему обвинения Макгоуэн повторил свое признание д-ру Ноэлю К. Гэйлину - психиатру, консультировавшему судебную систему штата Нью-Джерси. Он подробно рассказал о том, как открыл Джоан входную дверь и, услышав о цели ее прихода, предложил спуститься с ним в подвал за деньгами. По всей видимости, она не хотела или сопротивлялась, поскольку Макгоуэн признался, что схватил девочку и потащил в подвал в свою спальню. В это время тугая на ухо его 87-летняя бабушка смотрела телевизор на втором этаже, а мать была на работе.

На этих страницах я не разглашаю никакую закрытую информацию из дела Макгоуэна или медицинских отчетов. Все оценки и аналитические данные, которые здесь приводятся, были опубликованы в решении Верховного суда штата Нью-Джерси по апелляционному делу «Джозеф Макгоуэн, заявитель- апеллянт, против Комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения штата Нью-Джерси» от 15 февраля 2002 года.

Как рассказывал д-ру Гэйлину Макгоуэн, оказавшись в своей спальне на «безопасном расстоянии» от улицы, он приказал Джоан раздеться. Так и не совершив половой акт, по его словам, он эякулировал себе в руку буквально в нескольких дюймах от девочки, после чего вошел в нее пальцами. Скорее всего, Макгоуэн не дождался, пока она разденется догола, поскольку ее трусики были запачканы кровью. Мы не можем с уверенностью говорить о том, что половой акт он так и не совершил, но кровь и травмированная вагинальная область говорят о совершенном над девочкой жестоком надругательстве.

Как рассказывал Макгоуэн, в этот момент до него дошло, какие последствия повлечет за собой его импульсивный поступок. «Внезапно я осознал, что совершил. Если отпустить ее, мне конец. Я

мог думать только о том, как от нее избавиться», - сказал он д-ру Гэйлину.

Как следователь скажу, что с криминологической точки зрения это выглядит убедительным. В такой стрессовой ситуации «разумный» преступник обычно думает только о том, как остаться безнаказанным. Похоже, так было и с Макгоуэном. Вопрос о том, оставалась ли Джоан живой после первого удушения столь же долго, сколько предположил д-р Зугибе, остается открытым, как и вопрос, какая из попыток убийства была для Макгоуэна успешной. Но в целом рассказ о происшедшем не вызывает сомнений. Стенограмма признания:

«Я схватил ее и начал душить, стащил с кровати в угол комнаты, с коврового покрытия на кафель. Она типа пыталась кричать и сопротивляться, но не могла, конечно, я же держал ее за горло обеими руками. Ну, и это... она затихла... вроде как просто улеглась там. Я оделся. Вспотел ужасно. Пошел в гараж. Взял пластиковые пакеты, чтобы ее в них запаковать. [Вернувшись из гаража] заметил, что она еще шевелится, так что снова придушил ее и несколько раз стукнул головой об пол. У нее кровь лилась из носа, изо рта... в общем, отовсюду. Весь пол заливала кровь. Тогда я взял пластиковый пакет, нацепил ей на голову и крепко держал, пока она окончательно не затихла».

Читая это перед встречей, я думал: «За пару часов до этого этот человек стоял в классной комнате и преподавал химию старшеклассникам. Что заставило его совершить то, что он совершил?»

В ходе признательных показаний Макгоуэн рассказал, что положил труп девочки в пластиковый мусорный мешок, потом обмотал его старым диванным покрывалом, перевязал веревкой, перетащил в гараж и засунул в багажник своей машины, той самой «новой машины», которую заметила Джоан. Он взял свои старые футболки и постарался оттереть всю кровь с пола. После чего отъехал на машине на пару десятков километров и выбросил обнаженное тело девочки под скалу на склоне холма в лесопарке Хэрри мен. Мусорный мешок и диванное покрывало он оставил на придорожной помойке.

Возвратившись в Хиллсдейл, он присоединился к волонтерам, искавшим Джоан.

«Когда я вернулся домой, мне полегчало. И спалось мне хорошо», - сказал он д-ру Гэйлину.

3. Сознание убийцы

Фрэнк Микулски ушел на пенсию с поста начальника полиции Хиллсдейла в 2006 году, прослужив в общей сложности сорок два года. Когда произошло убийство Джоан, он был патрульным сержантом.

«Это стало самым ужасным преступлением из всех, когда-либо случавшихся в наших краях. Этот человек совершил чудовищную вещь. А когда подобное происходит с ребенком, то намертво въедается в память общества. Для здешних людей это сродни Перл-Харбору или 11 сентября... Каждый помнит, где он был и что делал в тот день», - вспоминал он на страницах бергенской газеты Record.

Почти все, кто знал семью Д’Алессандро или Джозефа Макгоуэна, помнят, где и при каких обстоятельствах узнали о том, что произошло.

Учитель математики Роберт Каррильо ездил на работу вместе с Макгоуэном и еще одним учителем, Юджином Бальери, и когда стало известно о пропаже Джоан, сразу же о нем подумал: «Когда об этом сказали в новостях, я первым делом вспомнил о Джо. Да ведь он же живет рядом, наверное, знает ее, хотя, конечно, ни при чем».

В Пасхальное воскресенье Каррильо вместе с женой и дочкой навещал свою мать в Куинсе. Вечером они ехали домой и услышали новости по радио. «Мы были на шоссе в Бронксе, когда объявили о поимке подозреваемого в убийстве Джоан Д’Алессандро. Сказали, что это учитель старших классов из округа Рокленд, и назвали его имя. Мне пришлось остановиться на обочине. Сделалось физически плохо».

Джек Мескино преподавал химию вместе с Макгоуэном. Он и его близкий друг, Пол Колетти, несколько раз общались с ним в компаниях учителей. «Помню, как мы об этом узнали. Нам позвонили, и мы просто остолбенели, посмотрели друг на друга и сказали: “Что???”», - вспоминает Колетти.

«Да это было просто нереально. Было просто шоком узнать, что он сотворил такое, - соглашается Мескино, но затем продолжает: - С другой стороны, Джо и вправду был парнем со странностями.

Начинаешь вспоминать разные вещи. Еще меня поражал его юмор. С этим у него была большая проблема. То, что он находил смешным или забавным, не рассмешило бы обычного человека. Очень странно. Джо всегда ходил со связкой ключей, такого количества никому никогда и не понадобилось бы. Бог его знает, зачем они были ему нужны. В том числе он занимался тем, что проверял, закрыты ли двери классных комнат после окончания школьного дня. Было известно, что он наезжал на некоторых коллег из-за незапертых классов. Это вообще- то не входило в его обязанности. Административных функций у него не было. Хотя перед дирекцией школы он откровенно заискивал».

«Считали его подхалимом, - говорит Каррильо. - А еще я вспоминаю, что, когда было модно состоять в клубе Playboy в Нью-Джерси, Джо щеголял перед всеми в учительской своей золотой членской карточкой. Одобрение или признание окружающих, да, для него это было важное дело».

Мы спросили Каррильо, нравился ли Макгоуэн ученикам. «Думаю, да. Он относился к типу учителя, который старается расположить их к себе. Он очень старался нравиться детям».

Однако это получалось не всегда. Позже мы с Марком узнали, что целому ряду учениц было в обществе Джозефа не по себе. Одна женщина, которой сейчас под шестьдесят, вспомнила, как на уроке химии спросила Макгоуэна, что делать с уже не нужной ей стеклянной колбой. Он схватил колбу и бросил на пол так, что осколки разлетелись по всему классу. Свой поступок преподаватель никак не объяснил.

Так же думали о Джозефе и другие ученицы. Одна из них поделилась своими воспоминаниями в социальной сети: «Когда-то, наверное, в выпускном 1971 году, этот Макгоуэн вел у нас химию. Он пугал настолько, что я пошла в дирекцию и попросила, чтобы меня перевели из его класса».

Неделю, последовавшую за убийством Джоан, школа в Таппан Зи оставалась закрытой на весенние каникулы, но в день начала занятий, в следующий понедельник, в классах царила атмосфера гнетущей тишины.

«Возобновление занятий происходило очень странно. Все знали, что произошло, но никто толком об этом не разговаривал. Может, ученики и обсуждали это между собой, но сотрудники были просто в

шоке, и всё. Совет по образованию уволил Макгоуэна на закрытом совещании, публично об этом не объявляли», - говорит Каррильо.

По словам Каррильо, он общался на эту тему с Юджином Бальери, и «кое-что вспоминалось. Но случившееся было так ужасно, что люди избегали касаться этого даже вскользь».

Еще хуже было Джеку Мескино: «Возобновление занятий проходило просто ужасно. Мы же преподавали совместно, и тут вдруг наши ученики становятся моими учениками. Никогда не забуду первые несколько уроков. Мне нужно было пять-десять минут, чтобы просто набраться мужества обратиться к ученикам. Сидели и смотрели друг на друга, не знали, как с этим быть. Были полностью оглушены».

На протяжении нескольких последующих недель сидевшего в окружной тюрьме Макгоуэна подвергли еще некоторым психологическим обследованиям. 10 мая 1973-го, немногим более чем через две недели после д-ра Гэйлина, подозреваемого проверял психолог Эммануил Фишер. Он установил, что Макгоуэн «чрезвычайно нестабильная, зажатая и истеричная личность, склонная поступать по настроению и импульсивно, в очень несдержанной форме. Несмотря на то что он исключительно умен, рациональный контроль слаб».

Д-р Фишер отметил «огромную глубинную бессознательную враждебность», которую он «подавлял, избегал, сублимировал и интел л актуализировал». И хотя он старался казаться «очень порядочным, воспитанным, адекватным человеком, эти подчеркнутые порядочность, воспитанность и адекватность представляют собой фасад глубокой депрессивности и враждебности, в которых он не отдает себе отчета».

Менее чем через месяц, 6 июня, д-р Гэйлин представил психиатрический отчет о своих беседах с Макгоуэном. Он отмечал, что обследуемый «предоставил хорошо обоснованное описание своего сексуального влечения к маленьким девочкам. Это, и совершенно очевидная картина доминирования матери, и ее чрезмерная опека ясно указывают на наличие у него ряда серьезных проблем, не позволяющих выстроить нормальные отношения со взрослой женщиной».

Гэйлин ссылался на признание Макгоуэна в том, что уже несколько лет его сексуально возбуждают маленькие девочки, особенно его двенадцатилетняя двоюродная сестра. По его словам, он

мастурбировал, фантазируя об изнасиловании. На этой основе психиатр сделал вывод о том, что «маленькие девочки не являлись источником его представлений о себе как о довольно слабом мужчине».

В октябре д-р Абрахам Эффрон представил еще один нейропсихиатрический отчет. Согласно ему, Макгоуэн подтверждал то, что уже рассказал д- ру Гэйлину о своих «сексуальных фантазиях». Он добавил также, что в девятнадцатилетнем возрасте работал вожатым в летнем лагере и испытал возбуждение, когда одна из девочек села к нему на колени.

Д-р Эффрон побеседовал также и с матерью Макгоуэна Женевьевой, которой в момент убийства не оказалось дома. Она сказала, что ее супруг, скончавшийся от сердечного приступа, когда Джозеф находился в университете, «был намного ближе к мальчику, чем она, и часто ходил с ним гулять». По окончании высшего учебного заведения Джо поселился в родительском доме вместе с ней и бабушкой.

В отчете Эффрона говорится:

«Макгоуэн не всегда показывает свои чувства, утаивает многие стороны своего сложного истинного “я”, свое сам ©отождествление и связанные с ним эмоциональные трудности. Он пытается скрывать свою неспособность по- настоящему утвердиться в роли мужчины. В обществе противоположного пола всегда испытывает напряжение. Это порождает тревожность, в свою очередь подпитывающую саму себя и выливающуюся в еще большую напряженность, которая должна сгладиться полной потерей самоконтроля или

сексуальной разрядкой.

Ему удается контролировать скрытый психоз и непомерными интеллектуальными усилиями сдерживать свои первобытные импульсы, но, как показывают прошлый и трагический недавний опыт, он может сорваться снова».

Дискуссия о том, рождаются маньяками или становятся ими (так называемый вопрос «наследственности или воспитания»), не утихает. Берусь утверждать, что человек, не имеющий определенных врожденных склонностей к импульсивности, приступам ярости и/или проявлениям садизма, не станет маньяком в силу трудного детства. В то же время я нисколько не сомневаюсь в том, что плохое воспитание и

негативные впечатления детства и юности могут подталкивать к этому людей, обладающих такими врожденными склонностями.

Кстати, одним из таких людей был Эд Кемпер.

Эдмунд Эмиль Кемпер III был первым, кого мы с Бобом опросили после того, как мне пришла в голову идея разговаривать с убийцами. Единственной проблемой было то, что мы толком не понимали, что делаем.

Работая агентами ФБР, мы научились опрашивать свидетелей и допрашивать подозреваемых. Но ни один из этих навыков в действительности не помогал нам в беседах с заключенными. Опрос в процессе следствия - встреча с человеком, который может обладать информацией в связи с преступлением или совершившим его преступником. Мы стараемся разузнать как можно больше о том, кто, что, когда, где, зачем и как. К этому человеку не относятся, как к подозреваемому.

В то же время допрос подразумевает, что вопросы задаются человеку, которого подозревают в совершении преступления. Такого человека обязаны проинформировать о его правах, а получение сведений ни в коем случае не должно нарушать установленные процессуальные рамки. Для допрашивающего это обычно становится чем-то вроде презентации, в ходе которой подозреваемый получает неопровержимые доказательства своей причастности к совершенному преступлению. Чтобы привести подозреваемого к сотрудничеству и признанию, вопросы задаются не в сослагательном, а в утвердительном наклонении.

Ни один из этих подходов для наших тюремных бесед не годился. Взаимодействие между агентом и особо опасным преступником должно было носить неформальный и не слишком структурированный характер. Нам нужны были не факты, которые уже установили до нас, а мотивы, картина поведения до и после преступления, описание процесса выбора жертвы и, главное, ответы на вопросы почему? и зачем? И все это нужно было получить без излишнего нажима, напора и подводок, то есть в манере, прямо обратной той, которую мы старались применять в допросах подозреваемых.

Как бы парадоксально это ни выглядело, но беседа в тюрьме должна была быть «естественной»: просто пара людей собралась поговорить и обменяться информацией.

Раз уж мы были в Калифорнии, то решили начать с местной «клиентуры». Один из тамошних агентов бюро был учеником Боба и согласился стать для нас связующим звеном с тюремной системой штата. Эд Кемпер - гигант под метр девяносто ростом и под полтора центнера весом - отбывал несколько пожизненных сроков в тюремной больнице штата Калифорния в Вакавилле, городке на полдороге между Сакраменто и Сан-Франциско. За серию убийств на территории Калифорнийского университета в Санта-Круз и вокруг нее, совершенных им в 1972-1973 годах, Кемпер получил прозвище Убийца студенток. До встречи мы ознакомились со всеми страшными деталями его досье. Впоследствии это стало обязательной частью нашего рабочего процесса: мы не хотели, чтобы нас сбивали с толку или обманывали большие специалисты по этой части. Но нам нужны были не столько факты, сколько то, что думали и чувствовали подобные Кемперу, когда замышляли и совершали свои преступления. Мы хотели понять, что ими двигало, какими приемами они пользовались и как они относились к каждому из своих нападений или убийств постфактум. Нам нужно было знать, как и где зарождались их фантазии, что именно было для них наиболее ценной эмоциональной составляющей преступления и действительно ли муки и страдания жертв были им так важны. Короче говоря, где проходит водораздел между «практическими» аспектами совершения преступления и его «эмоциональными» мотивами.

Кемпер родился в 1948 году в Бербанке, штат Калифорния. Вместе с двумя младшими сестрами он рос в неблагополучной семье: его родители Эд и Кларнелл постоянно ссорились и в конце концов разошлись. Уже в раннем детстве Кемпер мучил домашних животных и играл в смерть со своей сестрой Сьюзан. Сначала Кларнелл отослала его жить к отцу, а после побега оттуда к родителям отца, на ферму в калифорнийской глубинке.

Однажды бабушка Мод велела Кемперу не сопровождать деда в полях, а остаться дома и помогать ей по хозяйству. В ответ на это здоровущий четырнадцатилетний подросток застрелил ее из крупнокалиберной винтовки, после чего исполосовал кухонным ножом. Он застрелил и дедушку Эда, когда тот вернулся домой. Кемпера поместили на принудительное лечение в клинику для душевнобольных преступников, в которой он пробыл до достижения

возраста 21 года, когда, вопреки возражениям тюремных психиатров, его выпустили под опеку Кларнелл.

Спокойно восседая в тюремной камере для допросов, Кемпер рассказывал нам о своем детстве. Мать, боявшаяся, что сын будет домогаться своих сестер, заставляла его спать в подвальной комнате без окон. Это пугало его и заставило затаить обиду на них. В это время он начал мучить домашних кошек. Кемпер рассказал, как после выхода из психушки перебивался случайными заработками и как Кларнелл, работавшая секретаршей во вновь открывшемся Калифорнийском университете в Санта-Круз, дала ему понять, что ему никогда не стать ровней учившимся там красивым студенткам. Он приобрел привычку подвозить голосующих на дороге красивых девушек (знакомство с ними служило своего рода компенсацией за проведенную в тюрьме юность), и эта привычка постепенно перерастала в привычку похищать и убивать пассажирок. Кемпер рассказал, что привозил тела в дом матери, совершал с ними акты некрофилии, после чего расчленял и избавлялся от останков. Несмотря на ужасные страдания его жертв, Кемпером не двигал типичный для многих серийных убийц садизм. По его словам, он «выселял их из телесных оболочек», чтобы иметь возможность обладать ими хотя бы какое-то время после смерти. Ничего подобного я не слышал ни до, ни после.

А затем Кемпер поведал, как после двух лет такой жизни наконец набрался храбрости и на Пасху забил до смерти гвоздодером мать, спавшую в своей комнате. Затем он отрезал ей голову, совершил с обезглавленным трупом половой акт, вырезал гортань и бросил ее в кухонный мусороизмельчитель. Но механизм заело, и окровавленную гортань выбросило обратно. Кемпер принял это как знак того, что мать никогда не перестанет ругать его.

Он позвонил подруге Кларнелл и пригласил ее в гости поужинать. Когда она приехала, избил ее, задушил и отрезал голову. Труп мужчина оставил в своей постели, а сам устроился на ночлег в спальне матери. На следующее утро сорвался с места и ехал куда глаза глядят, пока не достиг окрестностей города Пуэбло в штате Колорадо. Кемпер притормозил у телефонной будки и позвонил в полицейское управление Санта-Круз. С некоторым трудом ему удалось убедить их в том, что прозвище Убийца студенток его и что он ждет, когда за ним приедут.

Самовлюбленному Кемперу было одиноко и хотелось поговорить до такой степени, что иногда мне приходилось останавливать его: нам нужны были ответы на конкретные вопросы. Мы записывали беседу на портативный магнитофон и делали заметки. Это оказалось ошибкой. Из-за звукозаписи преступники относились к нам менее доверительно. Эти ребята от природы склонны к паранойе, а в тюрьме оснований для этого становится более чем достаточно. Налицо было опасение, что мы передадим запись администрации тюрьмы или что все узнают о факте разговора с федеральными агентами. Заметки были неудачной идеей по тем же причинам. Кроме того, собеседники рассчитывали безраздельно владеть нашим вниманием.

Тем не менее, невзирая на неизбежные шероховатости, из того первого разговора мы извлекли несколько важных уроков. Наверное, главным было то, что с самого начала стало очевидным значение вопроса «наследственность или воспитание» для понимания мотивов антиобщественного поведения этих людей. Практически все мои беседы с убийцами были пронизаны данной темой, и это наверняка должно было относиться и к Джозефу Макгоуэну. Хотя в детстве он и не испытал столь же глубоких эмоциональных травм, как Эд Кемпер, доминирующая и деспотичная мать явно оказала серьезное влияние на развитие его личности. Этот очень эрудированный 27- летний преподаватель со степенью магистра естественных наук жил тем не менее в подвале дома своей матери и по-прежнему оставался эмоционально зависимым от нее. Неспособность возражать ей и последующее вынужденное совместное проживание уже во взрослом возрасте безусловно воздействовали на его самовосприятие и, как я смог убедиться позже, стали роковыми для жизни невинной девочки.

19 июня 1974 года в зале Бергенского окружного суда Макгоуэн и его адвокаты решили отказаться от судебного разбирательства и пойти по пути признания вины в совершении убийства с отягчающими обстоятельствами. Я думаю, что это решение было для него разумным. С учетом фактической стороны дела и отсутствия сомнений в виновности ожидать жалости или снисходительности со стороны присяжных не приходилось.

4 ноября судья Верховного суда штата Нью-Джерси Моррис Малек приговорил Макгоуэна к пожизненному заключению с возможностью условно-досрочного освобождения через четырнадцать

лет. Убийца неоднократно поручал своему адвокату обжаловать этот приговор, но все апелляции были отклонены.

Спустя месяц в Лечебно- диагностическом центре штата Нью-Джерси Макгоуэна обследовал еще один психиатр, д-р Юджин Ревич. Он получил образование психиатра и невролога, работал клиническим профессором медицинского факультета Ратгерского университета и был в числе первых авторов научных работ об убийствах на сексуальной почве.

Макгоуэн в очередной раз признался в том, что студентом университета фантазировал на тему изнасилования из-за своей сексуальной неудовлетворенности. Выслушав собеседника и обследовав его как с применением амобарбитала (так называемой сыворотки правды), так и без, психиатр пришел к выводу, что убийство Джоан было «не заранее обдуманным хладнокровным актом, а действием, совершенным в состоянии крайнего эмоционального расстройства и напряжения. Убийство было следствием дополнительного потрясения и ощущения неудачи, вызванных преждевременной эякуляцией». Кроме того, д-р Ревич заметил «признаки расщепления личности с использованием механизма отрицания».

Мне были известны случаи изнасилований, переходивших в убийства из- за преждевременной эякуляции насильника или его неспособности достичь и сохранять эрекцию. Обычно это происходило с двумя специфическими типами насильников: разъяренными отпором и эксплуататорами. Они склонны выбирать себе жертв среди взрослых женщин, и если преждевременная эякуляция или нечто подобное вызывает издевательскую реакцию жертвы или представляется унизительной нападающей стороне, то последствия могут быть ужасными. Учитывая, что в данном случае жертвой был ребенок, я был уверен, что здесь налицо нечто иное. Но вывод д-ра Ревича показался мне особенно удивительным:

«Мы полагаем, что такого рода происшествия - единичные случаи в жизни людей с подобным типом личности. Понадобился целый ряд обстоятельств, чтобы спровоцировать данный инцидент. Если бы девочка не зашла к нему домой в тот день или, скажем, у него было две банкноты по доллару, а не одна долларовая и одна

двадцатидолларовая, то убийство не имело бы места как минимум на данном этапе».

Понятно, что преступления не произошло бы, если бы в тот день девочка не позвонила в дверь дома Макгоуэнов. Она стала трагической случайной жертвой. В остальном же, исходя из того, что было мне известно из собственных исследований сознания преступников, я был не вполне согласен с отчетами разных психологов.

Чья оценка была ближе к истине: мнение д-ра Эффрона о том, что «он может сорваться снова», или же вывод д-ра Ревича, что «такие происшествия - единичные случаи в жизни людей с подобным типом личности»?

Я решил, что смогу судить об этом только после того, как побеседую с Макгоуэном сам.

4. Резонанс

Если существует понятие, которое, по моему опыту, больше всего ненавидят близкие погибших от рук убийц, то это «готовность примириться с утратой». По мнению прессы, общественности, доброжелательных друзей и даже самой правоохранительной системы, именно это нужно скорбящим родным, чтобы «оставить это в прошлом и жить дальше».

Но любой, кому выпало пройти «испытание» убийством близкого человека, знает, что «примириться» с подобным невозможно, да на самом деле и не нужно. Скорбь проходит через несколько этапов и в итоге становится не настолько же невыносимой, но никогда не исчезает насовсем, равно как и невосполнимые пустоты в жизни и надеждах на будущее, вызванные гибелью жертвы.

Герлскаутская организация прислала открытку с соболезнованиями. Кроме них, никто из официальных лиц не потрудился связаться с семьей.

По словам Розмари, настоящая пустота наступила «после похорон, когда все разошлись и вернулись к своей обычной жизни». В тот период самым главным для нее было сохранить максимально нормальный образ жизни для Фрэнки и Мэри. «Я проследила за тем, чтобы Мэри осталась в герлскаутской организации, потому что она так хотела, хотя для меня самой было больно даже думать о разносе

благотворительного печенья. Мы остались жить в том же доме, чтобы все вокруг оставалось знакомым: школа, друзья, все такое. Чтобы не нужно было справляться с какими-то еще переменами в жизни. Я старалась не быть чересчур опекающей. Разрешала выходить поиграть, хоть и очень внимательно следила за тем, где они. Им следовало оставаться детьми, а я не хотела становиться параноиком».

Не хотела Розмари и ограждать их от новостей о ходе рассмотрения дела об убийстве сестренки. «Я сама рассказывала им о том, что происходит, чтобы дети узнавали об этом от меня. Я понимала, что они обо всем услышат, и не хотела, чтобы это их пугало. Мы усаживались на полу в спальне и говорили обо всем, что их заботило. Френки и Мэри стремились к этому и знали, что их не оставят в стороне». Время от времени она и Фрэнк возили их на кладбище «в гости к сестренке, которая на небесах».

В конце концов Розмари смирилась с тем, что ее любовь и боль неразделимы. «Все эти годы я ощущала в своем сердце связь с Джоан. Я не выбрала бы именно такую связь по своей доброй воле, но она вдохновляет меня на то, что я делаю. С этим приходит некое умиротворение».

И это было не все, с чем пришлось столкнуться Розмари. Через семь месяцев ее горячо любимый отец скончался от рака. Он обожал внучку и все время оплакивал девочку.

Розмари была на судебном заседании, на котором Макгоуэн признал себя виновным. Она чувствовала, что должна присутствовать на нем ради Джоан. Присутствовала и Женевьева Макгоуэн. «Когда я заходила в зал суда, она смерила меня самым ледяным взглядом из тех, что я встречала за всю мою жизнь. Я увидела ее впервые».

Розмари не возражала против судебного разбирательства дела Макгоуэна, в ходе которого была бы установлена истина и ничто не осталось бы в тайне, включая детали гибели Джоан. Но, как это часто бывает, до нее стали доходить и иного рода детали. В частности, ей было чудовищно узнать от подруги содержание разговора Женевьевы с ее приходской знакомой. Мать Макгоуэна сказала, что ненавидит Розмари, потому что, если бы не она, Джо не убил бы Джоан и не сел бы в тюрьму.

Еще ее преследовали проблемы со здоровьем. Первый звоночек прозвучал, как она припоминает, в девятнадцатилетнем возрасте в

Нью-Йорке. Однажды Розмари бежала к автобусной остановке и вдруг почувствовала, что нога напряглась и не держит ее. Она не поняла, что это было, но вскоре забыла об этом случае.

Несколько лет спустя, будучи беременной Мэри, Розмари ощущала исключительное переутомление и поняла, что это не обычная усталость от беременности. Она постаралась выработать собственные приемы и защитные механизмы для борьбы со своим непонятным недугом: «Пришлось решительно и сосредоточенно заниматься укреплением собственного организма».

После рождения Джоан утомление стало еще более выраженным, и до достижения ребенком полуторамесячного возраста Розмари была вынуждена нанимать помощницу по хозяйству. Неясные и изменчивые симптомы продолжались. Казалось, что они затрагивают то одну, то другую часть тела. «С течением дня симптомы нарастали, а хуже всего становилось вечером. Я догадывалась, что чем-то болею». В целом же она ощущала ужасную усталость и понимала, что каждый день располагает лишь ограниченным запасом сил, полное использование которого грозит неприятными последствиями.

Розмари пошла по врачам, но те не обнаружили ничего определенного.

То ей говорили, что это физические проявления послеродовой депрессии, то ей говорили, что это вирусное заболевание, которое пройдет. Но ничего не проходило, и «если я недостаточно отдыхала, то регулярно подхватывала инфекции».

Правильный диагноз Розмари поставили лишь спустя год после смерти Джоан. Она легла в нью-йоркскую больницу Маунт-Синай и прошла расширенное обследование. В итоге неврологи пришли к заключению, что женщина страдает тяжелой миастенией - нервно-мышечным заболеванием, которое вызывается нарушением соединений между нервами и мускулами. Это аутоиммунное расстройство, которое может быть связано с поражением зобной железы и практически не имеет наследственного характера. Оно было и остается неизлечимым, и врачебная помощь нацелена на частичное снятие симптомов, которые, помимо сильного утомления и слабости, могут включать опущение века, двоение в глазах, косноязычие, затрудненное жевание и глотание и даже нарушение дыхания.

«Они сказали, что все случаи тяжелой миастении разнятся между собой. Если я контролирую себя и остаюсь собранной, мне немного лучше, - говорит Розмари. - Но я все равно рискую, и это радует меня больше всего в жизни. На самом деле эта болезнь обостряет чувства, и поэтому я настолько ценю светлые моменты».

Два таких ярких момента произошли в 1980-м и 1982-м годах, когда родились Майкл и Джон. Фрэнки и Мэри были уже подростками, так что для них они стали как будто вторым поколением их детей.

Но радость оказалась не вечной. Фрэнк потерял работу, и в семье начались нелады. «Хоть он и нашел себе другую высокооплачиваемую работу, но срывался на нас все чаще и чаще. А когда Джону было восемь, я заметила всякие неприличные прикасания и тому подобное», - говорит Розмари. В выпавших на ее долю испытаниях женщине помогала держаться набожность: «Я верующая, и моим психиатром всегда был Господь. После того, что случилось с Джоан, я просила Его помочь мне жить без озлобленности, ради защиты добродетели и недопущения несправедливости».

В начале 90-х годов прошлого века, когда Майклу было одиннадцать, а Джону девять, Фрэнк переехал жить в подвальный этаж дома. Розмари понимала, что это лишь очередной шаг в известном направлении. «В 1993 году я собралась подавать на развод, хотела сделать это 7 сентября, в день рождения Джоан», - вспоминает она.

А потом в доме раздался телефонный звонок, вновь перевернувший ее жизнь. 26 июля им позвонил заместитель начальника следствия Бергенской окружной прокуратуры Эд Деннинг, который сообщил, что Джозеф Макгоуэн подал ходатайство об условно-досрочном освобождении. Это стало шоком для Розмари, которая не знала, что за хорошее поведение и труд убийце могут скостить шесть лет. В 1987 году, когда у него впервые появилось право подать на УДО, Макгоуэну отказали. Но на этот раз его шансы выглядели лучше, поскольку он уже отсидел больше своего минимального срока.

С момента убийства минуло уже двадцать лет, и Розмари решила возродить образ Джоан в общественном сознании. «Не для того, чтобы зацикливаться на своем горе, а для того, чтобы громко возвестить о необходимости борьбы против выхода ее убийцы из тюрьмы и лишения его возможности подавать на УДО».

Ей позвонила мать одной из бывших учениц школы в Таппан Зи и рассказала, что по ощущениям дочери Макгоуэн выслеживал ее в годы учебы и что она «до смерти боится, что он выйдет».

Розмари понимала, что придется побороться за то, чтобы оставить Макгоуэна за решеткой, и начала работать с местными и окружными чиновниками, депутатами и общественностью. Она организовала народную вахту памяти в Парке ветеранов Хиллсдейла 30 сентября 1993 года. Поддержать ее собрались больше тысячи человек. «Юристы посоветовали мне повременить с планами на развод. Нужно было сосредоточиться на том, чтобы Макгоуэн не вышел, и не осложнять ситуацию бракоразводным процессом», - поясняет Розмари.

У нее были два основных довода против выхода Макгоуэна из тюрьмы. Во-первых, наказание должно хотя бы в некоторой степени быть соизмеримым с чудовищностью преступления. Во-вторых, нужно сделать так, чтобы больше ни один ребенок не пострадал от его рук. Джоан исчезла в Святой четверг и была найдена мертвой в Пасхальное воскресенье. В понимании Розмари, если уж в этом и был какой-то смысл, то ей следовало донести его до сознания общественности самой: «Это был четкий сигнал надежды. Нужно создавать движение в защиту детей и помогать обществу, вдохновляясь памятью о Джоан, Великим четвергом и Пасхальным воскресеньем». Как будто послание исходило от Господа, который установил для человека свободу воли и вынужден страдать в связи со смертями детей от рук тех, кто отверг Его ценности.

«Я осознала, что это труд, который мне предстоит, видела в нем духовное сближение с Джоан. Тогда и началось это движение. Я не получала поддержки от своей семьи, наоборот, мои родные поносили меня, угрожали физически и слали кошмарные письма. В конце 1990-х ко мне присоединились Майкл и Джон, но до этого я была практически в одиночестве».

Розмари начала высказываться публично, стала проводить организационную работу. Она возглавила девятимесячную пропагандистскую кампанию, призванную привлечь внимание общественности к угрозе, которую представляют собой маньяки-педофилы, и к обоснованности их пожизненного тюремного заключения. Комиссия по вопросам условно-досрочного освобождения прислушалась и вновь отклонила ходатайство Макгоуэна. Что не менее

важно, в результате рассмотрения вопроса его перевели в тюрьму строгого режима в Трентоне, где, как считало тюремное начальство, он и должен был находиться с самого начала. Кроме того, комиссия установила, что право на следующее ходатайство возникнет у Макгоуэна через двадцать лет. Впоследствии за хорошее поведение и примерный труд этот срок сократили до двенадцати лет, и в 2005 году у него вновь возникло право на ходатайство.

Но после того, как в 1993 году ходатайство Макгоуэна об УДО было отклонено, Розмари не остановилась. Она основала народное движение родителей и других заинтересованных лиц за справедливость по отношению к детям, пострадавшим от рук педофилов. Женщина писала, звонила, выступала на телевидении и по радио и давала интервью журналистам. И где бы ни появлялась, раздавала маленькие зеленые бантики. Зеленый был любимым цветом Джоан.

На протяжении трех лет Розмари отдавала этой пропагандистской работе практически все свое время. В итоге 3 апреля 1997 года губернатор штата Нью-Джерси Кристина Тодд Уитмен подписала закон, ставший известным как «Закон Джоан». Церемония подписания состоялась на ярко освещенной солнцем лужайке перед тюрьмой округа Берген. Рядом с губернатором стояли Розмари, Фрэнк, Майкл и Джон в окружении представителей правоохранительных и законодательных органов, которые решительно выступали за принятие закона.

Согласно закону Джоан, любой человек, признанный в штате Нью-Джерси виновным в убийстве на сексуальной почве ребенка, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, должен быть приговорен к пожизненному тюремному заключению без права на условно-досрочное освобождение.

В своем выступлении Розмари поблагодарила губернатора и всех, кто выступал за принятие закона. «Надеемся, что это поможет обуздать преступность», - сказала она, затем высоко подняла фотографию дочери: «Мы должны быть обязаны именно ей. Дух Джоан жив как никогда. Она хочет, чтобы вы улыбались чаще, чтобы вы были добрее».

30 октября следующего года президент Билл Клинтон подписал федеральную версию закона Джоан. Спустя еще шесть лет, 15

сентября 2004 года, губернатор штата Нью-Йорк Джордж Патаки подписал закон Джоан для этого штата в лесопарке Хэрри мен - на месте, где было найдено тело Джоан. Розмари не смогла присутствовать на церемонии подписания по состоянию здоровья, но слушала ее по телефону, находясь в своей спальне. Многие из ее телефонных звонков в поддержку принятия новых законов были сделаны

именно оттуда.

По иронии судьбы действие закона Джоан не распространялось на Джозефа Макгоуэна. Он был осужден до его принятия, а закон обратной силы не имеет. Поэтому, следуя постановлению апелляционного суда, комиссия штата Нью-Джерси по вопросам условно-досрочного освобождения и Розмари Д'Алессандро стали готовиться к рассмотрению его очередного ходатайства.

Оно обещало быть особенно сложным, поскольку вскоре после отказа 1993 года Макгоуэн оспорил в апелляционном суде пункт решения, запрещавший ему ходатайствовать об УДО до 2005 года. Суд затребовал у комиссии по УДО дополнительную информацию, после чего оставил ее решение в силе. В течение нескольких следующих лет Макгоуэн подавал апелляции еще трижды, и каждый раз на их рассмотрении присутствовала семья Д'Алессандро. Выступать с заявлением потерпевшей стороны было трудно, но Розмари считала, что обязана как можно более реалистично описать муки Джоан и ее близких.

В мае 1998 года суд постановил, что комиссия завысила требования к условно-досрочному освобождению Макгоуэна. Он счел, что члены комиссии не должны рассматривать вопрос о том, исправился убийца или нет. Они обязаны обоснованно решить, существуют ли угроза совершения им еще одного тяжкого преступления в случае выхода на свободу; другими словами, опасен ли он?

Здесь на сцене появился я.

5. Что говорили психиатры

Из досье и вышеупомянутых решений апелляционного суда следовало, что на протяжении первых пятнадцати лет заключения

психологи обследовали Макгоуэна не менее восьми раз, не считая первичных освидетельствований, проведенных Гэйлином, Эффроном и Ревичем в 1974 году Все эти пятнадцать лет Макгоуэн выглядел почти образцовым заключенным: не создавал проблем и не ссорился с другими арестантами.

Первые несколько обследований были краткими и основывались по большей части на информации, предоставленной самим Макгоуэном. Я всегда отношусь к такого рода исследованиям заключенных преступников критически. Большинство людей обращается к врачу за физической или психологической помощью, поэтому говорить ему правду, безусловно, в их собственных интересах. Но к тем, кто находится за решеткой, эта логика применима не всегда. С одной стороны, преступник встречается с психиатром или психологом не по собственной инициативе - это ему предписано. С другой стороны, эта встреча не предназначена для «улучшения его самочувствия». Она нужна, чтобы обследовать его поведение, оценить степень исправления и опасность, которую он может представлять. Поэтому заключенный кровно заинтересован не в том, чтобы говорить правду, а в том, чтобы представить себя в самом выгодном свете.

После выхода из тюрьмы для душевнобольных Эд Кемпер должен был посещать психиатра. Во время одного из обязательных визитов в багажнике автомобиля убийцы лежала отрезанная голова его последней жертвы, пятнадцатилетней девушки. По итогам беседы этот психиатр пришел к выводу, что Кемпер уже не представляет угрозы ни для себя, ни для окружающих, и рекомендовал снять с него судимость. Вот почему я не доверяю информации, которую предоставляют о себе сами обследуемые преступники.

Содержание досье психического здоровья Макгоуэна за период его заключения сводилось именно к этому. В частности, в отчетах за январь 1987-го, октябрь 1988-го и сентябрь 1991-го указывалось, что мужчина признает свою вину и, очевидно, раскаивается в совершенном преступлении. Во всех трех рекомендовалось условно-досрочное освобождение. В то же время Макгоуэн ни разу не попытался покаяться в содеянном перед Розмари или кем-либо еще из родных Джоан.

7 октября 1993 года с Джозефом встречался д-р Кеннет Макнайл, главный клинический психолог Лечебно-диагностического центра. Он

прибыл по поручению комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения штата Нью-Джерси. Комиссия хотела получить «(1) оценку вероятности агрессивных проявлений, (2) общий психологический портрет, (3) отчет о наличии/отсутствии ряда психологических проблем и (4) рекомендации по программе профилактики и лечения».

Картина, которая представала перед глазами по данным обследования Макнайла, разительно отличалась от того, что содержалось не только в трех предыдущих отчетах, но и в самых первых, которые предоставили Гэйлин, Эффрон и Ревич. Согласно Макнайлу, Макгоуэн отрицал «наличие у него каких-либо сексуальных фантазий или поступков по отношению к детям и до, и после совершения им преступления».

В отчете Макнайла указывалось:

«Хотя мистер Макгоуэн отрицал также наличие у него каких-либо симптомов диссоциативного характера, при обсуждении совершенного преступления были замечены моменты, когда он выпадал из разговора и отводил взгляд в сторону, что может свидетельствовать о диссоциативном процессе. Ему было, очевидно, трудно сосредоточиваться на определенных воспоминаниях о своем преступлении».

Далее следовал вывод:

«Мистер Макгоуэн не достиг никакого или почти никакого прогресса в осознании степени сексуальной извращенности и насилия, которые очевидны в его преступлении. К сожалению, он, по всей видимости, по-прежнему справляется с этими негативными аспектами своей личности путем подавления и отрицания точно также, как и в период совершения преступления».

Так же, как и в трех предыдущих, в отчете Макнайла «не обнаружено признаков, указывающих на непосредственную угрозу насильственных действий мистера Макгоуэна в будущем». Тем не менее автор перестраховался и добавил: «В неформализованной обстановке его способности справляться с приступами ярости, неприятием окружающих и чувством сексуальной неполноценности остаются под вопросом».

Для меня совокупность этих отчетов стала наглядным свидетельством нечеткости нашего понимания мышления и мотивов человека, не говоря уже об их связи с физической деятельностью головного мозга. Иногда получается прямо увязать психический

симптом с физическим недостатком деятельности головного мозга или нервной системы, но в большинстве случаев это невозможно. Более того, иногда мы говорим, что некое жестокое, асоциальное или преступное действие явилось следствием психического или эмоционального нездоровья. В других эпизодах мы утверждаем, что преступник не страдает психическим заболеванием как таковым, у него просто определенное «расстройство характера», и поэтому он в большей степени ответственен за содеянное. Но чем психическое заболевание отличается от расстройства характера? Психиатр ответит на этот вопрос, процитировав DSM1, но действительно ли это поможет определить, где проходит грань между ними в конкретном случае?

Мы с моими коллегами по поведенческой криминалистике исходим в своей работе из того, что любой человек, совершающий насильственное преступление против личности, является психически нездоровым. Это фактически так, поскольку «нормальные» люди таких преступлений не совершают. Но наличие у преступника психиатрического диагноза как такового не означает, что он невменяем. Это юридическое, а не медицинское понятие, имеющее прямое отношение к установлению виновности.

Дать определение невменяемости пытаются вот уже много лет, но, так или иначе, все эти попытки вращаются вокруг известного «правила Макнотена», сформулированного британской судебной системой после покушения на убийство премьера Роберта Пила, которое в 1843 году совершил некий Дэниел Макнотен. Стрелявший в упор убил не Пила, выходившего из своего лондонского дома, а его личного секретаря Эдварда Драммонда. Суд присяжных признал страдавшего манией преследования Макнотена невиновным по причине его невменяемости. С тех пор эта позиция претерпела множество вариаций и интерпретаций, но в основе своей юридическим критерием вменяемости подсудимого для британских и американских судов является его способность отличать хорошее от плохого. Если он неспособен на это, находясь под влиянием бреда или навязчивой идеи, то его признают невменяемым.

Возможно, ближе всех других под определение подлинно невменяемого маньяка подходил уже покойный Ричард Трентон Чейз. Он был убежден, что должен пить женскую кровь, чтобы не умереть. Находясь в психиатрической клинике для душевнобольных

преступников, ловил зайцев, спускал им кровь и впрыскивал себе в руку. Если ему удавалось поймать птичку, Чейз откусывал ей голову и выпивал кровь. Это был не садист, получающий удовольствие от причинения боли или смерти более слабым. Это был самый настоящий психический больной, а не обычный преступник-социопат. В возрасте тридцати лет он покончил с собой в тюремной камере, приняв смертельную дозу прибереженных для этой цели антидепрессантов.

Тем не менее убийцы, подобные Ричарду Трентону Чейзу, встречаются нечасто. Эта неопределенность в отношении невменяемости и психического нездоровья была одной из причин, по которым мы решили проводить беседы с заключенными-убийцами. И это были не только беседы. Мы понимали, что действительную пользу они принесут, если мы неким образом систематизируем результаты: разработаем общеприменимые критерии, выходящие за рамки отдельных случаев. В 1980 году мы совместно с нашим экспертом по сексуальным преступлениям и межличностному насилию Роем Хэйзелвудом написали статью о садистских убийствах для журнала FBI Law Enforcement Bulletin. Там мы впервые использовали не заимствованный у психологов профессиональный язык, а ряд терминов, которые, как мы посчитали, будут более полезными для следователей. Так, для описания поведенческих особенностей, заметных на месте преступления, мы ввели такие понятия, как «подготовленное», «неподготовленное» и «смешанное».

Рой связал меня с д-ром Энн Берджесс, с которой он занимался научной работой ранее. Энн была очень уважаемым ученым и занимала должности профессора психиатрической помощи медицинского факультета Пенсильванского университета и заместителя директора Бостонского городского департамента здравоохранения. Наряду с Роем она была в числе лучших экспертов страны по изнасилованиям и их психологическим последствиям. Примечательно, что незадолго до нашего знакомства д-р Берджесс завершила исследовательский проект в области прогнозирования инфарктов у мужчин и полагала, что обнаружатся интересные аналогии между «инженерным анализом» для этой темы и для того, что собирались делать мы.

Со временем Энн удалось получить щедрый грант от Национального института юстиции, который позволил нам провести

углубленные исследования и опубликовать их результаты. Администратором гранта и нашим координатором по работе с НИЮ был Боб Ресслер. На основе полученных нами материалов мы подготовили 57-странич- ный документ для заполнения по итогам каждого собеседования с преступником, который назвали «Оценочный протокол». В числе многих других в нем были разделы, посвященные способу совершения преступления, описанию его места, викгимологии, поведению преступника до и после и подробностям его установления и задержания. Поскольку мы уже убедились в том, что звукозапись или заметки во время беседы с убийцей не идут на пользу делу, то заполняли этот документ по памяти сразу по окончании каждой встречи.

Формальным результатом нашего исследования, законченного в 1983 году, были детальные психологические портреты 36 преступников и 118 их жертв, главным образом женщин. К этому момент/ мы в Отделе поведенческого анализа уже обладали достаточным опытом и знаниями, чтобы предоставлять психологические портреты преступников и консультировать коллег-следователей на официальной основе. Боб Ресслер и Рой Хэйзелвуд продолжали свою преподавательскую и научную работу и также консультировали в свободное от основной работы время. Я стал первым штатным оперативником-психологом и менеджером программы психологического портретирования преступников, а с течением времени создал новое подразделение. Первым пунктом моей повестки дня было «убрать из поведенческого анализа и психологического портретирования всякую чушь собачью». Я переименовал нашу группу в «Подразделение сопровождения расследований». В своей деятельности мы охватывали в том числе психологическое портретирование, расследования поджогов и покушений с применением взрывчатых веществ, Программу повышения квалификации высших полицейских кадров, VICAP (Программу предотвращения насильственных преступлений) и координировали работу с другими федеральными правоохранительными органами, включая Управление по контролю за оборотом алкогольных напитков, табачных изделий и огнестрельного оружия и Секретную службу.

Понимая, что наша область криминалистики применима в расследовании определенных видов преступлений и бесполезна в других, мы старались разъяснять это потенциальным заказчикам-правоохранителям. Например, обычное ограбление в темном переулке или убийство при отягчающих обстоятельствах не подходят для психологического портретирования или поведенческого анализа. Это чересчур распространенные сценарии, и психологическому портрету будет соответствовать слишком много народу. Однако даже в подобных случаях мы могли предложить некоторые проактивные методики, позволяющие выйти на преступника.

С другой стороны, чем больше свидетельств психопатологии преступника выявляется в ходе анализа преступления, тем достовернее будет его психологический портрет и полезнее наше участие в установлении его личности. Но нам нужно было заниматься своим анализом так, чтобы использование психологии было эффективным для раскрытия преступлений следственными органами на местах.

В 1988 году Боб Ресслер, Энн Берджесс и я опубликовали книгу под названием «Убийство на сексуальной почве: закономерности и мотивы», в которой изложили результаты наших исследований и выводы, к которым пришли. Она получила положительные отклики как среди ученых, так и среди правоохранителей. Но мы продолжали свою работу, с тем чтобы сделать наши исследования и разработки таким же практическим подспорьем для работников правоохранительных органов, каким является для психиатров переживший вот уже пятое издание «Диагностический и статистический справочник по психическим расстройствам» (DSM-5).

Мы осознали, что для понимания специфики личности разыскиваемого неизвестного нужно понимать, почему и как он совершил то или иное преступление. Аналогичным образом преступления можно классифицировать по мотивам, а не только по результатам или последствиям. Именно этот вопрос я затронул в докторской диссертации, над которой работал: различные методы обучения работников правоохранительных органов классификации преступлений со смертельным исходом. Другими словами, я постарался представить свой материал так, чтобы он действительно помогал расследовать преступления на основе анализа поведенческой составляющей.

Моя диссертация и работа некоторых из лучших умов ФБР и правоохранительной системы в целом в конечном итоге вылились в опубликованное в 1992 году «Руководство по классификации преступлений», которое я написал в соавторстве с Энн Берджесс, ее супругом Алленом Берджессом и Бобом Ресслером. К моменту первого издания мы уже могли похвастаться целым рядом успехов в психологическом портретировании, в том числе делами об убийствах детей в Атланте, об убийствах проституток Артуром Шокроссом в Рочестере, об убийстве Фрэнсин Эл- визон в Нью-Йорке, о «Придорожном убийце» из Сан-Франциско и об убийствах Карлы Браун в Иллинойсе, Линды Довер в Джорджии, Шэри Фэй Смит в Южной Каролине и сотрудницы ФБР Донны Линн Веттер в Техасе. Кроме того, мы смогли применить психологическое портретирование и поведенческий анализ для освобождения невинно осужденного умственно отсталого Давида Васкеса, отбывавшего срок в Вирджинии. Хотя его и вынудили сознаться в нескольких убийствах, мы смогли увязать эти преступления с личностью настоящего преступника, Тимоти Спенсера, впоследствии осужденного и казненного.

Оглядываясь назад, могу сказать, что одной из главных побудительных причин к созданию «Руководства по классификации преступлений» для нас послужило признание невменяемости по «правилу Макнотена» и ему подобным. С позиции расследования уголовных дел для нас не имело значения, что это: болезнь, расстройство или что- то еще. Нас интересовало, как поведение указывает на преступный замысел и как оно коррелирует с мышлением преступника непосредственно перед, во время и после совершения преступления. Насколько это поведение расстроено, чтобы помешать осуждению, - вопрос, который следует решать присяжным и судьям (учитывая, что с точки зрения закона у любого преступления есть две составляющих: само действие и преступное намерение его совершить).

Однако эти отчеты о психологическом состоянии Макгоуэна заставили меня еще больше обеспокоиться их ролью в определении возможности применения к нему УДО. Если у вас несколько физических симптомов, ясно указывающих на наличие заболевания, и вас обследовали четверо врачей, каждый из которых поставил отличный от других диагноз, вы наверняка серьезно усомнитесь в

эффективности их диагностических методов. Вы, несомненно, потребуете проведения полного набора анализов и не успокоитесь до тех пор, пока исследования крови, гормонов и томограмм не выявят конкретную причину вашего недомогания.

В подавляющем большинстве случаев подобных анализов для подтверждения правильности психиатрического диагноза просто не существует. Мы знаем симптом (в данном случае это жестокое изнасилование и убийство семилетней девочки), но не можем установить причину. Поэтому в первую очередь мне важно, насколько точно можно предсказать опасность человека в будущем. Как если бы врач сказал, что не может установить причину болезни, но видит своей первоочередной задачей недопущение ее повторения. Говоря короче, мы можем только предполагать, давать оценки или высказывать мнения. Но я всегда исхожу из одной и той же предпосылки, которой научили меня годы работы в ФБР: поведение в прошлом - лучший предсказатель поведения в будущем.

В 1998 году, спустя пять лет после своего первого обследования Макгоуэна, д-р Макнайл проверил его еще раз, вновь по просьбе комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения. Мужчина снова отрицал свои прежние признания в сексуальных фантазиях об изнасиловании и во влечении к маленьким девочкам и старался списать убийство на несчастное стечение обстоятельств. Макнайл пишет: «Жертва оказалась в доме Макгоуэна в момент охватившего его крайнего отчаяния по поводу невозможности реализовать планы самоубийства, которые он вынашивал на протяжении нескольких недель». Когда Джоан появилась на пороге его дома, «его охватила необъяснимая ярость».

Читая эти отчеты в процессе подготовки к моей встрече с Макгоуэном, я особенно поразился этому пассажу в самом свежем из них: «...охватившего его крайнего отчаяния по поводу невозможности реализовать планы самоубийства, которые он вынашивал на протяжении нескольких недель».

Уж не знаю, собирался он покончить с собой или нет, но с момента своего вступления в это дело и начала ознакомления с его подробностями моим первоочередным вопросом было: «Почему именно эта девочка стала жертвой и почему именно тогда?»

Даже если он испытывал сексуальное влечение к маленьким девочкам, был не уверен в своей мужской состоятельности, находился под пятой деспотичной матери, что же такого происходило в его голове, что заставило пойти на крайне рискованное преступление - совершить в собственном доме изнасилование и убийство ребенка, жившего по соседству?

Д-р Макнайл сообщил комиссии по УДО, что его последнее заключение в целом соответствует предыдущему, хотя в нем указывается на «диссоциативный потенциал в моменты гнева и вероятность наличия серьезных сексуальных патологий в виде педофилии и склонности к сексуальному насилию, которые мужчина продолжает отрицать». Он также написал, что у осужденного присутствуют «параноидальные наклонности и значительный потенциал жестокого поведения». С учетом «сохраняющейся неспособности мистера Макгоуэна обсуждать сексуальные аспекты его преступления представляется, что он почти не достиг никакого прогресса в борьбе с педофилически- ми побуждениями и сексуальным садизмом, которые вырвались на поверхность в совершенном убийстве. В связи с этим его можно считать ненадежным для условно-досрочного освобождения».

«Ладно, все понятно», - сказал я себе. Пусть д-р Макнайл считает, что оба его отчета не противоречат друг другу. Хотя даже при том, что исследуемый не имел серьезных проблем в тюрьме, раньше он не видел «признаков, указывающих на непосредственную угрозу насильственных действий мистера Макгоуэна в будущем», а теперь пишет про «значительный потенциал жестокого поведения».

Итак, что же представляет собой этот Макгоуэн на самом деле? И покажет ли он мне это, если я копну достаточно глубоко?

6. Ярость бешеная и ярость холодная

Внешне тюрьма штата Нью-Джерси в Трентоне выглядит именно так, как обычно представляют себе исправительное учреждение строгого режима: массивные серо-коричневые стены с колючей проволокой поверху. За ними можно рассмотреть очертания скошенных крыш незамысловатых, чисто функциональных строений, а по углам и в середине каждой из стен высятся застекленные

сторожевые вышки. Даже самая современная часть тюрьмы напоминает мрачную средневековую крепость с узкими прорезями вместо окон, недвусмысленно обозначающими грань между волей и неволей.

Тем утром чиновник тюремной администрации удостоверил мои полномочия и выдал именной бейджик с фотографией, согласно которому я являлся официальным представителем комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения штата. На мне был черный костюм с галстуком - облачение, подчеркивающее важность моей миссии.

Проход через главные ворота подобного заведения и все последующие линии заграждений на пути к офису начальника тюрьмы навевает даже таким видавшим виды, как я сам, мысли, которыми, наверное, вдохновлялся Данте, когда решил украсить врата ада надписью «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Еще до своего приезда я попросил руководство тюрьмы обеспечить ряд условий, которые, исходя из своего опыта, считал способствующими успеху разговора с Макгоуэном.

Я хотел, чтобы наша беседа проходила в достаточно спокойной и мирной обстановке. В тюрьме строгого режима с целенаправленно поддерживаемой устрашающей атмосферой создать ее отнюдь не просто. Но даже с учетом этого мне нужно было место, где собеседник с максимальной долей вероятности откроется передо мной. Я предложил поставить в помещении для беседы лишь письменный стол и два удобных стула, а в качестве освещения использовать только настольную лампу. Все это должно было смягчить окружающую обстановку. Это крайне важно. Заключенный тюрьмы строгого режима практически лишен каких-либо свобод, а я хотел, чтобы на подсознательном уровне мой собеседник в максимальной степени ощутил себя свободным. В некотором смысле ты как бы возвращаешь ему его правоспособность, после чего должен произвести нужное впечатление, причем не только знанием досье и деталей преступления, но и невербальными знаками. Когда к нам с Бобом Ресслером привели Дэвида Берковица (дело происходило в камере допросов тюрьмы в Аттике, штат Нью-Йорк, - мрачном помещении без окон с уныло-серыми стенами), я был поражен тем, как осужденный то и дело сверлил нас ярко-синими глазами во время моего вступительного слова. По нашим лицам он пытался определить, насколько честно мы

информируем его о своих намерениях. Я рассказывал, что мы проводим научную работу с целью помочь правоохранительным органам в расследовании будущих дел и, возможно, в работе с детьми, склонными к агрессивному поведению. Исследуя личность Берковица, я предположил, что он может испытывать чувство собственной незначительности. Положив пред ним газету с описанием его преступлений на первой полосе, я сказал: «Дэвид, в Уичите, штат Канзас, действует серийный убийца. Называет себя "ВПУ", то есть "вяжи, пытай, убивай". Так вот, он пишет письма в полицию и газеты и упоминает в них тебя. Хочет стать таким же великим, как ты». Берковиц откинулся на стуле, устроился на нем поудобнее и спросил: «Так про что вы хотите узнать?» «Про все», - ответил я, и с этого момента наша беседа пошла в нужном русле.

Я сказал начальнику трентонской тюрьмы, что время моей беседы с Макгоуэном ничем не ограничено и что я не хочу, чтобы нас прерывали на тюремную перекличку или на приемы пищи. Мы заранее договорились, что его покормят, только когда мы закончим, невзирая на то, что время может быть неурочным.

Наша беседа проходила в помещении площадью примерно в 18 квадратных метров. В стальной двери было зарешеченное окошко размером 20 на 20 сантиметров, через которое нас могли наблюдать надзиратели. Бетонные стены были выкрашены в серо-голубой цвет. В комнате стояли небольшой стол и два удобных стула. Как я и просил, единственным освещением служила настольная лампа.

Двое надзирателей ввели Макгоуэна, который не имел ни малейшего представления, куда и зачем его ведут. Сопровождавший меня в тюрьму председатель комиссии Эндрю Консовой представил меня как доктора Джона Дугласа и сказал, что я официальный представитель его организации. Почетным титулом «доктор» я пользуюсь только для того, чтобы придать мероприятию некую медицинскую окраску. Я попросил надзирателей снять с Макгоуэна наручники. Сделав это, они удалились и оставили нас наедине.

И Макгоуэну, и мне было за пятьдесят. Мы были примерно одинакового роста: чуть больше 180 см. Судя по прочитанному, в годы учительской карьеры Джозеф был рослым, но рыхлым. Теперь же, после стольких лет занятий в тюремном спортзале, он выглядел

поджарым и мускулистым. А седая борода делала его окончательно непохожим на былого преподавателя естественных наук.

Все детали подобных бесед были тщательно продуманы. Мне нужно было, чтобы он сидел спиной к двери, а я сам - лицом к ней. На это были две причины. Я не хотел, чтобы заключенный на что-либо отвлекался, и, поскольку пока еще не был знаком с ним и не был уверен в его реакциях, предпочел держать дверной глазок и охранника за ним в поле своего зрения. Обычно я определяю рассадку, исходя из типа преступника, с которым беседую. Например, наемных убийц я обычно сажаю лицом к окну или двери: как правило, это параноики, которым в ходе трудного разговора бывает важно иметь перед глазами чисто символический выход.

В данном случае я расположился на своем стуле так, чтобы в течение всей беседы Макгоуэн находился чуть выше меня. Таким образом я хотел предоставить ему своего рода психологическую фору в виде ощущения превосходства над собеседником. Этот прием я освоил после разговора с Чарльзом Мэнсоном, с которым мы с Бобом Ресслером встречались в тюрьме Сан-Квентин. Я был удивлен, каким мелким и невзрачным выглядел этот человек ростом чуть ниже 160 см.

Мы беседовали с ним в небольшой переговорной главного тюремного корпуса. Войдя в нее, Мэнсон сразу же уселся на спинку стула во главе стола, чтобы возвышаться с естественным видом пророка планетарного масштаба. Некогда он точно также проповедовал членам своей «Семьи», сидя перед ними на огромном валуне. В процессе беседы стало понятно, что этот маленький неприметный человечек (незаконнорожденный сын шестнадцати летней проститутки, проведший детство в доме фанатично религиозной тети и деспотичного садиста дяди, то и дело попадавший в исправительные школы, а впоследствии и в тюрьмы за грабежи, подделку документов и сутенерство) развил в себе выдающиеся способности «продавать» себя таким же социальным изгоям, как он сам. Как человек, которому довелось испытать на себе этот пытливый взгляд, могу заверить, что Мэнсон обладал реальным даром завораживать людей. Однако не менее реальной была и его мания величия.

Из нашей беседы мы сделали вывод, что Мэнсон был отнюдь не матерым уголовником. Он был матерым манипулятором и сделал свое

умение инструментом выживания. В отличие от многих других знакомых мне преступников, Мэнсон не мечтал мучить и убивать. Он мечтал стать богатым и знаменитым, как рок-звезда, и даже провел некоторое время с группой The Beach Boys.

Подобно многим другим рецидивистам, существенную часть своей юности Мэнсон провел в исправительных учреждениях. Он рассказал, что подвергался надругательствам не только со стороны сокамерников, но и со стороны надзирателей и медперсонала. В результате он сделал для себя вывод, что чем человек слабее или впечатлительнее, тем легче его использовать.

К моменту выхода из тюрьмы в 1967 году он провел в исправительных учреждениях или под арестом уже больше половины из тридцати двух лет своей жизни. Приехав в Сан-Франциско, он обнаружил, что ситуация в обществе изменилась. Секс, наркотики и рок-н-ролл - все это он мог получить совершенно бесплатно, применив свои способности. Хорошую службу для этого сослужили ему и его музыкальный талант и вокальные данные. Очень скоро он переместился в Лос-Анджелес, где обзавелся «преданной аудиторией».

Из беседы с Мэнсоном мы поняли, что бесчеловечные убийства, совершенные в Лос-Анджелесе его поклонниками, случились не благодаря его гипнотизирующей власти над ними (которой он реально обладал). Они произошли, когда эта власть стала ослабевать. Почувствовав это, приближенные, в первую очередь его правая рука, Чарльз «Текс» Уотсон, принялись руководить группировкой самостоятельно. Когда Мэнсон осознал, что его подручные приняли его предсказания социального беспорядка всерьез и зверски убили беременную красавицу-кинозвезду Шэрон Тэйт и четверых ее гостей, ему не осталось ничего другого, как восстановить свой пошатнувшийся авторитет. Через два дня с его благословения группировка совершила еще один грабеж с убийством хозяев дома. Сам Мэнсон участия в нем не принимал.

Впоследствии наши выводы из беседы с Мэнсоном использовались ФБР в противодействии сектам под руководством авторитарных и харизматичных лидеров, в частности, таким, как «Храм народов» Джима Джонса, «Ветвь Давидова» Дэвида Кореша и «Свободные ополченцы» из штата Монтана. Результаты этой работы не всегда соответствовали желаемым, но для прогнозирования

поведения противника важно понимать его психологические особенности.

Опыт общения с убийцами вроде Артура Бремера и Джеймса Эрла Рэя научил меня тому, что долгие пристальные взгляды слишком беспокоят их и заставляют замыкаться в себе. Бремер научил нас, что, по сравнению с самим актом убийства, его жертва не слишком важна. Он подбирался к президенту Ричарду Никсону, но понял, что приблизиться вплотную будет слишком сложно, и переключил внимание на кандидата на президентский пост, губернатора Алабамы Джорджа Уоллеса. 15 мая 1972 года Бремер совершил покушение, в результате которого Уоллес остался парализованным на всю жизнь. От общения с Рэем пользы было немного. Он настолько увяз в своих параноидальных фантазиях, что отказывался от своего признания вины в убийстве Мартина Лютера Кинга и утверждал, что является лишь невольным соучастником сложного заговора с целью ликвидации легендарного лидера движения за гражданские права.

Не буду лукавить: любая подобная беседа с заключенным начинается с взаимного подхалимажа. Я стараюсь очаровать собеседника и заставить его поверить в то, что моя единственная задача - помочь ему выйти на свободу. Он старается склонить меня к мысли, что достоин освобождения. Обычно проходит немало времени, прежде чем стороны отходят от своих изначальных позиций и постепенно раскрывают друг перед другом свои истинные намерения. В данном случае я выступал в роли человека, который появился, чтобы помочь ему разобраться в своих мыслях и подготовиться к великому дню условно-досрочного освобождения. С моей стороны это было не так уж и нечестно. Эта встреча требовала от меня полной непредвзятости, чтобы обнаружить некий рычаг в его сознании, который заставит его рассказать о самых сокровенных мыслях и фантазиях.

Первые два часа были посвящены разговорам о том о сем. Это необходимо, чтобы беседа стала непринужденной, а преступник забыл об условиях, в которых она проходит, и понизил уровень внутренних запретов. Для пущей доверительности я немного рассказал о себе и о своем прошлом сотрудника правоохранительных органов. Я расспросил Макгоуэна об обстановке в тюрьме и о том, как он проводит время своего заключения. Мне показалось интересным, что

осужденный крайне редко покидал пределы своего корпуса. По его словам, на главном тюремном дворе он чувствовал себя не в своей тарелке. Это было похоже на его жизнь до заключения: в школе, где Джозеф управлял ситуацией, ему было значительно комфортнее, чем в общении с более широкими кругами общества, где мужчина ощущал себя социально неловким и незащищенным.

Спустя несколько лет я ознакомился с копией письма Макгоуэна одной женщине, с которой он состоял в переписке. В нем отмечается, что я не вел записей, хорошо помнил детали его досье и сумел добиться его расположения. Моей целью было направить разговор в нужное мне русло. В своем письме Макгоуэн «поблагодарил» меня за то, что внимательно прислушивался к его словам, не прибегая к вопроснику, как обычно делали другие представители комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения. В этом он был прав. Я пришел туда, чтобы послушать, что скажет убийца, и заставить его раскрыть свое подлинное «я». Это было моей единственной задачей.

Постепенно я подводил наш разговор к преступлению как таковому. Я старался выглядеть как можно менее осуждающим. И вовсе не для того, чтобы произвести на Макгоуэна впечатление человека, оправдывающего содеянное им. Я лишь старался быть максимально объективным, чтобы мы могли воссоздать его мыслительные процессы того периода. За многие годы он дал столько различных ответов психиатрам и психологам, что я просто хотел понять, смогу ли заставить его рассказать эту историю без малейших прикрас.

У меня получилось это сделать. Я воссоздал происшедшее в духе передачи «Это твоя жизнь». Некоторые из читателей, безусловно, слишком молоды, чтобы помнить это телевизионное реалити-шоу 50-х годов прошлого века. Ведущий Ральф Эдвардс заманивал в студию какую-нибудь знаменитость при помощи друзей и родственников и заставлял рассказать историю своей жизни. Это повествование перемежалось воспоминаниями знавших его или ее людей. Подводя Макгоуэна к событиям того вечера пасхального четверга в 1973 году, я попросил его рассказать мне о себе.

Я знал, что в школе он имел репутацию человека замкнутого и лишенного чувства юмора. Мне также было известно, что приблизительно в тот же период Макгоуэн был помолвлен, но

помолвка по каким-то причинам расстроилась. И если ему отказала женщина, то это безусловно стало дополнительно провоцирующим стресс-факгором.

У Боба Каррильо сложилось впечатление, что при всей внешней закрытости внутри Макгоуэна «копилось огромное количество эмоций». Он никогда не упоминал о расстроившейся помолвке, да и девушка была Каррильо совершенно неизвестна.

«Я как-то встретил его с его девушкой, - сказал Джек Мескино. - Боже мой, это было милейшее, очаровательнейшее создание. Рядом с ним она выглядела совсем миниатюрной». Может быть, его матери она представлялась некой угрозой? Хотя Мескино и знал о том, что помолвка расстроилась, причина оставалась неизвестной, а сам Джозеф никогда об этом не заговаривал.

Группа коллег Макгоуэна отправилась на пасхальные каникулы в путешествие по Карибским островам, но его не пригласили.

Я спросил Мескино, что могло бы произойти, если бы Джозефа попросили присоединиться. Он сказал, что такое вряд ли было бы возможным.

Но почему? Мескино сказал, что причина была в его несобранности и неспособности усвоить все нужные договоренности. От парня, который в таком возрасте все еще живет с мамой и бабушкой, этого вполне следовало ожидать. И то, что его не пригласили, наверняка добавило Макгоуэну разочарованности жизнью, которую он вынужден вести.

Примерно через два часа после начала нашей беседы я сказал:

- Мне нужно, чтобы вы своими словами описали то, что было двадцать пять лет назад. Как происходило то, из- за чего вы оказались здесь? - Я специально избегал таких эмоционально заряженных слов, как «убийство» или «изнасилование», и не называл Джоан его «жертвой» или «ребенком». - Эта девочка, Джоан, - вы были знакомы с ней?

- Ну, встречалась она мне по соседству, - ответил Макгоуэн спокойным, ровным голосом.

- Она пришла, чтобы продать вам благотворительное печенье?

Он сказал, что подумал, что это его мать их заказала. В одной из газетных статей цитировали агента ФБР, который отметил, что во

время обыска в доме Макгоуэнов нашли больше сотни пустых коробок от благотворительного печенья.

- Вернемся к моменту, когда Джоан появилась на пороге. Расскажите, что происходило дальше, по порядку, - продолжил я.

Это было практически полное превращение. На моих глазах Макгоуэн преобразился; казалось, что даже его внешность изменилась. Поблуждав где-то за моей спиной, его взгляд уперся в голую бетонную стену Я понял, что он полностью ушел в себя и мысленно вернулся на четверть века назад. Я ощутил, как осужденный вновь переключился на историю, которая преследует его постоянно.

Макгоуэн сказал, что на улице была теплая весенняя погода и входная дверь дома была открыта. Через дверную сетку он увидел ее стоящей на крыльце дома. Девочка сказала, что принесла две коробки печенья и хочет получить два доллара. Мужчина захотел увести ее к себе в подвал, подальше от бабушки, которая либо спала, либо смотрела телевизор у себя на втором этаже.

Именно ради того, чтобы затащить ее в подвал, Макгоуэн сказал, что имеет при себе только двадцатидолларовую банкноту и доллар и что нужно сходить за разменом. Вся эта история про ощущение неловкости из-за отсутствия нужной суммы была полным враньем, предназначенным для психиатров.

Как раз на это я и надеялся. Похожее происходило у меня и с другими маньяками: стоило только найти нужную кнопку и нажать на нее, и их начинало нести без умолку. Мы с Ресслером беседовали с Монти Ризселом. Он подробнейшим образом рассказал, как приехал на парковку своего многоквартирного дома в Александрии, штат Вирджиния, заметил выходящую из машины женщину и, угрожая пистолетом, изнасиловал ее в укромном месте. Когда после этого она попыталась убежать, мужчина догнал ее в каком-то овраге и схватил. Риссел рассказывал о том, как бил ее головой о валун и удерживал под водой ручья, так, как будто подробно описывал сцену из виденного им фильма.

Моей целью было включить в сознании Макгоуэна «видеозапись» совершенного им убийства. Даже после четверти века за решеткой он помнил все подробности того вечера. Как будто знакомый пересказывает тебе просмотренный им страшный кинофильм. Только в данном случае сценаристом, продюсером, режиссером и исполнителем

главной роли был сам осужденный. Он получил возможность реализовать три мечты каждого маньяка: манипулирование, доминирование и контроль.

Не глядя на меня, Макгоуэн рассказал, как затащил Джоан в свою комнат/ в подвальном этаже, приказал ей снять одежду и совершил над ней акт сексуального насилия.

Я спросил, имело ли место проникновение. Только пальцем - настаивал он.

А как тогда его сперма попала в ее влагалище? Джозеф сказал, что она была на его пальцах после того, как он эякулировал.

В возбужденно-сосредоточенном состоянии и без каких-либо признаков сожаления о содеянном убийца описал, как схватил девочку за лодыжки и с размаху ударил головой об пол, проломив череп. Этот рассказ не слишком отличался оттого, что осужденный говорил следователям и психиатрам ранее. В отличие от других преступников, с которыми я беседовал, Макгоуэн даже не пытался изобразить сочувствие. Я был потрясен не столько фактурой, сколько очевидной преднамеренностью.

На улице стояла жара, но в камере, где мы разговаривали, было очень прохладно. На самом деле даже в шерстяном костюме я едва не дрожал от холода, но перешедший к рассказу о своих ощущениях после нападения Джозеф начал обливаться потом. Он говорил так, будто был в трансе, не глядя на меня, тяжело дыша, а его тюремная роба намокла от пота. Было заметно, как дрожат его грудные мышцы.

Я сразу же вспомнил его слова, которые процитировал в своем первом отчете д-р Гэйлин: после избиения и удушения девочка «затихла... вроде как просто улеглась там. Я оделся. Вспотел ужасно». Мысленно и физически Макгоуэн был там, на месте преступления.

- Задушить человека, даже совсем юного, довольно трудно, так ведь? - спросил я.

- Нуда, я и не думал, что на это уйдет столько сил, - сразу же согласился он.

- И что вы сделали?

- Ну, я развернулся и устроился позади нее.

Как я понял, он подошел к голове лежащей на полу девочки.

- И как долго вы ее душили?

- Пока не решил, что она мертва.

- А потом?

- Пошел за мешками, чтобы засунуть в них ее саму и ее одежду, а когда вернулся, увидел, что она еще дергается.

Получается, что это было вовсе не внезапное нападение в припадке бесконтрольной ярости. Осужденный отнюдь не пришел в себя со словами: «Господи! Что же я наделал!» Увидев, что девочка еще подергивается, он озаботился лишь тем, чтобы придушить ее окончательно. Практически убил ее еще раз.

Во время своего повествования Макгоуэн посмотрел прямо на меня лишь однажды. Это случилось, когда он сказал: «Джон, когда я услышал стук, посмотрел сквозь дверную сетку и увидел, кто за ней стоит, я уже знал, что убью ее». И продолжил: «У меня бывает ярость бешеная и ярость холодная. Бешеная ярость меня достает, конечно, но я могу взять себя в руки, сосредоточиться и справиться с ней. Это типа тогда, когда меня подрезали на дороге или я с кем-то поругался в школе. Но с холодной яростью я не справляюсь».

- Именно ее вы ощутили, когда к вам пришла Джоан?

- Ну да, именно так, - сказал он.

Мы продолжали смотреть друг другу прямо в глаза.

Значит, он убил Джоан в припадке холодной ярости. То, что Макгоуэн даже придумал для этого название, говорило о том, что подобное случалось с ним раньше и, скорее всего, может произойти и в будущем. Но ведь он не убил ее прямо там, на крыльце своего дома, невзирая на всю бушевавшую внутри ярость. В тот момент в его голове моментально сформировался четкий план, как затащить ее туда, куда ему нужно, чтобы сделать то, что Джозеф хотел с ней сделать.

Отметив это, я сказал ему: «Хоть вы и стараетесь диссоциировать самого себя и совершенное вами преступление, вы не психопат. То, что я вижу, вполне логичное и рациональное поведение». Он не стал со мной спорить.

Что же касается утверждения психиатра о том, что «убийство было следствием дополнительного потрясения и ощущения неудачи, вызванных преждевременной эякуляцией», то оно снова неверно. Убийство стало следствием сочетания скопившейся ярости, сексуального возбуждения от временной власти над другим человеческим существом и весьма практического соображения

необходимости избавиться от свидетеля и без того отвратительного преступления.

Собственно, и сам Макгоуэн признал это, сказав д-ру Гэйлину: «Если отпустить ее, мне конец. Я мог думать только о том, как от нее избавиться». Мне стало интересно, почему до меня никто не попытался увязать между собой все утверждения осужденного?

Но я не считал, что это убийство было совершено лишь с практической целью избежать разоблачения и поимки. И речи быть не могло о том, что Макгоуэн просто зашел слишком далеко. По тому, как он об этом рассказывал, я мог утверждать, что он испытал удовольствие и эмоциональное удовлетворение и непосредственно от акта убийства, и от общего понимания своей способности уничтожать.

В какой-то момент я спросил его: «А как могло бы выглядеть тогда ваше лицо? Попробуйте изобразить мне сейчас?» И убийца охотно расплылся в гримасе злобного удовлетворения.

От трупа он избавлялся без видимых признаков паники и спешки, подойдя к процессу разумно и методично. При помощи полотенец и чистящих средств Макгоуэн стер следы крови, чтобы избавиться от улик на случай обыска. Завернутый в ковер труп вывез подальше и выбросил его в знакомой местности, а затем вернулся домой и вел себя как ни в чем не бывало. И к поискам Джоан он присоединился вполне сознательно, чтобы снять с себя возможные подозрения.

В большинстве случаев преступники понимают, что смогут извлечь какую-то выгоду из хорошего отчета об обследовании, и так или иначе стараются вешать лапшу на уши. Макгоуэн не делал ничего подобного. Я полагаю, что осужденный видел, насколько хорошо я подготовлен, и с присущим ему умом сообразил, что такие вещи не сработают. Он согласился на беседу со мной, чтобы повысить свои шансы на УДО, и понимал, что не добьется этого, если я поймаю его на вранье. А суть моего подхода состояла в том, чтобы собеседник в достаточной мере «расслабился» и позволил разобраться в его истинных мыслях и чувствах.

Меня поразило, что Макгоуэн даже не попытался выразить какое-то сочувствие родным Джоан. Он действительно сожалел о случившемся, но не продемонстрировал никаких признаков эмоционального осмысления страданий, причиненных им родным и друзьям девочки, которую с такой жестокостью лишил жизни. У меня

сложилось впечатление, что Макгоуэн старается сказать: что было, то было, вернуть жизнь этой девочке я не смогу, но жить- то дальше мне надо. Убийство стало для него не более чем одним из эпизодов жизни. Как будто он пережил рак или инфаркт, и теперь врачи решают, выписывать его из больницы или нет.

В любом насильственном преступлении принимают участие как минимум два человека. Просто наблюдая за поведением преступника, профессиональный криминалист может понять, что у него на уме, даже если тот ничего не говорит. Конечно, речь идет лишь о тех преступлениях, которые совершаются при непосредственном контакте и в которых замешаны эмоции, а не о таких преступлениях, как отравления, поджоги или террористические атаки. Вслушиваясь в детали убийства Джоан Д'Алессандро, я обращал внимание не только на сам факт агрессии и сексуального насилия, но и на то, как это было сделано.

Преступник фиксировался на самом действии, а не на личности жертвы. Я не сомневался в наличии у Макгоуэна определенных педофильских наклонностей, о которых он сообщал ранее. Это вполне согласовывалось с его неумением общаться и глубоко укоренившимся чувством собственной неполноценности. Но убийца никогда не привлекался к ответственности по поводу сексуальных домогательств, и при обысках у него не нашли никакой детской порнографии. Я подумал, что объектом его мечтаний могла бы быть только взрослая женщина и что на самом деле его единственной фантазией была фантазия о власти.

В ходе нашей беседы мне стало понятно, что мгновенный переход от бешеной ярости к холодной спровоцировало некое событие, хотя на тот момент я не вполне понимал, какое конкретно. Исходя из его жизненной ситуации, расстроившейся помолвки и моего знания многих других сексуальных маньяков, я предположил, что какую-то роль во всем этом сыграла его мать. Но мне не давало покоя то, что я никак не мог точно установить причину его срыва.

Слушая Макгоуэна, я понял, что его возбудило ***действие***, а не ***жертва.*** Все, кто обследовал его до меня и пытался вывести на разговор о педофилии, попросту заблуждались. Об изнасиловании семилетней девочки он рассказывал без какой-то особой увлеченности или удовольствия. И не только это, ведь он набросился на ребенка,

которого часто встречал по соседству. До этого осужденный не проявлял к ней внимания, не пытался подружиться, соблазнить или поухаживать. Агрессия, сексуальное унижение и убийство - все это было проявлением первобытной ярости. Единственным, что имело значение для Макгоуэна, было то, что ему попалась маленькая и беззащитная девочка. Если бы это был кто-то, кто был способен ему противостоять, преступления не произошло бы.

Убийца постепенно приходил в себя после своего воображаемого путешествия в прошлое. Описывая подробности преступления, осужденный был сосредоточен до дрожи, теперь успокоился и уже не обливался потом. Он мысленно вновь пережил сражение, в котором победил, в отличие от столь многих других в своей жизни.

Мы поговорили о его любви к огнестрельному оружию - еще одной очевидной форме психологической компенсации. Я спросил Макгоуэна:

- Если бы вы разозлились и пришли в торговый центр с автоматом в руках, то кого стали бы убивать? Школьников, учителей, полицейских?

Мне был интересен не только ответ, но и то, как он отнесется к самой постановке вопроса.

- Всех подряд, - ответил Макгоуэн.

Это было важно. Он не только не стал отрицать саму возможность подобного, но, по сути, подтвердил, что его ярость носит обобщенный и неизбирательный характер.

Мы заговорили о возможном выходе на свободу, и я спросил: «Джо, а куда вы собираетесь отправиться, когда выйдете?» Я специально употребил «когда», а не «если». Мне нужно было поддерживать максимально позитивный тон, чтобы вызвать его на откровенность.

Джозеф сказал, что поедет в Нью-Йорк к одному своему знакомому по тюрьме. Тот работал электриком и обещал ему работу. Я рассказал, что вырос в Нью-Йорке, часто там бываю и поражаюсь тому, насколько дорогой стала тамошняя жизнь.

Он оглянулся на дверь, чтобы убедиться, что надзиратели нас не подслушивают, и заговорщическим шепотом произнес:

- Джон, ну, деньги-то у меня есть.

-Да какие деньги можно заработать за двадцать пять лет отсидки? За изготовление номерных знаков приличных денег не получишь.

Понизив голос, Макгоуэн сообщил, что получил очень серьезные суммы по завещаниям бабушки и матери, а также от продажи дома. Сказал, что деньги лежат в банке за пределами штата и это сотни тысяч долларов.

- А почему именно так? - поинтересовался я.

- Не хочу, чтобы до них добрались родные жертвы, - прошептал Джозеф.

Про себя я подумал: «Этот парень просто безнадежен. В нем нет ни капли уважения к людям, которым он причинил боль и поломал жизнь».

А вслух сказал: «Ну, Джо, это действительно здорово придумано. Думаю, в Нью-Йорке у вас все получится!» Это было нужно для поддержания контакта с собеседником и не было ложью. Я действительно считал его толковым и изобретательным малым, вполне способным найти себе место в таком городе, как Нью-Йорк. Просто не сказал, насколько отвратительной считаю его схему. Как и в деловых переговорах, ты знаешь, где обязан промолчать, каких бы трудов это ни стоило.

Впоследствии выяснилось, что по просьбе Розмари следствие изучило завещание Женевьевы Макгоуэн и движение ее денежных средств. Вскоре после убийства она продала дом и переехала в другой город штата. Затем женщина продала и тамошний дом и уехала к своей племяннице в Висконсин. Пожив у нее некоторое время, Женевьева переселилась в дом престарелых францисканского монастыря, где скончалась в апреле 1992 года. Ее средства были распределены по нескольким трастам, выгодоприобретателем одного из них стала племянница.

Завещание было утверждено в Висконсине, по мест/ жительства Женевьевы. Как установил Джим, все средства были распределены так, чтобы исключить претензии на них со стороны семьи Д'Алессандро. Судя по всему, мать убийцы предвидела такую возможность и на протяжении нескольких лет распределяла деньги так, чтобы они не попадали непосредственно ее сыну. Чисто юридически Макгоуэну не досталось ничего, но племянница получила инструкции снабжать его деньгами и обеспечивать всем, что пожелает

ее родственник. Видимо, это он и имел в виду, говоря о деньгах за пределами штата.

Эти схемы напомнили мне о том, как в разговоре со знакомой прихожанкой Женевьева сказала, что ненавидит Розмари и считает ее виновницей всех бед своей семьи. Одним из главных признаков нарциссизма - пограничного расстройства личности и социопатии - является нежелание принимать на себя любую ответственность. Всегда виноват кто-то другой.

Мой разговор с Макгоуэном продолжался около шести часов. Мы ни разу не перекусили и даже в туалет не выходили. Я получил достаточно хорошее представление о том, что представлял собой преступник. Похоже, это понял и он сам, правда, очень по-своему. В письме подруге по переписке он сообщал, что беседа прошла удачно, я его понял, и перспектива УДО выглядит оптимистично. Я действительно его понял и был совершенно беспристрастен в своей оценке его возможной опасности для общества, а он принял мое непредвзятое отношение за сочувствие и одобрение. Эта же ошибка свойственна и многим ему подобным. Они смотрят на других людей исключительно через призму собственного эгоизма и не допускают даже мысли о том, что сопереживают им ровно в той же мере, в какой они сочувствовали своим жертвам.

В конце беседы я пожал Макгоуэну руку и поблагодарил за разговор, пожелал удачи и постарался не показать, что думаю о нем на самом деле и что буду рекомендовать комиссии.

7. В сухом остатке

Следующим утром я предстал перед полным составом комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения штата Нью-Джерси. В большинстве случаев решение принимается двумя или тремя ее членами, но это дело было резонансным, и Эндрю Консовой хотел, чтобы присутствовали все.

Мы собрались в конференц-зале тюрьмы. В составе комиссии было, по-моему, человек десять - двенадцать: опытные юристы, психологи и полицейские. Консовой представил меня и попросил кратко описать опыт работы в психологии и криминалистике. Я рассказал о создании отдела поведенческого анализа ФБР и о своей

докторской диссертации, посвященной вопросам обучения классифицированию преступлений.

Я сказал собравшимся, что всегда стараюсь быть объективным, и поэтому ознакомился со всеми отчетными материалами лишь накануне своей беседы с Макгоуэном. «В своей работе я исхожу из того, что если для понимания художника необходимо изучить его картины, то и для понимания преступника нужно разобраться в его преступлении».

Ходить вокруг да около нет смысла, решил я, они наверняка знают, кто я и откуда, и продолжил: «Я никогда не понимал, как можно принимать решения о переводе под административный надзор, УДО или направлении на принудительное лечение, не обладая этой информацией. Не постигнув ее сути, невозможно осознать, что представляет собой данный персонаж. Полагаясь только на правдивость его слов о себе, можно совершить серьезную ошибку».

Например, обследуя осужденного насильника, нужно изучить показания жертвы, что он делал и говорил во время нападения. Данная информация позволит понять, к какому из пяти типов насильников относится данный субъект. А если жертва была убита, это уже говорит о многом.

До начала заседания Консовой сказал мне, что некоторых членов комиссии интересует педофильский аспект вопроса. Нужно ли будет внести Макгоуэна в реестр сексуальных преступников в случае, если УДО будет ему предоставлено?

Я сказал комиссии следующее: «Мне было интересно разобраться, имеем ли мы дело с классическим типом растлителя малолетних, педофилом, который подыскивает себе жертв определенного типа, или же это "ситуативный" преступник, жертвой которого может стать первый встречный? Так что нам следует оценить уровень риска для преступника и для его жертвы. С точки зрения викгимологии, ребенок продвигался от низкого уровня риска у себя дома и во дворе к среднему в окрестном районе и к повышенному при входе в совершенно незнакомый дом».

Что касается преступника, то в его действиях как таковых риска было немного. С семилетним ребенком он, несомненно, мог сотворить что угодно. Но риск разоблачения был высок. Преступление было совершено в районе, где проживали и преступник, и жертва. Оставшись в живых, жертва могла его опознать. Налицо была

достаточная вероятность того, что родители жертвы или какие-то другие люди знали, куда она пошла. Следовательно, преступник осознавал, что в таком случае его разоблачение будет лишь вопросом времени.

В наших исследованиях, предшествовавших созданию «Убийств на сексуальной почве» и «Классификатора преступлений», мы выделяли три типа насильственных преступлений: подготовленные, неподготовленные и смешанные. Я пояснил, что высокорискованные неподготовленные преступления могут совершаться по ряду возможных причин, в частности, по молодости и неопытности преступника, под воздействием алкоголя или наркотиков, в силу утраты контроля над ситуацией или умственной отсталости. В случае Макгоуэна ничего подобного не было.

Речь не идет о том, что тем утром он сказал себе: «Вот дождусь, когда кто-то позвонит в дверь, и убью, кто бы это ни был». Но при всей случайности это преступление было подготовленным. В нем была налицо некая логика. И это трудно понять многим, даже работникам правоохранительных органов. Если преступление настолько алогично по своей сути, то о какой подготовленности и методичности его совершения можно говорить? Другими словами, как мог такой умный, образованный и респектабельный человек, как школьный учитель Джозеф Макгоуэн, совершить нечто, ставящее под удар все, ради чего он трудился и что считал для себя важным? Как такое возможно?

Да, такое возможно и обычно случается, потому что к действию побуждает нечто значительно более могущественное, чем рациональное мышление. Судя по всему, в данном случае это было постоянное и всепоглощающее чувство собственной неполноценности в сочетании с требующей выхода бешеной яростью по какому-то конкретному поводу. Я объяснил, что в возрасте примерно 25-35 лет некоторым людям, главным образом мужчинам, становится понятно, что они уже не получат того, чего, по их мнению, достойны. Так, даже несмотря на свою хорошую работу, Джозеф Макгоуэн вынужденно осознавал, что он все еще живет под одной крышей с матерью и не стал тем, кем хотел стать. Гнев нарастает, а подобные чувства не испаряются сами по себе. Напротив, они усугубляются по мере понимания недостижимости собственных целей.

Это было преступление, совершенное в порыве ярости, и сексуальное насилие было лишь одним из его аспектов. Как минимум в момент его совершения этот человек оправдывал себя тем, как, в его субъективном восприятии, поступают с ним другие. И хотя сам Макгоуэн вряд ли рассуждал столь же аналитично, Джоан стала для него олицетворением всех этих других. Для человека с преступными наклонностями, полагающего, что он лишен возможности управлять собственной жизнью, убийство является воплощением высшей власти. В этот краткий или не очень миг он полностью властвует над окружающей его действительностью. Я сообщил комиссии, что, как мне показалось, Макгоуэн не испытывал подобного прежде, и это было всепоглощающим, чарующим и невероятным чувством для него.

«Он отводит ее в эту спальню в подвале дома, заставляет раздеться, преждевременно эякулирует. Мужчина в восторге, но не потому, что сейчас воплотит свою фантазию и займется сексом с маленькой девочкой. Макгоуэн в восторге от своего могущества, от того, что хочет и может убить, и его эрекция обусловлена именно этим. А затем ярость усиливается потерей контроля, но не над жертвой, а над собственной эректильной функцией».

Для понимания многих людей еще одним трудным аспектом является то, что преступник может испытывать половое возбуждение в связи с чем-то, не имеющим явного отношения к сексу. В беседе с нами «Сын Сэма» Дэвид Берковиц рассказывал о том, что мастурбировал при виде пожарной команды, приезжающей на место совершенного им поджога. Для этого ничтожества ощущение власти над превосходящими силами - огнем, пожарными и любопытными зеваками - было своего рода половым актом.

По признанию Денниса Рейдера, он обожал проезжать мимо домов своих жертв. Он считал эти дома своими трофеями и упивался сознанием того, что никто не знает его тайн. По его словам, Рейдер очень хотел присутствовать на похоронах своих жертв и навещать их могилы, но не делал этого, опасаясь разоблачения. Вместо этого он вырезал и многократно перечитывал газетные некрологи. Ощущение могущества, порождаемое убийством, невероятно возбуждает таких преступников.

Один из членов комиссии заметил, что ранее Макгоуэн заявлял, будто Джоан без каких-либо слез и протестов исполнила его приказ

раздеться донага.

«Мне в это не верится, - сказал я, - я думаю, что на самом деле она как раз не подчинялась, чем и взбесила его окончательно». Было невозможно представить себе, что эта маленькая девочка не испугалась и не заплакала. Прочитанное в отчете судмедэксперта ясно указывало на наличие следов борьбы, а Розмари не раз говорила о том, что ее дочь не сдалась бы без сопротивления. Я высказал твердое убеждение в том, что своими утверждениями Макгоуэн просто хотел минимизировать тяжесть содеянного.

Хотя в акте судебно-медицинской экспертизы высказывалось мнение о насильственном введении полового члена, на основе сказанного Джозефом в нашей беседе я полагал, что имело место лишь проникновение пальцем, которое и привело к разрыву девственной плевы.

Затронул я и тему отсутствия у Макгоуэна мелких денег, которую он неоднократно приводил в свое оправдание: «У него не было при себе нужных купюр? В качестве мотивирующего фактора данного преступления это выглядит полной чушью. Он просто не знал, как бы ему оправдаться. Преступник был намерен убивать изначально, вне зависимости от наличия или отсутствия каких-то банкнот. А что касается разговоров неких врачей о том, что преступления не произошло бы, будь у него при себе нужные купюры, то это полный бред!» И я рассказал членам комиссии о «бешеной» и «тихой» ярости.

Члены комиссии удивились еще больше, когда я рассказал им о деньгах, спрятанных за пределами штата, и о планах в случае выхода на свободу. Я рассказал им, что поинтересовался у Макгоуэна, каково, как он думает, придется ему на свободе после двадцати пяти лет тюрьмы, многие из которых прошли в условиях строгой изоляции. «Если уж я здесь выживаю, значит, выживу где угодно», - ответил убийца. «Но, - сказал я, - при всех тяготах тюремной жизни она очень отличается от жизни на воле». В тюрьме Макгоуэн получает трехразовое питание, психиатрическую помощь и находится под постоянным наблюдением. Преступникам, которым не живется нормально на свободе, часто бывает очень неплохо в таких условиях. Я сказал комиссии, что, исходя из моего опыта, факт сотрудничества заключенного с администрацией или его образцового поведения имеет

небольшое значение для оценки общественной опасности преступника после выхода на свободу.

Мы поговорили о монахине из Коннектикута, с которой переписывался Макгоуэн, и о ее предложении поместить его в учреждение социальной реабилитации. Я отметил, что он хочет, чтобы за ним следили примерно так же, как в тюрьме, и не знает, что может случиться, окажись он без должного присмотра. Вновь вернуться к преподаванию ему не разрешат никогда. Взаимодействовать с людьми, менее развитыми интеллектуально, будет трудно. Следовательно, потребуется какая-то индивидуальная занятость. Так что проблем здесь будет целая куча.

Ранее Макгоуэн рассказывал психиатрам, что помнит охватившее его возбуждение при виде двенадцатилетней кузины в короткой ночнушке и трусиках, из-под которых выглядывали лобковые волосы. Но я сказал, что он точно так же возбудился бы и при виде кинозвезды Рейчел Уэлч или любой другой взрослой женщины в аналогичном наряде. Но, в отличие от ситуации с двенадцатилетней девочкой, при встрече с Рейчел у него не хватило бы смелости обратиться к ней. Это скорее говорит о степени его социальной неумелости, чем о какой-то выраженной педофилии.

«Если бы это было заранее обдуманным половым преступлением, то Макгоуэн разъезжал бы по окрестностям в поисках подходящей и совершенно незнакомой жертвы. Но он-то набросился на неожиданно возникшую у его дверей беззащитную девочку». Я сказал, что даже не стал бы относить его к категории сексуальных маньяков. Осужденного возбуждали не столько маленькие девочки, сколько власть и могущество. «Я не рассматриваю его как типичного педофила. Поскольку, если он выйдет и столкнется с какими-либо трудностями и препятствиями на своем пути, это не обязательно выльется в изнасилование другого семилетнего ребенка. Жертвой может стать кто угодно еще, но ярость останется неизменной».

Я припомнил дело Джека Генри Эббота - уголовника-рецидивиста и убийцы, который большую часть своей жизни провел за решеткой. Узнав о том, что писатель Норман Мейлер собирается писать о Гэри Гилморе, первом преступнике, казненном в США после восстановления смертной казни, Эббот начал снабжать его реалистическими описаниями тюремной жизни. Впечатленный этими

письмами, в которых был заметен незаурядный литературный талант, писатель помог заключенному издать книгу воспоминаний под названием «Во чреве зверя». Книга получила положительные отзывы, а Мейлер начал общественную кампанию за выход Эббота на свободу. Он посчитал, что такой тонко чувствующий и проницательный человек должен был полностью исправиться. Несмотря на сомнения тюремных властей, в 1981 году Эббота выпустили по УДО. Он отправился в Нью-Йорк, где Мейлер и его семья занялись его трудоустройством и адаптацией к жизни на свободе.

Спустя шесть недель после выхода из тюрьмы Эббот ужинал в компании двух женщин в одном из кафе Гринич- Вилледжа. По пути в туалету него произошла стычка с официантом по имени Ричард Аднан, который был начинающим актером и приходился зятем хозяину кафе. Мужчины продолжили выяснение отношений на улице, и Эббот зарезал Аднана.

На склоне лет Мейлера Марк был дружен с этим великим писателем. Мейлер говорил ему, что история с Эбботом была одним из самых печальных эпизодов его жизни. Я ясно дал понять, что похожий сценарий возможен и с Макгоуэном, если некая случайность станет причиной его тихой ярости.

На это Консовой сказал: «Мы отвечаем за оценку степени его общественной опасности». Помолчав немного, он обратился ко мне: «Если бы вы заседали в комиссии, выпустили бы его на свободу?»

«Нет, - ответил я, - не знаю, когда он совершит свое следующее преступление. Не знаю, произойдет это через год, пять лет или десять. Но при определенных условиях, когда жизнь поставит его перед лицом какого-то стресса, будь то потеря работы, отказ женщины или отказ общины видеть его своим членом, он может сорваться опять. В моем понимании Макгоуэн как бомба с тикающим часовым механизмом, готовая взорваться в любой момент».

Я привел в пример его реакцию на сценарий похода в торговый центр с автоматом в руках. «Он просто не способен справляться со стрессом. Именно поэтому в свое время раскололся на допросе. И, - заметил я, - для того чтобы подстрекнуть его к насилию, вовсе не понадобится нечто невероятное». «Например, что будет, если кто-то пролезет без очереди к кассе супермаркета?» - спросил один из членов комиссии. Я предположил следующее: «Наверное, преступник выйдет

на парковку и посидит в своей машине. Ему противно и неприятно. Чтобы побороть это, он накручивает себя, приходит в страшную ярость. Возвращается обратно в магазин и высказывает этому человеку свои претензии. Если с ним не вполне любезны, взрывается». Я заметил, что теперь Макгоуэн стал старше, его стереотип поведения мог измениться, и он может переключиться на другой тип жертв. Мне это часто встречалось. Если осужденный выберет своей целью проституток, то необщительный характер не создаст ему особых проблем. Ему потребуется только автомобиль. Это проститутка подойдет к нему и заведет разговор, а не наоборот. И останется только предложить ей сесть в машину. Я привел пример Артура Шоукросса по прозвищу Рочестерский душитель. Он убил двоих детишек, мальчика и девочку, получил двадцать пять лет тюрьмы и был выпущен по УДО за примерное поведение, отсидев пятнадцать. После чего сделал своей целью проституток и убил двенадцать женщин, прежде чем его поймали. Изменилась обстановка, изменились жертвы, но Шоукросс по-прежнему охотился на самых беззащитных и доступных. Мне не хотелось бы повторения истории с Макгоуэном в данном случае: «При любых осложнениях, при любой кризисной ситуации этому человеку требуется круглосуточный надзор».

Напоследок мы перешли к вопросу, который естественным образом возникает в подобных случаях.

- Как понимаю, вам не положено обсуждать возможность исправления, - сказал я.

- Вам можно, нам - нет, - пояснил Консовой.

- К подобного рода преступникам неприменимо само понятие исправления. Оно подразумевает возврат к какому-то исходному состоянию. Вернуть его? К какому же стоянию следовало бы его вернуть?

- Получается, что вы, Джон, не усматриваете существенных различий между тем, что он представляет собой сейчас, и тем, что представлял собой, впервые оказавшись в тюрьме, так? - спросил Консовой.

- Я таковых не обнаружил.

Это было преступление в порыве ярости и жажды власти, секс как таковой не играл особой роли. Как и многим другим маньякам, этому были нужны власть, доминирование и полный контроль. Я продолжил:

- Перед вами он будет стараться показать себя хорошим, но на самом деле это айсберг, 90 % которого скрывается в глубинах. И вы наверняка увидите, что его манера отвечать изменилась. Осужденный умен, и процесс рассмотрения ходатайств об УДО многому его научил. Макгоуэн знает все ваши уловки, знает, что вы хотите услышать. На самом деле его физическую оболочку как будто просто заморозили сроком на двадцать пять лет. Ато, что засело у него в голове, осталось неизменным: акт агрессии возбуждает его сексуально.

Также было и с Шоукроссом. В конце 1980-х мой отдел привлекли к розыску Рочестерского душителя, и Грегг Маккрэри создал его очень точный психологический портрет и стратегию поимки, которые в итоге привели к арест/ Шоукросса. Единственным, в чем ошибся Маккрэри, был возраст преступника. Он убавил его примерно на пятнадцать лет. Те самые пятнадцать лет, которые преступник вынужденно провел в режиме ожидания, сидя в тюрьме. А стоило Шоукроссу оказаться на свободе, как он снова взялся за старое.

- Если Макгоуэн вновь совершит преступление, то скорее всего это будет акт насилия по отношению к первому попавшемуся человеку или группе людей, - сказал я комиссии. - В сухом остатке: я бы не хотел иметь такого человека своим соседом по кварталу или ходить с ним в одну церковь.

8. Существенная вероятность

Я узнал очень многое сам о Джозефе Макгоуэне и от него самого. Но был не вполне удовлетворен результатами своей работы. Одной детали пазла не хватало. Я был уверен, что существовал некий фактор, спровоцировавший его на убийство невинного ребенка. Это никак не меняло моего представления о том, что Макгоуэн совершил свое преступление при спонтанном стечении обстоятельств, позволивших реализовать уже давно существующее смутное желание. Но я был уверен, что было нечто, что его «довело» и подтолкнуло к действию именно тогда.

Возможно, что-то произошло на работе? Ссора с коллегой или роман с ученицей, о которых он не захотел рассказать? Может быть, это было как-то связано с бросившей его невестой? Подобные вещи действительно способны привести человека в бешенство. Я был

вполне уверен, что это было каким-то образом связано и с тем, что коллеги не взяли его с собой в путешествие. Но, изучив материалы дела и обстоятельно побеседовав с Макгоуэном, я понял, что произошло нечто более значительное.

Мы всегда старались вести наши тюремные беседы в открытой манере, не придерживаясь какого-то определенного плана. Никогда не знаешь заранее, насколько ценную информацию удастся почерпнуть из обсуждения случайно затронутой темы. Но в расследованиях тяжких преступлений всегда возникает главный вопрос, ответ на который становится ключом к разгадке.

«Серийным убийцей» называют человека, который лишает других жизни многократно и с определенной периодичностью. За каждым убийством следует «период ожидания». Если преступник не пойман, такая остановка почти всегда бывает обусловлена одной из трех причин: он умер, попал в тюрьму за другое преступление или же переехал в другое место. В последнем случае паузы может и не быть, просто правоохранительные органы не увязывают его новые преступления со старыми. Но в случае Денниса Рейдера, «ВПУ» из Уичито, периоды затишья между преступлениями были длительными. И мы не понимали, чем это обусловлено, - ведь ВПУ настолько любил бахвалиться своим злодейством, что после каждого преступления отправлял в прессу или полицию описание мерзких подробностей своих преступлений.

Начало дела ВПУ пришлось на самое начало моей работы в ФБР Во вторник 15 января 1974 года шестнадцатилетний Чарли Отеро, его четырнадцатилетний брат Дэнни и тринадцатилетняя сестра Кармен вернулись домой из школы и обнаружили изуродованные тела своих родителей: 34-летней Джули и 38-летнего Джозефа. Их связали, заткнули рты кляпами, жестоко удушили и исполосовали ножом. Прибывшие на место полицейские обнаружили тело девятилетнего Джои. Связанного по рукам и ногам мальчика удавили на кровати в их общей с Дэнни спальне. Девятилетнюю Джози нашли подвешенной к трубе отопления в подвале дома. Ее тело было обмотано шнуром, руки связаны за спиной. Рот, из которого выступал распухший язык, был заткнут полотенцем. На девочке была только голубая футболка и спущенные до щиколоток трусики. На одной ноге была заметна липкая

субстанция, похожая на сперму. Судя по всему, убийца мастурбировал, наблюдая предсмертные муки ребенка.

Так началась череда садистских убийств в Уичито и ее окрестностях. Они продолжались семнадцать лет, наводили ужас на население в течение трех десятилетий и унесли жизни по меньшей мере десяти человек.

Через десять месяцев после убийства Отеро в редакцию местной газеты позвонил неизвестный. Он сообщил, что в одну из библиотечных книг вложено письмо для властей. Его автор в издевательском тоне брал на себя ответственность за убийство семьи, обещал убивать и впредь и написал в заключение: «Моим девизом будет - вяжи, пытай, убивай... сокращенно - ВПУ. Это будет моим кодом. Увидите его на следующей жертве, поймете, что я опять за свое».

Хвастливые сообщения в полицию и СМИ продолжались. Создавалось впечатление, что их автор жаждал не только пытать и убивать. В неменьшей мере ему хотелось внимания и известности.

Полицейское управление Уичито привлекло меня к расследованию примерно одновременно с запуском учебной программы по психологическому портретированию в академии ФБР в Куантико. Спустя десять лет после первого убийства мы консультировали оперативную группу следователей по особо важным делам, созданную для поимки ВПУ. А к момент/завершения расследования я уже десять лет как уволился из ФБР Жестокость преступника, как чисто физическая, так и психологическая, и по сей день не дает покоя практически всем, кто участвовал в его розыске.

Рейдер выбирал жертв и целенаправленно, и случайно. Иногда он просто шел за людьми, случайно попавшимися на глаза в его бесконечных разъездах по городу или встреченными на работе. Этот муниципальный чиновник занимался ответственным делом - следил за газонами и отловом бродячих собак. Его жертвами становились люди самых разных возрастов: не считая семьи Отеро, самой младшей был 21, а самой старшей - 62. ВПУ был абсолютно бессердечен. Запертые в ванной маленькие дети Ширли Виан слушали, как он душит удавкой их мать в ее спальне.

Но самым странным и озадачивающим следователей аспектом дела был разброс преступлений во времени. Пять убийств были

совершены в 1974 году, еще два - в 1977-м, по одному в 1985-м и 1986-м и еще одно в 1991-м. Такие длительные паузы между гнусными делами ВПУ не поддавались объяснению. Особенно с учетом интереса этого серийного убийцы к своей позорной медиаизвестности.

Крах Рейдера случился лишь в 2005 году, спустя четырнадцать лет после последнего из его известных убийств. Он не мог почивать на сомнительных лаврах безжалостного убийцы и совершил один необдуманный шаг: послал на местное телевидение компьютерный диск. В полиции сумели по метаданным установить, что его последним пользователем был некий Деннис из одной из местных церквей. Поисковый запрос в Интернете указал на церковного старост/ по имени Деннис Рейдер. И его черный джип соответствовал описанию машины, замеченной в месте, где ВПУ оставил одно из своих сообщений.

Это был женатый человек, отец двоих детей. Трусливый Рейдер согласился на досудебную сделку и получил пожизненный срок без права ходатайствовать об освобождении. Таким образом он избежал смертного приговора, который сам выносил своим жертвам и приводил в исполнение самым зверским образом. Моя личная встреча с Рейдером состоялась в канзасской тюрьме строгого режима в Эль Дорадо.

Побеседовав с ним и изучив материалы дела, я начал догадываться о причинах перерыва между убийствами Нэнси Фокс в 1977 году и Марин Хедж в 1985-м. Я предположил, что это имеет отношение к Поле, его жене. Возможно, она что-то обнаружила или за чем-то его застала.

Рейдер подтвердил, что осенью 1978 года Пола зашла в их спальню и увидела его в женском платье и с веревкой на шее, привязанной к ручке двери ванной. Трансвестизм и аутоэротическое удушение были двумя его любимыми занятиями во время мастурбации. Платье было не ее, по всей видимости, Рейдер взял его в доме какой-то из своих жертв. Мягкая и скромная Пола не поверила своим глазам. Ни о чем подобном она и слыхом не слыхивала.

Женщина сказала мужу, что ему нужен врач, но не имела представления, к кому он мог бы обратиться. Тема была слишком стыдной, чтобы обсуждать ее с кем-то. В итоге, после нескольких дней тягостных раздумий, Пола позвонила в военный госпиталь, где некогда

работала бухгалтером, и попросилась на анонимный приему психолога. Она рассказала ему, что подруга застала мужа за переодеванием в женское платье и самоудушением. Специалист порекомендовал ей несколько книг по самопомощи. Пола купила их и вручила Деннису.

В свою очередь Рейдер признался жене, что это его психологическая проблема, с которой он борется многие годы, и пообещал больше так не делать. ВПУ боялся, что любые действия Полы могут вывести на его след полицию, и решил, что будет лучше затаиться и воздерживаться от своих аутоэротических сеансов, по крайней мере домашних.

Судя по всему, примерно пару лет это у него получалось. А затем, в 1980 году Пола вновь обнаружила его в спальне с веревкой на шее. На этот раз женщина была не столько озабочена его здоровьем, сколько «взбешена до беспамятства». Он никогда не видел свою жену настолько злой и возмущенной и испугался. Пола говорила, что уйдет от него, если хотя бы раз заметит нечто подобное. А если она начнет рассказывать об увиденном, то властям не составит особого труда увязать это с очередным убийством ВПУ.

Все это заставило меня иначе посмотреть на причины, по которым серийный убийца может самостоятельно прекратить свои преступления, и дало некое новое представление о типажах людей, поимке которых я посвятил свою профессиональную деятельность. Забавно, но эта пауза убедила меня в том, что Рейдер, вопреки опасениям Полы, впервые заставшей мужа за воплощением его сексуальных фантазий, полностью вменяем. Хотя я уверен, что все жестокие убийцы и насильники в той или иной степени нездоровы психически, то, что Рейдер смог добровольно остановиться, пусть даже временно, говорит о наличии у него перспективного мышления и исполнительных функций достаточно высокого уровня. Правда, очень немногие серийные убийцы были настолько же хорошо обеспечены средствами имитации, как Рейдер с его коллекцией садомазохистского порно, БДСМ-атрибутикой и «сувенирами» с мест преступлений. А с учетом его живого воображения я не сомневаюсь, что он до конца своих дней будет предаваться фантазиям о пытках, издевательствах и собственноручном умерщвлении женщин и девочек.

Поимка матерого жулика, грабителя банков и ювелирных магазинов и авиаугонщика Гэррета Брука Трэпнелла тоже

сопровождалась странными обстоятельствами, но несколько иного рода. Свое самое эффектное преступление он совершил 28 января 1972 года. Вооружившись пистолетом 45-го калибра, мужчина пронес его в самолет авиакомпании TWA, выполнявший рейс из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, под гипсовой повязкой на руке, после чего захватил самолет. Помимо 300 000 долларов наличными и официального помилования от президента Никсона, он потребовал освободить политическую активистку Анджелу Дэвис. Эта университетская преподавательница ожидала в тюрьме суда по обвинению в соучастии в заговоре, захвате заложников и убийстве. Многие считали ее уголовное преследование политически мотивированным, а впоследствии суд признал ее неви- новной.

Когда самолет ожидал дозаправки и смены экипажа на стоянке в нью-йоркском аэропорту, двое переодетых в стюардов агентов ФБР проникли в него и обезвредили преступника, ранив его в левое плечо и руку. На первом суде над Трэпнеллом присяжные не пришли к единому мнению, но затем он все же был признан виновным в воздушном пиратстве и приговорен к двум пожизненным срокам.

Но с помещением в тюрьму впечатляющие выходки Трэпнелла не прекратились. Каким-то образом он смог убедить свою знакомую Барбару Энн Освальд угнать в Сент-Луисе частный вертолет и заставить пилота лететь в тюрьму в Мэрионе, чтобы вывезти его на свободу. Во время посадки пилоту вертолета удалось выбить из руки Освальд пистолет и застрелить ее. Это случилось 24 мая 1978 года. А 21 декабря того же года на борту самолета авиакомпании TWA, выполнявшего рейс из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, семнадцатилетняя дочь Освальд Робин потребовала освободить Трэпнелла, угрожая в противном случае взорвать закрепленное на ней взрывное устройство. Обошлось без жертв: переговорщики из ФБР сумели уговорить ее не делать этого, а «взрывное устройство» оказалось железнодорожным катафотом, к которому был присоединен дверной звонок. И мать, и дочь? Мне нечасто попадались преступники, обладавшие столь же удивительной властью над определенными категориями впе- чатлительных людей. Единственным, кто сразу же приходит на ум, был Чарльз Мэнсон.

Но больше всего меня заинтриговало то, что одним из требований Трэпнелла во время угона самолета было освобождение Анджелы

Дэвис. Воздушное пиратство с политическими требованиями было в то время отнюдь не редким явлением, и самолеты частенько оказывались где-нибудь на Кубе или в Алжире. Но все, что мне удалось выяснить о Трэпнелле, свидетельствовало об отсутствии у него сколько-нибудь серьезного интереса к политике. Его серьезно интересовало лишь собственное обогащение. Так почему же тогда он делал на этом требовании такой акцент и выкрикивал «Свободу Анджеле Дэвис!», даже будучи под конвоем агентов ФБР? Некоторые наблюдатели посчитали, что одного этого достаточно для вывода о его психической ненормальности. Газета The New York Times писала о его «давнем психическом нездоровье».

«Итак, что же это было, Гэри?» - спросил я его, когда нам наконец удалось побеседовать. Он сказал, что отлично понимал всю рискованность затеи с угоном самолета. Это умудренный опытом рисковый парень отдавал себе отчет в том, что вероятность неудачи достаточно высока. Трэпнелл знал также о том, что большинство авиаугонов того времени были политически мотивированными. И отвечая на мой вопрос, он дал примерно такое объяснение: «Я понимал, что если облажаюсь, то мне влепят на полную катушку, и сообразил, что если большие черные братья будут считать меня политзаключенным, то вероятность быть оттраханным в задницу в тюремном душе

сильно понизится». При всем расизме этого заявления оно имеет важное значение для поведенческого анализа. Прежде всего оно свидетельствует о том, что якобы полоумный Трэпнелл на самом деле мыслил абсолютно здраво и предусмотрел все возможные последствия. Вот вам и вся невменяемость.

Кроме того, этот случай помог нам усовершенствовать методики и процедуры переговоров об освобождении заложников. Если взявший заложников выступает с, казалось бы, эксцентричными или нехарактерными для себя требованиями, то вне зависимости от конкретной ситуации (угон самолета, ограбление банка или даже теракт) переговорщикам следует серьезно подумать над тем, что это значит на самом деле. Может быть, на фоне стресса или усталости у преступника случился психологический срыв, и он просто несет околесицу? Или в этом есть какой- то более глубокий смысл, который

можно использовать, чтобы разрядить ситуацию и завершить ее без насилия и кровопролития?

В данном случае это показывало, что Трэпнелл понимает безвыходность своего положения и уже продумывает следующий этап, то есть свое задержание и тюремное заключение. Таким образом, существовала высокая вероятность решения проблемы без ущерба для заложников. Иначе говоря, в тот момент он старался смягчить последствия своих действий, а не усугублять их. А это в свою очередь предполагает, что переговорщик получает некий важный аргумент для достижения соглашения. Диалог мог строиться не на денежном выкупе или вылете самолета, а на причинах непреклонности Трэпнелла в части требования освобождения Анджелы Дэвис. Пойдя по этому пути, переговорщик мог бы выйти на реальные мотивы преступника.

Однажды я приехал в тюрьму, чтобы побеседовать с Брюсом Пирсом - одним из убийц Алана Берга, скандально известного радиоведущего из Денвера. Пирс принадлежал к антисемитской группировке белых шовинистов «Когорта», члены которой были убеждены в сатанинском происхождении евреев. Как оказалось, Пирс согласился на беседу только для того, чтобы отчитать и подвергнуть словесным оскорблениям меня и ФБР в целом. Этот, казалось бы, неудачный опыт, был ценен тем, что позволил получить правильное понимание образа мыслей людей, безумно преданных некой идее. В противостоянии подобным личностям переговорщик должен тянуть время, чтобы оценить степень зацикленности боевика на его убеждениях и подготовить вмешательство тактической группы быстрого реагирования на случай провала переговоров. Этого можно достичь, заставив его раз за разом провозглашать и пересказывать свои идейные установки.

Что же на самом деле властвовало умом Макгоуэна на момент совершения преступления? Этот вопрос всегда ключевой. Я надеялся, что ответ на него появится, когда с Макгоуэном поговорит непосредственно Эндрю Консо- вой.

К тому времени я уже достаточно близко знал Консовоя, чтобы обращаться к нему на «ты», и проникся большим уважением к его уму и профессиональной этике. Он был всецело предан своему трудном делу - следить за тем, чтобы в заключении оставались только те, кто этого заслуживает. Эндрю сообщил мне, что на следующей неделе он и

другие члены комиссии собираются провести собственные беседы с Макгоуэном, и попросил моего совета в этой связи. Я сказал, что ему и его коллегам следовало бы буквально засыпать его вопросами, с тем чтобы он говорил постоянно. В конце концов наступит момент, когда тщательно скрываемая под внешним спокойствием ярость вырвется на поверхность. Я полагал, что такой подход скорее всего заставит Макгоуэна продемонстрировать свое истинное лицо, и члены комиссии приобретут более глубокое понимание его личности, соответствующее моим соображениям и рекомендациям.

Когда в 1982 году Уэйна Б. Уильямса судили по делу об убийствах детей в Атланте, помощник окружного прокурора Джек Маллард попросил меня проконсультировать его на случай перекрестного допроса обвиняемого. Прежде всего я заметил, что Уильямс скорее всего согласится на перекрестный допрос, поскольку я обнаружил в нем изрядную интеллектуальную претенциозность и представление о правоохранительной системе как о сборище неуклюжих комических персонажей немого кино. Он считал, что может контролировать ситуацию даже под перекрестным допросом в зале суда.

Я посоветовал Малларду держаться к Уильямсу поближе, то и дело нарушая его личное пространство, пройтись по материалам дела и фактам его биографии в стиле телешоу «Это твоя жизнь» и поддерживать напряжение градом вопросов до тех пор, пока обвиняемый не выйдет из равновесия и не позволит застать себя врасплох. Когда помощник прокурора получил возможность допросить обвиняемого, он повел себя именно таким образом. После нескольких часов жесткого перекрестного допроса Маллард наконец подошел к Уильямсу вплотную, положил ему руку на плечо и произнес, растягивая слова на южный манер: «Ну, и каково это было, Уэйн? Что ты почувствовал, сцепив пальцы на горле своей жертвы? Запаниковал, да? Запаниковал?» «Нет», - тихо ответил Уильямс. Азатем понял, что наделал, и впал в ярость. Повернувшись в сторону зала суда, где сидел я, он ткнул в мою сторону пальцем и заорал: «Вы изо всех сил стараетесь подогнать меня под этот фэбээровский психологический портрет, а я вам в этом не помощник!» И разразился тирадой про фэбээровских молодчиков и клоунов-прокуроров. Это стало переломным моментом судебного процесса. Так впоследствии говорили некоторые из вынесших обвинительный вердикт присяжных.

Я считал, что аналогичная тактика сработает и в случае Джозефа Макгоуэна на слушаниях в комиссии по УДО, обстановка которых напоминает судебный процесс.

Я уже упоминал о том, что в качестве консультанта по делу Макгоуэна преследовал двоякую цель. Во-первых, нужно было помочь комиссии по вопросам условно-досрочного освобождения штата Нью-Джерси в вынесении разумного и обоснованного решения. Во-вторых, я хотел почерпнуть максимум полезного для своей работы из того, что узнаю об образе мыслей данного конкретного убийцы. И меня очень интересовало, что же он будет говорить членам комиссии после многочасовой беседы со мной. Узнал я об этом не сразу, но после вынесения решения Консовой рассказал, как проходила эта встреча с заключенным трентонской тюрьмы.

Макгоуэна заслушивали с единственной главной целью - определить, «насколько существенна вероятность совершения апеллянтом нового преступления в случае его условно-досрочного освобождения».

Осужденный признался, что был не до конца откровенен в ходе многочисленных психологических обследований в прошлом. Он сообщил, что в 1970 году, за три года до убийства Джоан, у него был короткий роман с шестнадцатилетней ученицей. Девушка ничего никому не сказала, и Макгоуэна не наказали, хотя за романы с ученицами двое других учителей были уволены. На вопрос, почему мужчина рисковал своей карьерой, столь грубо нарушая школьный регламент, он ответил, что понимает, что тогда счел себя «выше этого».

Одна из учениц школы Таппан Зи в период работы там Макгоуэна рассказывала Розмари об одной неприятной встрече с ним. Хотя он не преподавал ее классу, ей потребовалась его подпись на какой-то официальной бумаге. Это было примерно за две недели до убийства Джоан. Побаиваясь Макгоуэна, девушка взяла с собой подругу. «Он посмотрел на меня так, будто собирается проглотить меня заживо!» - сказала она Розмари. Хотя в этом нет ничего определенного, но ясно одно: ученица ощутила исходящую от него угрозу.

Консовой сказал, что Макгоуэн сразу же произвел на него впечатление человека, считающего себя более умным, чем члены комиссии. В этом он был похож на Уэйна Уильямса, и это меня не удивило. Поразительным же для меня стало то, что, рассказывая о

подробностях убийства, Макгоуэн утверждал, что предложил Джоан пойти с ним в подвал из-за того, что у него не было при себе денег в подходящих купюрах.

Почему он вновь вернулся к этой версии, если, как мне казалось, мы полностью разрушили ее во время нашей беседы с ним? Но, поразмыслив, я понял, что это вполне вписывается в общую картину. Этот человек привык манипулировать фактами в собственных интересах. И, считая себя интеллектуально превосходящим бестолковых и политически ангажированных членов комиссии, осужденный счел возможным рассказывать им что угодно, лишь бы это соответствовало его утверждениям об убийстве в неожиданном припадке безумия. То, что он уже признался мне в своем желании убить Джоан сразу после ее появления на пороге дома, Макгоуэна ничуть не беспокоило.

Консовой прямо заявил ему, что не верит его версии убийства. Тот небрежно заметил, что, возможно, неполон и не совсем точен в своем изложении подробностей, не выказав никакой озабоченности в связи с сомнениями относительно правдивости рассказа.

Решив вернуться к этому вопросу позже, Консовой перешел к теме воспитания Макгоуэна. Он попросил его подробно рассказать о раннем детстве, подростковом возрасте и об отношениях с матерью и отцом.

Консовой вспомнил об одном эпизоде, отраженном в досье убийцы. Он рассказывал, что когда в младенческом его младший брат серьезно заболел, мать не пускала его к нему в палат/ и заставляла ждать в больничном коридоре. По-видимому, она думала, что зрелище находящегося при смерти братика будет слишком болезненным для юного Джо. Коснувшись этой темы, Консовой заметил волнение Макгоуэна и решил продолжать в том же духе.

В конечном итоге они подошли к момент/, которого я ожидал. В центре внимания был период времени между разрывом помолвки Макгоуэна и убийством. В это время коллеги по школе стали обращать внимание на перемены в его поведении. Как заметил один из них в беседе с членами комиссии, «он стал совсем странным».

Макгоуэн сказал, что к момент/ преступления он подумывал о самоубийстве, поскольку считал себя полным неудачником: «У меня нет подружки. У меня нет друзей. Я никуда не езжу. Ну, то есть вот

пасхальные каникулы, и большинство моих знакомых отправились путешествовать во Флориду, в Мексику, кто куда, а я сиднем сижу дома».

Далее он отметил, что не совершил самоубийства лишь «из-за собственного малодушия».

Из его рассказа: «Вот раздается звонок в дверь, там стоит эта бедная девочка, а в голове у меня проносится мысль: "Ну, себя-то убить ты не в состоянии. А эту убить сможешь?"»

Эндрю ответил на это, что не верит, будто Макгоуэн убил девочку из-за того, что его не взяли в путешествие.

«Тут осужденный начал запинаться и мямлить», - вспоминал Консовой. Он обратился к убийце: «Давайте-ка остановимся на этом поподробнее, поскольку я не могу этому поверить. Не могу понять. Ну ладно, даже если все отдыхают парами, а вы отдыхаете в одиночку, неужели это напрягло вас до такой степени? Что же все-таки произошло на самом деле?»

И тут все обнаружилось.

«Он рассказал мне всю историю со своей предполагаемой женитьбой», - рассказал Эндрю.

Джозеф познакомился с девушкой. Они полюбили друг друга и т. д. и т. п. Потом Макгоуэн привел ее к себе в дом и познакомил с матерью и бабушкой. После его мать сказала:

-Ты не женишься.

- Нет, я женюсь.

-Ладно, можешь жениться. Но тогда собирай свои вещи и проваливай отсюда прямо сейчас со своей невестой или кто она там. И никогда больше не приходи ко мне и не разговаривай со мной. Из завещания я тебя выкину. Никаких денег ты не получишь. Счастливо!

Короче, как выразился Консовой: «Или она, или я».

Это не невеста бросила Джо. Это он ее бросил!

Он не сказал, почему его мать отреагировала таким образом, просто рассказал, как все было. Джо распрощался с девушкой и остался при мамаше. Вдобавок к обиде на мать, высказать которую прямо был не в состоянии, Макгоуэн, наверное, чувствовал, что упустил свой последний шанс на реальное счастье.

Это был прорыв, и Консовой подумал: «Хорошо. Продолжим в этом направлении». Он сказал:

- Так, а теперь мы серьезно поговорим о вашей матери. Мне представляется, что все проблемы, которые мы здесь обсуждаем, так или иначе связаны с отношениями между вами и матерью. Это очень похоже на отношения любви-ненависти.

Макгоуэн замотал головой и ответил:

- Нет-нет, я никогда не относился к моей маме с ненавистью!

- Посмотрите правде в глаза. Все ваши трудности, все, что у вас не сложилось, каким-то образом связано с вашей матерью. Отец умер рано, младший брат...

Тут Эндрю посмотрел на осужденного и спросил, как давно он занимается с психотерапевтами.

- О, уже двадцать лет.

-А о чем вы разговариваете на сеансах психотерапии?

Макгоуэн сказал, что обсуждает причины своего поступка, что усвоил урок, что знает, почему не совершит ничего подобного впредь *и* как избегать таких вещей. На что Консовой поинтересовался:

-А о своей матери вы когда-нибудь говорили?

Эндрю вспоминает: «И вот тут-то он завелся - прямо с полоборота. В жизни этого не забуду. Он посмотрел на меня с каменным лицом - это был уже вовсе не "учтивый Джозеф Макгоуэн" - и отрезал: "Моя мама не обсуждается!" Как бы с угрозой, как будто встанет и уйдет, если я продолжу эту тему. "Мама не обсуждается!" Я сказал: "Минуточку! Вы утверждаете, что у вас все получилось, что вы полностью исправились и осознаете тяжесть совершенного вами преступления. А ведь это было очень тяжкое преступление, и степень понимания должна быть высокой. Вы рассказываете мне, что раскаиваетесь в том, что изнасиловали и убили маленькую девочку, засунули ее труп в мусорный мешок и вывезли за пределы штата, и при этом отказываетесь говорить о своей матери?". "Сказал же - мама не обсуждается", - ответил убийца».

Но Консовой настойчиво продолжал, и в конце концов Макгоуэн признал, что его «невыносимое ощущение сексуальной неполноценности» может быть связано с матерью.

«Я сказал:

-Давайте вернемся к ультиматуму вашей матери. Вы сильно разозлились?

-Да, я очень разозлился.

- И продолжали злиться?

-Да, злился целых две недели. Был вне себя от злости.

- Но виду не подавали, поскольку боялись матери?

- Да, так, - сказал он. К этому моменту Макгоуэн был уже вне себя, ведь обнаружились все его уязвимые места».

Наши исследования показывают наличие тесной взаимосвязи между деспотичными матерями и сыновьями, вырастающими в маньяков. Наличие властной матери является существенным фактором превращения человека в преступника, хотя в подавляющем большинстве случаев этого и не происходит. ФБР охотно согласилось сотрудничать с продюсерами фильма «Молчание ягнят» и даже разрешило снять несколько сцен непосредственно в академии в Куантико. Хотя из персонажей фильма наибольшую известность получил Ганнибал Лектер, сюжет вращается вокруг преступления Джеймса Гамба по прозвищу Буффало Билл, роль которого блестяще исполнил Тед Левайн. Билл является собирательным образом трех реальных серийных убийц: Эда Гина, Теда Банди и Гэри Хейдника, каждого из которых мы очень тщательно изучали в Куантико.

У меня сложились хорошие отношения с режиссером фильма Джонатаном Демми, и он попросил меня проконсультировать Теда и объяснить ему, как может мыслить преступник вроде Джейма Гамба. Как я сказал комиссии по вопросам УДО штата Нью-Джерси, я в первую очередь руководствуюсь тем, что для понимания личности художника нужно ознакомиться с его творчеством. Точно так же и с маньяками - чтобы понимать их, надо понимать их «творчество», поскольку именно так они и воспринимают свои деяния. Все остальное их не слишком интересует: обычная жизнь скучна и однообразна.

В случае Билла речь действительно шла о своего рода «творчестве», потому что он создавал нечто материальное: женские наряды из настоящей кожи. Я сказал Теду и Джонатану что, с моей точки зрения, это указывает на мать Билла как на источник его психопатологии, подобно тому, как было в случае Эда Гина. Овладевая кожей женщины, он мысленно воссоздавал в себе самом власть, которую имела над ним его мать. Билл должен был исходить из того, что жизнь к нему несправедлива, а раз так, то можно делать с другими что угодно.

Хотя Макгоуэн и не рассуждал буквально также, его ярость была не менее реальной.

Совершив прорыв в теме матери Макгоуэна, Консовой сказал:

- А теперь вернемся к рассказу об убийстве. Давайте скажем честно: умереть было суждено любому, кто оказался бы у той двери.

- Это так, - ответил Макгоуэн.

- Вообще неважно, кто?

- Вообще нет, если только не вооруженный полицейский.

- Ну, с вашей стороны это разумное соображение. Так вы точно уверены?

-Нуда.

- И все же, вот перед вами эта маленькая девочка, которую вы решили убить. Но ее же нужно затащить внутрь дома. Она живет в вашем же квартале, вы же не будете гоняться за ней по участку, верно? И что вам делать?

И он снова смерил Эндрю ледяным взглядом и сказал:

- Похоже, вы забываете, что я учитель и умею руководить детьми, особенно такого возраста. Просто голосом.

- Покажите, как.

- Джоан, тебе нужно зайти в дом.

Или что-то в этом духе, таким учительским тоном. А что такое учительский тон, знает любой, кто учился в школе. И она зашла.

- И через какое время после этого она была мертва? - спросил Консовой.

- Все было очень быстро.

- То есть к тому момент/ вы уже все решили?

-Да.

-А что это за ерунда про мелкие деньги? О них ведь и речи не было.

- Да нет, конечно, - сказал Макгоуэн.

- Все остальное лишь детали?

-Да.

Эндрю продолжал рассказывать о встрече: «История, которую убийца рассказывал на протяжении четверти века до тех пор, пока с ним не побеседовал ты, развалилась на куски. Равно как и все остальное, о чем преступник говорил, и это сильно облегчило нам нашу работ/». «Ладно, а как быть с изнасилованием?» - спросил я.

«Макгоуэн сказал, что изнасилование произошло чисто случайно, только потому, что это была семилетняя девочка. Насиловать мужчину в аналогичной ситуации осужденный не стал бы, дело было не в этом. Изнасилование было не более чем еще одним проявлением его ярости. Девочка умерла ровно в тот момент, когда он открыл ей дверь. Макгоуэн был в такой ярости, будто на него обрушился весь его мир, все, что с ним происходило всю его жизнь. Действительно, многие ли мужчины в его возрасте не женятся из-за своей матери? Он же был уже не мальчик. Что-то вывело его из себя. Думаю, что дело было и в путешествии, в которое его не взяли. Макгоуэн был совершенно один. Вел себя странно. Путешествие лишний раз указало ему на то, что он неудачник и, возможно, трус, поскольку не может противостоять своей чертовой мамаше, прости господи.

И тогда мы просто перешли к более прозаическим деталям его преступления. Для протокола мне требовалось прояснить все детали, например, как убийца прятал труп. Судя по тому, как он избавлялся от тела, Макгоуэн явно рассчитывал остаться безнаказанным. А что касается всего остального, вроде признания, то полицейские отчеты говорили сами за себя».

Сойди Макгоуэну с рук убийство Джоан, дошел бы он до убийства своей матери, как Эд Кемпер? Вероятно, нет. Мать и ее отношение к нему не были для Макгоуэна источником настолько же всепоглощающего эмоционального вымещения, каку Кемпера, и он, очевидно, испытывал к ней гораздо более противоречивые чувства. Но его реакция на направляющие вопросы, которые задавал Консовой, свидетельствует о том, что обида и злость на нее никуда не исчезли.

Осужденного заслушивали большую часть дня, после чего члены комиссии собрались для обмена мнениями.

6 ноября 1998 года комиссия штата Нью-Джерси по вопросам условно-досрочного освобождения вынесла официальное решение об отказе в удовлетворении ходатайства Джозефа Макгоуэна.

В поясняющей части решения было приведено несколько факторов. Во-первых, жестокость преступления как такового. Во-вторых, комиссия сочла «крайне обескураживающим» отсутствие у Макгоуэна глубокого понимания причин, заставивших его совершить убийство. По мнению комиссии, осужденный не достиг серьезного прогресса в осознании проблем, повлекших за собой преступление.

Это в основном объяснялось его недостаточной открытостью и честностью в общении с психиатрами, психологами, психотерапевтами и представителями власти на протяжении всех долгих лет его тюремного заключения. Комиссия особо отметила, что из множества часов психотерапевтических сеансов Макгоуэна всего четыре были посвящены его злости на мать. А она, как указала комиссия, была одним из «первичных мотивирующих факторов совершения убийства».

Однако ключевое значение имело сложившееся у комиссии мнение о том, что психическое и эмоциональное состояния Макгоуэна «незначительно отличаются от прошлых лет, и налицо существенная вероятность совершения им еще одного преступления в случае условно-досрочного освобождения».

Еще одним вопросом, требующим решения, был срок, после которого у Макгоуэна появится право на следующее ходатайство об УДО. В рамках обычной практики он был передан на рассмотрение комитета из трех членов комиссии.

7 января 1999 года этот комитет установил осужденному тридцатилетний срок, по истечении которого он может в будущем ходатайствовать об УДО. На практике этот срок был несколько меньше, поскольку отсчет трех десятилетий должен был начинаться с 1993 года, когда апелляционный суд обязал комиссию по вопросам УДО пересмотреть ее первоначальное решение. Вдобавок к этому, как и другие имеющие право ходатайствовать об УДО заключенные, Джозеф мог получать зачеты за добросовестный труд и хорошее поведение. Но самым важным было то, что в качестве страховки от ошибки системы преступники категории Макгоуэна имеют законное право на ежегодное слушание по пересмотру решения, в ходе которого комиссия может назначить новое обследование, если сочтет, что ситуация изменилась.

Все это может показаться бюрократическими дебрями, но именно так устроена процедура, результатом которой является либо свобода, либо дальнейшее отбывание тюремного срока. А если брать шире, то именно таким образом определяется, будет ли общество подвергаться риску со стороны лиц, продемонстрировавших в прошлом склонность к насилию.

Макгоуэн оспорил решение о сроке возникновения права на следующее ходатайство об УДО, потребовав заседания комиссии в полном составе. 2 августа 1999 года она подтвердила правомерность вынесенного комитетом решения.

После этого ос\окденный обратился с частной жалобой в апелляционную палату верховного суда штата Нью- Джерси. В ней его адвокат утверждал, что Макгоуэн вот уже почти тридцать лет является образцовым заключенным, нет никаких веских оснований полагать, что на свободе он совершит рецидив, и, следовательно, комиссия вынесла необоснованное и произвольное решение. Заявление потерпевшей стороны Розмари делала из гостиной своего дома, поскольку страдала от тяжелого обострения своего хронического заболевания.

15 февраля 2002 года суд вынес постановление в пользу комиссии. В нем, в частности, было сказано: «Решение о возникновении права на следующее ходатайство об УДО через тридцать лет принято комиссией в рамках ее компетенции и основано на существенной доказательной базе».

9. Наследие Джоан

Наша задача была решена: в обозримом будущем Джозеф Макгоуэн должен был оставаться за решеткой. А в 2009 году, когда новые члены комиссии вновь установили для него тридцатилетний срок возникновения права на ходатайство об УДО, он даже не стал оспаривать это решение в апелляционной инстанции. Таким образом, в следующий раз преступник сможет подать ходатайство об УДО в августе 2025 года и с очень большой вероятностью проведет остаток своей жизни в тюрьме.

В ходе общественной кампании под руководством Розмари комиссия по вопросам УДО получила петицию за 80 000 подписями и 300 писем. Узнав по телефону о решении комиссии, Розмари накинула на плечи зеленое пончо Джоан - то самое, в котором она ходила продавать благотворительное печенье со своей сестрой.

«Он уже никогда не выйдет на свободу, а это значит, что нам не придется бороться за это раз в несколько лет. И это значит, что для Джоан восторжествовала справедливость», - сказала Розмари. Но это

не стало сигналом к окончанию работы по достижению цели, которую она перед собой поставила.

В 1998 году, четверть века спустя после гибели Джоан и одновременно с новым слушанием дела по пересмотру решения комиссии, Розмари официально зарегистрировала общественную организацию «Мемориальный фонд Джоан Анджелы Д'Алессандро». Ее целями являлись и по сей день являются содействие безопасности и защите детей, отстаивание прав жертв и помощь бездомным и беспризорным несовершеннолетним. Управлять организацией ей помогают сыновья: Майкл и Джон.

В рамках программы фонда «Развлечения, образование и безопасность» волонтеры помогали обездоленным в Общественном центре отца Инглиша в Патерсоне и Пассаике, ЦКН (Центре консультирования несовершеннолетних) в Хэкенсэкке, фонду «Ласточки надежды» в Пайнбуш, штат Нью-Йорк, и Центру ремесел в Хиллсдэйле. Благодаря этой программе дети и подростки из социально незащищенных семей ежегодно, начиная с 2001 года, получают возможность совершать развлекательные и познавательные экскурсии в Нью-Йорк, Вашингтон, тематический парк Грейт Эдвенчер и Джерси-шор, а также помогают жертвам и агитируют за принятие законодательных мер. Действие программы распространяется на отделение организации «Ковенант-хаус» в городе Элизабет, которая помогает молодым людям в возрасте от 18 лет до 21 года приобретать стабильные профессии. Начиная с 2016 года фонд предлагает местным школам программу обучения основам безопасности детей, в рамках которой учителей и родителей учат замечать и предупреждать случаи жестокого обращения с детьми.

В числе недавних достижений фонда было участие в борьбе за принятие поправок к Закону Джоан, повышающих до восемнадцати лет возраст жертв сексуальных преступлений со смертельным исходом, за которые предусмотрено пожизненное заключение без права на УДО. Одна из преподавательниц юридического факультета Нью- Йоркского университета Сент-Джонс использовала видеоинтервью с Розмари в качестве учебного пособия по эффективной правозащитной деятельности.

В плане гражданского права Розмари предложила законопроект о правосудии для жертв, за который законодательное собрание штата

проголосовало 17 ноября 2000 года. Силу закона он приобрел после торжественного подписания в городской ратуше Хиллсдэйла. Розмари не смогла присутствовать на нем по болезни, и ее представляли Майкл и Джон. Новый закон устранил существовавшие ранее ограничения по возмещению ущерба родственникам погибших в результате насильственных преступлений. Потерпевшие получили возможность претендовать в судебном порядке на наследства или любые другие активы, полученные осужденными в любое время после совершения преступления.

На следующий год Розмари подала иск к Макгоуэну и отсудила у него 750 000 долларов. Он не стал оспаривать это решение, хотя к тому моменту практически все средства, полученные им в наследство от матери и бабушки, были либо переданы родственникам, либо ушли на оплату услуг адвокатов. Теперь он обязан ежемесячно перечислять Розмари часть заработанных в заключении средств. Это примерно 14 долларов, и все эти деньги уходят в фонд имени Джоан. К сожалению, я не заметил в осужденном ни раскаяния в связи с гибелью Джоан, ни какого-либо сочувствия к Розмари. По всей видимости, его заботит лишь то, что ему ежемесячно напоминают о невозможности потратить эти 14 долларов в тюремном ларьке. А по-настоящему убийцу волнует то, что он попался и теперь должен отвечать.

Борьба Розмари за справедливость стала привлекать внимание в масштабах всей страны. В 2004 году управление по работе с жертвами преступности министерства юстиции наградило ее почетной грамотой за выдающееся мужество и героизм. Она была слишком слаба, чтобы поехать в Вашингтон, и министр Джон Эшкрофт вручил награду представлявшему ее Джону.

Розмари, по-прежнему озабоченная тем, что случившееся с Джоан может произойти и с другими детьми, упорно продолжала привлекать общественное внимание к проблемам безопасности детей. Она не оставляла усилий по доведению своих опасений до сведения руководства организации герлскаутов и в октябре 2014 года встретилась с его представителями. В числе прочего женщина обратилась с просьбой не направлять девочек по домам торговать печеньем или чем-либо еще. Розмари привела статистику министерства юстиции, согласно которой четырнадцатилетние девочки являются одной из наиболее уязвимых категорий лиц в сексуальных

преступлениях. Мы с Марком уже очень давно выступали за полный запрет этой практики подомовой торговли.

В то же время я не чувствовал, что моя работа закончена. Все, что я почерпнул из общения с Джозефом Макгоуэном и ему подобными, должно было постоянно приносить пользу людям.

Такая возможность предоставилась, в частности, 7 сентября 2013 года. Тогда «Мемориальный фонд памяти Джоан Анджелы Д'Алессандро» организовал мероприятие памяти погибшей девочки, которой в этот день исполнилось бы 48 лет, в городке в окрестностях Хиллсдэйла. Это был званый обед с балом и сбором пожертвований, на котором меня попросили выступить с приветственной речью. Мы с Марком и его супругой Кэролайн постарались познакомиться и поговорить со всеми, кто знал Джоан и имел отношение к ее истории.

Торжество прошло великолепно. Майкл выступал в роли хозяина и ведущего, а Джон был видеооператором. Мы с волнением и радостью воочию убедились в том, какой любовью и уважением пользуется Розмари и созданное ей в 1993 году общественное движение. Все присутствовавшие на мероприятии носили зеленые браслеты и ленточки в память о Джоан.

Большую часть следующего дня мы провели дома у Розмари вместе с ней, Джоном и Майклом. Из окон гостиной, где мы общались с миссис Д'Алессандро, можно было увидеть дальний конец Флоренс-стрит и дом, в котором была зверски убита ее дочь. Сама Розмари устала от организационных хлопот и праздничного мероприятия (продолжительные усилия не проходят даром для больных тяжелой миастенией), но хотела поговорить с нами и вновь пережить всю историю случивше- гося.

Она показала нам комнат/ дочери и достала из шкафа ее заботливо хранимую герлскаутскую форму. Миниатюрные домашние тапочки Джоан хранились в коридоре у кухонной двери. Не прослезиться при виде всего этого было невозможно. Казалось, будто нам показывают священные реликвии. На стене гостиной мы увидели обрамленные копии актов о вступлении в силу законов Джоан в штате Нью-Джерси, штате Нью-Йорк и на территории всей страны, подписанные Кристиной Тодд Уитмен, Джорджем Патаки и Биллом Клинтоном соответственно. Затем мы прошли путем, который Джоан проделала к

дому Макгоуэнов. Увидев, насколько близко находятся эти дома друг от друга на самом деле, мы пришли в оторопь.

В свое время я поражался тому, что родственники убитых детей, в первую очередь их родители, обычно хотят знать подробности содеянного с их ребенком. Как и большинство моих коллег-полицейских, я очень старался скрывать от них ужасающие детали преступлений. Но в большинстве случаев они хотели их узнать, как будто стремясь разделить и принять на себя страдания своих детей. Я помню, как Кэти Соуза упросила похоронное бюро разрешить ей посмотреть на обнаженное тело ее восьмилетней Дестини, забитой насмерть дружком ее тети, чтобы навсегда сохранить в памяти каждое нанесенное дочурке увечье. Я помню рассказ Джека и Труди Коллинз о том, как они рассматривали тело своей двадцатилетней дочери Сьюзен, которую убийца изуродовал так, что ее отпевали в закрытом гробу. И я помню, что несколько лет спустя они запросили у Марка все подробности полицейских и медицинских протоколов, чтобы иметь возможность разделить с дочерью ее страдания. Более того, на стоматологических процедурах глубоко религиозный Джек обычно отказывался от анестезии и просил Господа, чтобы тот задним числом в соответствующей мере облегчил страдания Сьюзен.

Также было и с Розмари. Она хотела, чтобы мы рассказали ей о страданиях Джоан все, что узнали из дела. Дополнительные подробности должны были укрепить и без того тесную духовную связь матери с ее покойной дочерью.

Ее особенно интересовало, сопротивлялась ли Джоан Макгоуэну. Мы рассказали, что из отчета д-ра Зугибе и из рассказов Макгоуэна Энди и мне следует, что, осознав происходящее, Джоан оказала яростное сопротивление, хотя была и неспособна справиться со взрослым мужчиной ростом под метр девяносто.

Такая мужественная борьба дочери за свою жизнь на самом деле не удивила Розмари. Джоан никогда не боялась постоять за себя или за других: «Лет пятнадцать назад мне позвонила одна из ее одноклассниц. Мы говорили с ней впервые после смерти Джоан, теперь это была взрослая молодая женщина. Она рассказала, что Джоан всегда брала ее в свою группу на детской площадке, если видела, что ей не играется в одиночку. Она заставляла ее чувствовать себя среди своих».

«Нет таких слов, чтобы описать, насколько дочь меня вдохновляет. Именно поэтому я и вступила в борьбу за правосудие для Джоан и безопасность других детей. Этого не достичь, сохраняя молчание. Этого не достичь, если думать, что этим займется кто-то иной. Это твоя собственная обязанность», - сказала Розмари.

19 апреля 2013 года в Парке ветеранов состоялась еще одна вахта памяти, на этот раз приуроченная к сороковой годовщине со дня гибели Джоан. На ней было объявлено о планах создать памятник и сквер, которые будут напоминать о Джоан будущим поколениям.

3 апреля 2014 года, в годовщину подписания первого закона Джоан, неподалеку от городского вокзала Хилл- сдэйла были торжественно открыты монумент и сквер памяти Джоан. Проект финансировало общественное движение «Радость Джоан» при участии многих местных компаний. На ведущей к скульптуре мощеной дорожке стоит уникальная парковая скамейка любимого цвета Джоан - зеленого. В центре спинки скамейки изображена белая бабочка в обрамлении оранжевых цветов, скопированная с детских рисунков Джоан.

Глава округа Кэтлин Э. Донован сказала о Розмари: «Она превратила свое горе в нечто, ставшее для нас путеводной звездой и блестящим примером».

На стороне монумента, обращенной к улице, изображены белая бабочка и надпись: «Помните о Джоан ради безопасности детей будущих поколений». На части монумента со стороны вокзала, которую видят все прибывающие в город, помещены западающее в душу фото Джоан в ее герлскаутской форме и рассказ о ней. Вокруг памятника разбит красивый живописный сквер, в котором 19 апреля 2018 года начал работать фонтан под названием «Безопасность детям - навечно». Непрерывные струи воды символизируют непреходящую значимость этой проблемы.

Краткий рассказ о том, как олицетворением Джоан стала белая бабочка, высечен в камне на обращенной к вокзалу стороне монумента. В один из прохладных дней апреля 2006 года мать посещала место обнаружения тела дочери в лесопарке Хэрримен. Над расщелиной скалы, в которой нашли труп девочки, она заметила порхающую белую бабочку. Розмари, всегда придававшая огромное духовное значение фактам гибели Джоан в Пасхальный четверг и

обнаружения ее тела в Пасхальное воскресенье, восприняла это прекрасное явление как знак того, что душа ее дочери счастлива. Со временем ее рассказы об этой истории привели к тому, что бабочка превратилась в символ неистощимой энергии и духовности Джоан.

«Всеми собравшимися здесь сегодня движет чувство социальной справедливости. При виде этого памятника что-то произойдет в душе каждого из вас, и я надеюсь, что вы поделитесь этим с теми, кого здесь нет», - сказала Розмари на церемонии открытия.

Несмотря на печальное событие, вдохновившее людей на создание этого места, Розмари хочет, чтобы «оно было не местом скорби, но местом радости, покоя, просвещения, понимания необходимости обеспечения безопасности детей и, не в последнюю очередь, местом надежды для общества». Помимо прочего, следуя своей миссии, фонд ежегодно устраивает здесь фестиваль со сбором пожертвований на обеспечение детской безопасности.

Читая высеченные в камне слова, я вспомнил о небольшой детали нашего с Марком и Кэролайн визита к Розмари.

Разговор был закончен, и Розмари с Майклом и Джоном угощали нас ланчем на веранде, выходящей на задний двор дома. Неожиданно откуда ни возьмись вокруг нас запорхала белоснежная бабочка.

Все мы восхитились такому «совпадению».

«Вот видите, она с нами», - сказала Розмари.

И даже по прошествии стольких лет влияние Джоан ощущается, причем не только на уровне государственной политики, но и на личном. Не так давно один мужчина средних лет рассказывал Розмари о том, как он любил находиться рядом с Джоан и играть с ней.

Он вспоминал, что, когда он и его приятели начинали ссориться между собой, Джоан останавливала их приказом: «Ну, хватит! Давайте играть! Давайте делать что-нибудь!» И этого оказывалось достаточно.

Эти слова чудесной семилетней девочки отдаются эхом в сознании Розмари: «Ну, хватит! Давайте играть! Давайте ДЕЛАТЬ что-нибудь!»

И именно по этой причине я продолжаю делать свое дело.

Часть II

«Убийство было для меня делом вполне естественным»

10. В семейном кругу

В реальной действительности маньяков «блестящего ума и обаяния», подобных Ганнибалу Лектеру просто не существует, а те, кто утверждают обратное, на самом деле никогда в жизни их не встречали. Начиная свои беседы с убийцами, я был исполнен решимости увидеть этих парней (женщины среди них - большая редкость) и показать их обществу без каких-либо прикрас. Так же было и в случае интервью, которое я брал у заключенного по имени Джозеф Кондро по просьбе создателей документального телефильма.

Со мной связался один из продюсеров телеканала MSNBC. Заинтересовавшись нашей работой в области психологического портретирования, он понял, что один из элементов этой работы, а именно беседу с убийцей с глазу на глаз, можно превратить в захватывающее телевизионное зрелище. Хоть мне и претила бесконечная череда так называемых реалити-шоу с их сфабрикованными приключениями, фальшивыми чувствами, звездами на час и, самое главное, явно уничижительным отношением к обычным людям, я согласился. Ведь беседы тет-а-тет с людьми, которые с превеликим удовольствием прикончили бы меня, действительно были одним из ярчайших впечатлений моей жизни.

Скажем честно: интерес к «настоящим преступникам» на самом деле представляет собой интерес к тому, что писатели и философы называют уделом человеческим. Всем хочется знать и понимать, что лежит в основе поведения и мотивов человека, почему он поступает именно так, а не как-то иначе. А в случае преступления удел человеческий прописан очень четко и заглавными буквами, причем как для преступника, так и для его жертвы. И телеаудитории, по сути, было нужно то же, что и мне: как можно более глубокое знание и понимание преступного образа мыслей. Я был совершенно убежден в том, что широким массам зрителей полезно увидеть, что на самом деле представляет собой олицетворение зла. Если получится найти удачных интервьюируемых, мои цели не будут противоречить целям телевизионщиков.

Центральным элементом каждой из передач серии должно было стать тюремное интервью с убийцей. Наряду с этим должны были использоваться документальные материалы о преступлении: фотографии, фрагменты новостных телепрограмм, газетные статьи и

тому подобное - и записи бесед с потерпевшими, следователями, прокурорами и другими людьми, имевшими отношение к делу. Все это напоминало настоящее расследование. Я согласился участвовать при условии, что получу право контроля над законченным материалом. Я не возражал против использования возрастающего интереса к преступному миру в просветительских целях, но был категорически против дешевой сенсационности или героизации личностей преступников.

Главной проблемой в реализации этой задумки было то, что побеседовать с сидящим в тюрьме серийным убийцей стало намного более сложным делом. Времена, когда для этого нам с Бобом Ресслером было достаточно просто явиться в исправительное учреждение и показать свои удостоверения, давно миновали. Даже если беседа проводится исключительно в интересах правоохранительной работы, требуется не только сознательное согласие заключенного. Необходимость соблюдения многочисленных норм и требований безопасности, уголовного процесса и пенитенциарной системы очень затрудняет получение разрешения на беседу с опасным преступником.

В ФБР я уже не работал и обязать заключенного поговорить со мной не мог. Поэтому мы пошли по всей процедуре, начиная с писем к тюремному начальству с просьбами о сотрудничестве. Мы понимали, что такая просьба может показаться трудновыполнимой. Дело в том, что по понятным причинам тюремная жизнь подчинена строгому распорядку и жестко регламентируется. Время утреннего подъема, приема пищи и вечернего отбоя одинаково для всех, а продолжительное интервью с одним из заключенных будет нарушением установленного порядка.

В качестве собеседника мне был нужен жестокий маньяк, и при этом я искал кого-то с преступным почерком, отличающимся от уже известных мне по прошлым тюремным встречам. Я всегда ищу новую информацию, которая может углубить наше понимание образа мыслей преступников. Именно в процессе поиска желающих побеседовать я и наткнулся на Джозефа Кондро.

Ты никогда не знаешь наверняка, почему тот или иной осужденный за насильственное преступление соглашается с тобой говорить. Некоторым просто скучно. Некоторые, как, например,

Джозеф Макгоуэн, полагают, что ты поможешь им выйти на свободу. Проблеск надежды всегда существует даже для тех, кто сидит пожизненно без права ходатайства об УДО. Некоторые думают, что сотрудничеством с федеральным агентом или бывшим федеральным агентом вроде меня заслужат лучшее отношение или уважение со стороны тюремной администрации. Другим нравится идея заново пережить свои преступления и дополнительно укрепить таким образом свой статус. А есть и те, кто подходят к такой беседе с позиций самоанализа и хотят получить еще одно толкование своего преступления. Некоторые преступники уже поняли, почему поступали именно так, и теперь им интересно, смогу ли я разобраться в их мотивах.

Мы узнали, что в прошлом Кондро уже отклонил целый ряд просьб об интервью, и я подозревал, что это может быть как-то связано с его преступлениями, которые пока не раскрыты. Остаток своей жизни он так или иначе должен был провести в тюрьме, однако этот отрезок времени мог существенно сократиться, если бы его уличили в преступлениях, за которые предусмотрена смертная казнь.

Похоже, что побеседовать со мной он согласился после того, как ему рассказали, кто я и чем занимаюсь, и постарались «внедрить» мысль о том, что его откровения помогут правоохранительным органам в поимке маньяков подобного рода. Лично я не уверен, что ему было настолько интересно узнать себя поглубже или принести пользу в разоблачении себе подобных. Скорее всего, соглашаясь на интервью, осужденный хотел немного подправить представление о себе - ведь ни тюремная администрация, ни другие заключенные не слишком любят детоубийц.

Поскольку наша беседа не была официальной, тюремного досье на Кондро я не получил. Но зато я получил многотомный следственный материал, и в моем распоряжении было все, что писалось в СМИ, и к моменту своего отбытия в штат Вашингтон я уже был полностью в курсе дела.

Джозеф Роберт Кондро отбывал 55-летний срок в тюрьме штата Вашингтон в Валла-Валла. Смертного приговора этот выходец из рабочей среды избежал, заключив сделку со следствием по делу об изнасиловании и убийстве двенадцатилетней девочки в 1996 году и

взяв на себя убийство восьмилетней девочки, остававшееся нераскрытым с 1985 года.

Что общего было у этих жертв, кроме их юного возраста? Кондро дружил с родителями обеих девочек. И это, на мой взгляд, представляло отдельный интерес. За многие годы работы я привык и к чудовищным деталям преступлений, и к еще более пугающим особенностям мышления совершивших их персонажей. *Но кем же нужно быть, чтобы насиловать и убивать бетей тех, кто считает тебя своим другом?* О *чем можно думать, замышляя и совершая подобное?* Вот это мне и предстояло выяснить.

Помимо прочего, Кондро был основным подозреваемым по делу об удушении восьмилетней Чайлы Слвернэй- лз в 1982 году. Последний раз ее видели направляющейся к остановке школьного автобуса. На следующий день обнаженный труп девочки со следом удавки на шее нашли у ручья неподалеку от городка Калама в штате Вашингтон. Установить личность преступника не удалось. Кондро был любовником матери Чайлы.

В одной из газет Сиэтла я обнаружил статью о Кондро, в которой тот утверждал, что в заключении вернулся к верованиям своих индейских предков. Согласно им, человек должен при жизни покаяться в своих злодеяниях и постараться искупить вину за них, иначе в загробном мире он будет обречен на муки. Я не знал, насколько можно было этому верить, хотя иногда в тюрьме преступники действительно переживают духовное пробуждение. Но в любом случае собирался спросить Кондро о причинах, побудивших его согласиться на интервью. В то же время мне нужно было выяснить о Джозефе и его преступлениях максимум возможного. Несмотря на то, что интервью предназначалось для телепередачи, проводить его я собирался точно также, как вел беседы в рамках криминологических исследований: с тщательной подготовкой на основе огромного количества научного и фактического материала. Я собирался разговаривать с убийцей, а значит, должен был быть готов к любому повороту беседы.

Джозеф Кондро родился 19 мая 1959 года в Маркетте, штат Мичиган. Он был седьмым ребенком индианки из племени чиппева. Мать отказалась от младенца сразу после родов, и его усыновили белые супруги Джон и Элинор Кондро из Айрон-Ривер, штат Мичиган. Позже они переехали в Касл-Рок, штат Вашингтон, где Джон работал

на алюминиевом заводе компании Reynolds Metals. Впоследствии Кондро рассказывал, что родители сочли его усыновление ошибкой.

Он был трудновоспитуемым ребенком, любил носить при себе нож и болтался по окрестностям с группой подростков, истязая и убивая попадавшихся на пути мелких животных. Наряду с пироманией и энурезом в позднем возрасте живодерство является одним из предикторов насильственных преступлений, причем самым серьезным из трех.

Супруги Кондро пытались воспитывать сына в характерной для среднего класса строгости, но он то и дело попадал в неприятные истории. Отец несколько раз вытаскивал его из тюрьмы под залог и оплатил два курса стационарного лечения от наркозависимости.

Уже в подростковом возрасте Джозеф сексуально домогался девочек в школе и по соседству Мне показалось важным, что возраст объектов его приставаний оставался практически неизменным. В эти годы против Кондро не раз выдвигали обвинения в домогательствах, но к ответственности в большинстве случаев не привлекали.

Буквально накануне дня рождения Джозефа, ранним вечером 15 мая 1985 года, восьмилетняя Рима Дэнетт Трэкслер из города Лонгвью, штат Вашингтон, возвращалась домой из школы. Примерно за два квартала до своего дома она остановилась, чтобы показать соседской девочке сделанный в школе рисунок. Дружелюбная третьеклассница Рима была красивой голубоглазой светловолосой девочкой ростом метр тридцать и весом около двадцати килограммов. Она была одета в розовую блузку, бежевую клетчатую юбку, белые колготки, темно-коричневые туфли и пальто с поясом. Я описываю ее внешний вид так подробно, поскольку это был последний раз, когда ее видели живой или мертвой.

Заволновавшись по поводу отсутствия дочери, мать Римы, Дэнелл Кинн, прошла до школы и обратно ее обычным маршрутом, но ничего не заметила. Вернувшись домой, она позвонила Джозефу Кондро, однокласснику своего супруга, отчима Римы, Расти Трэкслера и близкому другу семьи. Много лет спустя Дэнелл вспоминала, что утром того дня Джозеф и Расти сидели на крылечке, попивали пиво и посмеивались над Римой, усердно подстригавшей лужайку перед домом.

После звонка Дэнелл Кондро зашел к ней и даже предложил воспользоваться его сотовым телефоном, чтобы вызвать полицию. Как и в случае с Джоан Д'Алессандро, полиция и общественность сразу же организовали активные поиски пропавшей девочки. Однако она исчезла бесследно.

Незадолго до исчезновения Римы неподалеку видели Кондро, ехавшего в магазин за пивом и сигаретами. Он был допрошен полицией, но зацепок, позволяющих как-то связать Джозефа с пропажей девочки, не обнаружилось. Преступление осталось нераскрытым.

Шли годы, Кондро оставался на свободе.

Десятилетие спустя, 21 ноября 1996 года, двенадцатилетние Кара Патриция Радд и Йоланда Джин Паттерсон решили прогулять школу. Это также происходило в Лонгвью. На тот момент Кара и Йоланда жили под одной крышей в доме Дженет Лэпрей, мамы Кары, и ее сожителя и жениха Ларри «Батча» Холдена. Ларри был опекуном своей племянницы Кары и ее брата Николаса. А примерно за месяц до описываемых событий в доме появился еще один жилец - Джозеф Кондро.

Кондро дружил с матерью Кары и часто гостил в семье. К тому времени у него уже было шестеро детей от трех разных женщин, ни одной из которых он не помогал материально на регулярной основе. Временно оставшийся без подружки, Джозеф возобновил контакты с Ларри и Дженет и периодически жил у них. Причем это случалось настолько регулярно, что Кара называла его «дядя Джо». Тем не менее последний по времени визит неожиданно закончился тем, что Дженет и Ларри, уставшие от пьянства и наркомании Кондро, вышвырнули его из своего дома. Впоследствии Дженет рассказывала, что в отсутствие Ларри Джозеф обычно навещал ее.

В то утро Ларри привез обеих девочек в школу к 7.15 утра. Примерно в 7.30 у тротуара школьного паркинга притормозила машина Кондро - золотистый Pontiac Firebird 1982 года выпуска. Как рассказывала Йоланда, заметив автомобиль, девочки подошли к нему. Сама она наклонилась к окну со стороны водителя, а Кара села в машину на пассажирское сиденье. Затем Кондро поднял стекло со своей стороны, судя по всему, чтобы поговорить с Карой наедине. Вскоре после этого Кара вышла и сказала Йоланде, что попросила Джо

свозить ее на близлежащую свиноферму поиграть с поросятами. Она предложила Йоланде отправиться туда вместе, но та отказалась, опасаясь проблем с Ларри или мамой Кары, и сказала, что возвращается в школу. В этот момент машина Джозефа отъехала от школы. Последний раз Йоланда видела Кару уходящей на восток по Хемлок-стрит, по всей видимости, для встречи с Кондро. Сама же Йоланда вернулась в школьное здание.

Как и Рима одиннадцатью годами раньше, Кара не вернулась домой уже никогда. Между прочим, бдительный директор школы сразу же позвонил матери Кары сообщить, что девочка отсутствует на занятиях. Не дождавшись дочь из школы, Дженет немедленно подумала о Кондро и набросилась на него с обвинениями в похищении ребенка. Этот телефонный разговор случайно записал неисправный автоответчик в доме Лэпрей.

Полиция организовала повсеместные поиски с участием общественности и опубликовала фото Кары в местной газете. Владелец свинофермы, на которую хотела съездить Кара, сказал, что 21 ноября отсутствовал дома, не заметил ничего необычного по возвращении, и пригласил детективов осмотреть свое хозяйство. Они не обнаружили никаких следов девочки. При этом в центре внимания полиции оказался Кондро.

На допросе Джозеф Кондро признал, что в то утро заметил Кару и Йоланду у школьного здания и притормозил, чтобы поболтать с ними. Он не отрицал, что Кара просила свозить ее на свиноферму, но сказал, что отказался, высадил ее из машины и велел девочкам вернуться в школу. По его словам, обе девочки были хорошими, но, как и все подростки, могли напроказничать. Кондро рассказал, что остановился на Хемлок-стрит выпить кофе, после чего поехал на лесосклад Мартхоллера устраиваться на работу. Офис был закрыт, и хотя он увидел, что на площадке работают, вылезать из машины не стал из-за грязи по колено.

В процессе тщательного изучения окружения Кондро полицейские опросили Джули Уэст - его бывшую жену, а ныне сожительницу. Он появлялся у нее и исчезал, когда заблагорассудится. Своего нынешнего мужа она из дому выгнала. Уэст рассказала, что Джозеф был подвержен приступам ярости и не раз набрасывался на нее с кулаками, в том числе во время первой беременности, а как-то

раз оторвал от стены ванной раковину. В конце концов ей пришлось обратиться за судебной защитой, а он в ответ на это подал на развод. Однако они продолжали сожительствовать, и Джули снова забеременела от него. Оба много пили, и однажды, когда она пригрозила вызвать полицию, агрессивный Кондро пригрозил вырвать телефонные провода.

Уэст сказала, что примерно в 11.45 утра дня исчезновения Кары Джозеф заехал к ней, чтобы отвезти их сына в школу. Вернувшись примерно в 12.30, он попросил ее съездить вместе с ним в компанию Industrial Paints, куда он собирался устроиться на работу. Когда они проезжали мимо лесосклада Мартхоллера, Кондро заметил, что сегодня уже заезжал туда в поисках работы, но не вышел из машины из-за непролазной грязи. Джули подумала, что это странно - ни на колесах, ни на корпусе машины не было даже следов грязи. А еще была щетка для волос. Когда Уэст садилась в машину пассажирское сиденье было полностью откинуто, поэтому она подвинула его вперед. Сделав это, Джули увидела под сиденьем щетку для волос. Уэст подробно описала ее: черная, с белым ворсом с черными кончиками, нескольких щетинок не хватало, а другие выглядели потертыми. Позднее в тот же день в разговоре с Дженет она поинтересовалась, не было ли у Кары такой щетки для волос. Дженет сказала, что девочка всегда носила с собой щетку для волос, по описанию похожую на эту.

В отличие от вполне откровенной Джули Уэст, нынешняя подружка Кондро Пегги Дилц не пошла навстречу полицейским. Пегги не захотела сотрудничать с ними и запретила им общаться с их общей с Кондро дочерью Кортни наедине.

Отказ Пегги сотрудничать не стал помехой развалу версии событий, изложенной Кондро. Двое продавцов из магазина на Хемлок-стрит, где он якобы пил кофе, показали, что в указанное время его там не было. Подобным же образом один из работников лесосклада сообщил, что мог видеть всех, кто подъезжал к единственному входу на площадку, и что золотистая машина Кондро там не появлялась.

Хотя мысль об исчезновении Римы в 1985 году не сразу приходила в голову за давностью лет, то, что в одном и том же городке при схожих обстоятельствах пропали две симпатичные светловолосые девочки, не выглядело случайностью. Полагаю, что также думали и некоторые из старших офицеров полиции.

Ведущий следователь по делу Рэй Хартли выяснил, что двумя годами ранее Кондро обвиняли в домогательствах к дочери знакомого, однако впоследствии обвинения были сняты. С работы на лесопилке его уволили за употребление наркотиков на служебной парковке. Примерно в это же время он разгромил мебель в доме женщины, с которой встречался, и выбросил на улицу клетки с ее домашними питомцами. И вот что я всегда нахожу непонятным и тревожащим в подобных случаях: эта женщина продолжала встречаться с Кондро и после инцидента.

Еще одна женщина, Кристал Смит, состояла в отношениях с Кондро предыдущей весной и тоже разрешала ему беспрепятственно пользоваться ее домом. Она рассказала следователям, что в пьяном виде тот свирепел и даже называл себя Диабло - именем главного злодея серии компьютерных игр. Смит вспомнила, как на одном летнем барбекю сильно перебравший Кондро принялся избивать другую свою подружку по имени Викки Карьола. Кристал пришлось встать между ними, чтобы остановить Джозефа. Судя по всему, Кондро был совершенно небрежен в своих отношениях с женщинами. Когда на допросе в полиции его попросили уточнить фамилию Кристал, он ответил: «Не знаю. Мы просто близкие друзья».

Собирая детали портрета агрессивной и опасной личности Кондро, полицейские продолжали выявлять интересные подробности его общения с Карой. На допросе Йоланда рассказала, что несколько недель назад они с Карой прогуляли школу, чтобы Джо Кондро отвез их в заброшенный дом в окрестностях, где было огромное количество кошек и котят. Кара хотела забрать одного котенка, чтобы подарить матери на день рождения. Тогда он велел девочкам отойти подальше от школы, чтобы посадить их в машину незаметно от учителей. Похоже, так же было и с Карой в день ее исчезновения. На вопрос, бывала ли она в машине с Кондро до этого, Йоланда ответила, что он вывозил ее, Кару и свою дочь Кортни в поход на речку Тутл. Было холодно, и на следующий день они вернулись.

Когда полицейским в конечном итоге удалось поговорить с Кортни в здании суда, она сказала, что ее отец бывал «типа груб» с ней и иногда бил ее за пререкания. А пару недель назад он дал пощечину ее сестре Эприл. До его переезда в их дом она его практически не знала, поэтому называла «Джо», а не «папа». Кортни сказала, что под-

слушала телефонный разговор Кондро с матерью Кары. Когда та сказала, что заявит на него в полицию, Джозеф ответил: «Последний раз я видел ее, когда она забралась ко мне в машину, а я велел ей убираться вон».

Пегги Дилц все же пришлось поговорить с полицейскими в участке. И она призналась, что Кондро попросил у нее разрешения попользоваться лопатами, которые хранились в гараже. Полицейские осмотрели гараж, и оказалось, что двух лопат действительно не хватает.

Расследование этого дела показательно, в частности, тем, что любые подозрения полиции или отдельных граждан ничего не значат в отсутствие веских доказательств. Читателям и посетителям моих лекций часто кажется, что раскрыть преступления, о которых я рассказываю, было не так уж и трудно. И в некотором смысле они правы. Далеко не в каждом случае требуется сложное психологическое портретирование и криминологический анализ. И уж точно не каждое преступление может служить материалом для детективного романа.

Тем не менее иногда мы с Марком экспериментируем: с самого начала сообщаем аудитории, кто оказался убийцей, а потом рассказываем о ходе расследования. И у людей создается впечатление, что дело было достаточно простым, чтобы вызвать какие-либо сложности в его расследовании. А потом мы рассказываем об этом же деле другой аудитории, но говорим о преступнике лишь как о неком неустановленном лице. В этом случае у людей почти никогда не получается вычислить даже тип личности совершившего преступления, даже когда мы очерчиваем им круг подозреваемых.

Именно так было с установлением личности Уэйна Б. Уильямса - главного подозреваемого по делу об убийствах детей в Атланте. Задним числом может показаться, что он был самым очевидным кандидатом на арест, но тогда все выглядело совершенно иначе.

В 1979-1981 годах правоохранительные органы как внутри страны, так и за ее пределами были серьезно обеспокоены убийствами детей в Атланте. Исчезли и были найдены мертвыми более двадцати афроамериканских детей и подростков в большинстве своем мужского пола. Полиция, СМИ и общественность были склонны считать, что убийства совершаются некой группировкой белых расистов вроде Ку-клукс-клана с целью запугивания прогрессивно мыслящих жителей

этого южного города. Это было одной из причин, по которым нас привлекли к участию в расследовании: возможно, имело место нарушение федерального законодательства о гражданских правах. Кроме того, поскольку была пропажа детей, генеральный прокурор Гриффин Белл поручил ФБР установить, не похищены ли они. Похищение детей стало федеральным преступлением после печально известного случая с сыном знаменитого летчика Чарльза Линдберга в 1932 году, эти дела переходят в ведение ФБР спустя 24 часа после их открытия. Как и все особо важные дела, убийства в Атланте получили в Бюро свое кодовое наименование -ATKID.

Однако приехав в Атланту и проанализировав ситуацию, мы с Роем Хэйзелвудом довольно быстро убедились в двух вещах. Во-первых, эти убийства не были похожи на расистские: они не несли никакой символической нагрузки, ими явно не хотели припугнуть или устрашить, в них отсутствовали характерные признаки подобных преступлений, и, кроме того, никто не брал на себя ответственность за них. Плюс к этому, побывав на местах похищений и обнаружения тел жертв, мы поняли, что любой белый человек, появившийся в этих негритянских районах, был бы тут же замечен: жизнь в этих местах не затихает ни на минуту. Похититель юных жертв подобного внимания к себе не привлекал. Поэтому мы решили, что с большой долей вероятности убийцей является афроамериканец.

В информационной комнате, созданной полицией для расследования, мы изучили все материалы дела, включая показания свидетелей на местах обнаружения тел, фотографии трупов и протоколы судмедэкспертизы. Мы побеседовали с родственниками погибших, чтобы понять, есть ли у них что-то общее с точки зрения викгимологии.

В большинстве своем жертвы обладали определенным жизненным опытом, полученным на улицах собственного района. В остальном же они были достаточно наивны, и потому увлечь их разного рода соблазнами было нетрудно. Кроме того, в основном они жили достаточно бедно, и для того чтобы заманить их к себе в лапы, неизвестному было достаточно самых скромных приманок. Чтобы проверить это, переодетые полицейские (как чернокожие, так и белые) по нашему поручению предлагали уличным ребятишкам по пять долларов за выполнение какой-нибудь работы. Это срабатывало почти

в каждом случае, а попутно мы убедились в том, что белые мужчины в таких районах обращают на себя внимание.

В ходе расследования мы увидели, что две жертвы (обе девочки) не вписываются в общую картину ни по способу похищения, ни по виктимологии. В случае серийных убийств следователю нужно быть очень внимательным, чтобы не увязывать между собой случаи, на самом деле не имеющие отношения друг к другу.

По нашему мнению, в ряде случаев отсутствовали убедительные доказательства их принадлежности к этой серии убийств. Некоторые могли быть делом рук подражателей, а другие - просто бытовыми убийствами детей. По статистике, таких в этом городе ежегодно случалось десять-двенадцать.

Мы приступили к созданию нашего психологического портрета. При том что подавляющее большинство известных нам серийных убийц были белыми, мы знали также и то, что такого рода маньяки обычно выбирают жертв одной с ними расы. Поэтому мы были практически уверены, что имеем дело с чернокожим мужчиной. Серийные убийцы женского пола большая редкость, а кроме того, мужчине было бы легче навязывать свою волю юным жертвам. Скорее всего, это был мужчина в возрасте 25-30 лет, которого сексуально привлекали мальчики. При этом отсутствие следов сексуального насилия говорило о том, что он ощущал дискомфорт или стыд в связи со своими гомосексуальными наклонностями. Поскольку преступления совершались в разное время суток, мы посчитали, что у него либо нет постоянной работы, либо убийца относится к категории самозанятых лиц. Мы полагали, что уровень интеллектуального развития этого человека выше среднего, но он не добился серьезных успехов. А с учетом того, что ему нужно было выглядеть перед своими жертвами авторитетно, мы решили, что мужчина боек на язык и, возможно, косит под сотрудника правоохранительных органов. А если так, то он должен разъезжать на большой машине типа полицейской и, наверное, иметь собаку крупной породы.

Прорыв в расследовании произошел после того, как в полицейский участок в 20 милях от Атланты поступила аудиозапись, якобы сделанная убийцей. Все очень обрадовались, но, прослушав пленку у себя в Куантико, я однозначно решил, что это фальшивка: записанный на ней голос явно принадлежал белому мужчине. Однако

говоривший упоминал о своей последней жертве и сообщал, что труп нужно искать на обочине определенного участка пригородного шоссе. Произведя интонационный и психолингвистический анализ, я понял, что этот мужчина считает себя умнее полицейских. Поэтому я посоветовал им изобразить, что они ему поверили, и устроить поиски на указанном участке шоссе, *но не на той стороне*. И, если он будет следить за происходящим, его, возможно, удастся схватить.

Как я и предполагал, эти подробно освещавшиеся СМИ поиски ни к чему не привели. И, разумеется, человек не удержался, чтобы не позвонить и не сказать легавым, какие они кретины. «Кретины-легавые» были наготове, отследили телефонный звонок и взяли мелкого хулигана на дому. Им оказался пожилой белый южанин. На всякий случай обыскали и *ту сторону шоссе*- трупа не было.

Однако вскоре на том же шоссе было обнаружено тело пятнадцатилетнего чернокожего юноши. Это снабдило нас критически важной информацией: неустановленный подозреваемый следит за реакцией СМИ и старается продемонстрировать свое превосходство. С учетом этого мы предложили полицейским несколько вариантов упреждающих действий, но заместитель генпрокурора слишком затянул с утверждением этих планов.

Когда обнаружили следующий труп, судмедэксперт заявил в прессе об идентичности найденных на нем следов тканей и волос с предыдущими пятью. Поскольку мы знали, что неустановленный подозреваемый следит за прессой, я был уверен, что следующий труп будет выброшен убийцей в реку, чтобы смыть подобные улики водой. Потребовалось время, чтобы организовать постоянное наблюдение за реками силами всех местных правоохранительных органов. К моменту, когда оно началось, в реке Саут нашли труп тринадцатилетнего мальчика, а в канале Чаттахучи еще два: юноши 21 года и еще одного тринадцатилетнего мальчика. В отличие от предыдущих жертв, эти трое были раздеты до нижнего белья, вероятно, с целью избавления от следов тканей и волос убийцы.

Спустя месяц с небольшим, когда постоянное наблюдение за реками уже начало раздражать местные власти, курсант полицейской академии Боб Кэмпбелл находился на посту под мостом через канал Чаттахучи. Он увидел автомобиль, как он ненадолго остановился на середине моста, после чего раздался шумный всплеск. Направив луч

фонарика на поверхность воды, Кэмпбелл увидел расходящиеся волны. Автомобиль развернулся и уехал, но по просьбе курсанта был сразу же остановлен полицейской патрульной машиной.

За рулем был 23-летний афроамериканец по имени Уэйн Бертрам Уильямс. Он рассказал, что работает в музыкальном бизнесе и живет у родителей. После того, как из реки выловили тело незадолго до этого пропавшего без вести 27-летнего чернокожего мужчины, за Уильямсом установили интенсивное открытое наблюдение.

Уильямс практически полностью соответствовал подготовленной нами ориентировке, включая наличие у него большой машины и собаки крупной породы. Он считал себя умнее правоохранителей и на первом допросе вел себя очень бойко. Получив ордер на обыск, полиция нашла в автомобиле Уильямса следы тканей и волос, совпадавшие с найденными на телах жертв серийного убийцы. Его осудили за некоторые из серии убийств 1979-1981 годов в Атланте.

Но был и еще один заслуживающий внимания момент. В одном из случаев девочку подросткового возраста похитили и удушили электрическим проводом. Мы были уверены, что это дело рук душевнобольного преступника, который почти наверняка был в свое время пациентом психиатрической клиники. Полиция вышла на подозреваемого, в точности соответствовавшего нашему описанию, вплоть до электропровода, которым он подпоясывался. Однако убедительно доказать его причастность к убийству не удалось, и под суд его не отдали.

Перед отъездом из Атланты после окончания своей работы мы разговаривали с психиатром из оперативной группы по расследованию серийных убийств. Я объяснял ему, как мы пришли к своим выводам относительно личности убийцы. «И как вам это удается?» - спросил психиатр. «Мы узнаем о нем по почерку преступлений. Мы стараемся мыслить также, как он», - ответил Рой. Этому нас научил Гэри Трэпнелл. Доктор был явно заинтригован. Он поинтересовался, сможем ли мы выдать себя за психически нездоровых людей по результатам психологического тестирования. Мы сказали, что сможем.

Нас развели по разным помещениям, и мы прошли Миннесотский многоаспектный личностный опросник (MMPI) - наиболее широко используемый психологический тест для взрослых. Каждый из нас показал себя общественно опасным психопатом с параноидальной

направленностью мышления. Психиатр искренне изумился, а мы с Роем были очень горды собой. Мы доказали, что умеем мыслить, как настоящие подонки общества.

Теперь, по прошествии времени, это расследование может казаться простым и очевидным, но в реальности это было отнюдь не так. Мы могли подозревать Уэйна Уильямса сколько угодно, но в отсутствие фактических доказательств арестовать его было невозможно. Даже при их наличии прокуратуре нужно было составить обвинительное заключение. Да, наш психологический портрет помог вычислить его, но это было лишь начало. Чтобы отправить его за решетку, одной психологии было недостаточно. Подозрения - нормальная тема для телеобозревателей и дискуссий в интернете, но не имеют никакого значения в реальном судебном процессе. Как мне предстояло узнать, Кондро прекрасно усвоил эту мысль.

Когда Джозефа вызвали в полицию для дачи показаний, он, как и Уэйн Уильямс, всячески демонстрировал расположенность к сотрудничеству. Раздражался он только в случаях, когда следователи ловили его на явных нестыковках. По завершении допроса руководитель следственной группы Джим Душа сообщил Кондро, что прокуратура округа запрещает ему любые контакты с Джули Уэст, включая приближение к ее дому и попытки поговорить лично или по телефону. Он сказал, что ему понятно.

На следующее утро Уэст связалась с Душе и сообщила, что ей звонил Кондро с вопросами о ее беседах с полицией. Он велел ей больше ничего не говорить полицейским, в том числе и о его звонке. Джули ответила, что расскажет полиции все, что ей известно, поскольку скрывать ей нечего.

Она очень боялась агрессивного Кондро. В своем письменном рапорте Душа процитировал ее слова: «Не знаю, что он сделает, если узнает, что я говорила с полицией».

Следователь отреагировал на ситуацию без малейшего промедления и поехал к судье за ордером на арест. Во второй половине дня Душа и старший оперуполномоченный Стивен Рихэйм приехали домой к Кристал Смит, где был замечен Джозеф. Он и открыл им дверь. Ему сказали, что он арестован за попытку оказать давление на свидетеля, надели на него наручники, посадили на заднее сиденье патрульной машины и зачитали права.

На допросе в здании суда Кондро сказал, что не разговаривал с Уэст и вообще не знает, что она проходит свидетелем по делу. В конце концов Душе надоело это слушать, и он прямо спросил, зачем тот лжет.

Кондро сперва потупился, но через несколько секунд поднял глаза и сказал: «Мне и вправду нужен адвокат». На этом разговор и закончился. Полицейские отвезли его в окружную тюрьму и поместили под арест, назначив залог в сумме 25 000 долларов. Вскоре эта сумма была удвоена.

11. Старый «фольксваген»

В тот же день Кристал Смит сделала в полиции заявление. Она сказала Душе, что Кондро рассказывал ей, что полиция и Дженет Лепрэй подозревают его в похищении Кары. Он повторил ей историю о том, как встретил девочек около школы, поговорил с ними, велел Каре вылезти из его машины, а затем поехал искать работу.

Смит спросила, что он будет делать, если против него выдвинут обвинение.

«Да нет у них ни хрена. Буду стоять на своем». По ее словам, мужчина повторил эти слова несколько раз. Вспомнив, как в прошлом году они играли в прятки во время летнего похода в леса у озера Бэттл-Граунд, Кристал спросила, как он поступил бы с трупом.

«Ни трупа, ни свидетелей, ни улик», - ответил Джозеф.

Полицейские с собаками уже несколько раз прочесывали места, куда Кондро, по мнению следователей, мог завезти Кару, но ничего не обнаружили.

К этому времени полиция нашла свидетеля - одноклассника Кондро, который шесть или семь лет назад видел, как в баре Расти Трэкслер во всеуслышание обвинил Джо в убийстве Римы. Тот велел ему заткнуться, и началась драка. Чем больше полицейские узнавали о подозреваемом, тем больше становилось инцидентов, связанных с насилием. Еще одна женщина, Элизабет Энн Форд, с которой он время от времени сожительствовал в течение примерно семи лет, рассказала, что вышвыривала его из дому каждый раз, когда тот напивался. Мужчина подрался с ее братом и сломал ему челюсть и три ребра, в

припадке ярости кинув в него дверцу от дровяной печи. В конечном итоге ей пришлось обращаться за помощью к шерифу.

В конце концов правосудие настигло Джозефа Кондро. Менее чем через месяц после исчезновения Кары в Верховном суде штата Вашингтон ему были предъявлены обвинения в сексуальных домогательствах к семилетней девочке и изнасиловании одиннадцатилетней. Оба преступления были совершены в сентябре 1991 года. В обвинительном заключении было сказано, что Кондро подверг сексуальному надругательству девочек, спавших на полу в гостиной. Суд был назначен на май следующего года.

Тем временем полицейские Лонгвью продолжали поиски Кары, вновь и вновь возвращаясь в места, которые, по словам свидетелей и информаторов, часто посещал Джозеф. Одним из таких мест был пустой обветшавший дом на холме Соло в западной части города. Там любили играть дети, и родственники Кары неоднократно искали ее следы в прилегающей местности, но так ничего и не обнаружили.

4 января 1997 года, менее чем через два месяца после исчезновения Кары, полицейские прочесывали поросший лесом склон холма на противоположной от дома стороне. На берегу ручья они заметили перевернутый старый красный «фольксваген» без колес, но с номерными знаками штата Вашингтон старого образца. Внутри нашли черную футболку Кары и ее лифчик, а затем обнаружили тело девочки. Оно лежало под машиной головой назад, а ноги были придавлены дверью со стороны пассажира.

На дереве прямо напротив стойки двери с водительской стороны сохранился след от удара. Соответствующая вмятина была и на автомобиле. Это говорило о том, что машину скорее всего сначала столкнули на дерево, а затем перевернули на жертву

Для восстановления картины события старший оперуполномоченный Рихэйм вызвал на место экспертов-криминалистов. Чтобы извлечь тело из-под машины, полицейским потребовалась лебедка. Криминалисты взяли все нужные им образцы, после чего «фольксваген» увезли с места преступления для проведения дальнейших экспертиз.

Верхняя часть трупа уже сильно разложилась и отчасти была обглодана лесными хищниками. Но его нижняя часть, находившаяся под машиной, сохранилась хорошо. На нем были трусики и черные

шорты, соответствовавшие описанию одежды Кары в день ее исчезновения. Собрав пробы грунта вокруг, криминалисты упаковали тело в два мешка для трупов, опечатали и отправили в криминологическую лабораторию штата. Девочку опознали по данным стоматологической карты, и окружной коронер объявил ее «убитой путем насильственных действий неизвестного характера».

Вещественные доказательства, включая всю одежду на трупе и вокруг него, были направлены для независимого анализа в отдел судебно-медицинской экспертизы полицейского управления Сан-Диего. Пятна спермы на теле и одежде Кары прямо указывали на причастность Кондро к убийству.

27 января 1997 года окружной прокурор Джеймс Дж. Стоунер представил в Верховный суд штата так называемое заявление о преступлении, согласно которому Джозеф Кондро обвинялся в предумышленном убийстве Кары Радд при отягчающих обстоятельствах. В ожидании суда мужчину содержали в одиночке ради его собственной безопасности: заключенные, даже из числа самых отъявленных преступников, ненавидят педофилов и детоубийц.

Процесс по делу об убийстве должен был начаться в июле 1998 года. В ожидании обвинительного заключения, в котором прокуратура собиралась настаивать на смертном приговоре, Кондро сидел в тюрьме в Ванкувере, штат Вашингтон. После консультаций с Дэнелл Кинн, матерью Римы, окружной прокурор Сью Бауэр предложила ему сделку: признание в убийствах и Кары Радд, и Римы Трэкслер в обмен на отказ обвинения требовать смертного приговора.

В мае 1997 года Джозеф предстал перед судом по делу о сексуальном домогательстве и изнасиловании. После менее чем двух часов обсуждения присяжные признали его виновным по обоим пунктам, и судья приговорил его к 302 месяцам тюремного заключения.

После этого процесса Кондро, видимо, прикинул, что его ждет на следующем, и принял предложение Сью Бауэр. По его словам, он сделал это не только из-за перспективы смертной казни. Мужчина хотел позаботиться о том, чтобы в суд не вызывали в качестве свидетелей его детей, а также чтобы семьи убитых им девочек обрели покой.

Я крайне скептически отношусь к словам убийц о том, что они руководствуются чем-либо еще, кроме шкурного интереса.

В показаниях следователю Скотту Макдэниелу Кондро сравнил себя с аллигатором, который появляется на поверхности водоема, только когда проголодается. Этот образ не выходил у меня из головы, когда я читал рассказ о том, что он сделал с Римом много лет тому назад.

Любое детоубийство страшно и омерзительно само по себе, но самой отвратительной подробностью в деле Римы было то, как Кондро организовал преступление. В своих признательных показаниях он рассказал, каким гнусным образом ему удалось заставить восьмилетнего ребенка пойти вместе с ним. Оказалось, что мать Римы научила ее секретному паролю. Любой человек, который предлагал девочке пойти с ним, должен был знать этот пароль - «единорог». А тем, кто его не знал, доверять было нельзя. Джо был настолько близким другом семьи Римы, что ее отчим сообщил ему этот пароль.

Риме он сказал, что родители попросили его отвезти ее в бассейн, куда попозже приедут за ней сами. Как он сказал: «Я увидел, как она идет из школы домой, и решил, что, если она сядет ко мне в машину, завезу ее в лес. И она с удовольствием села».

Кондро также сообщил следователям, что возил Кару и Йоланду в заброшенный дом «в тестовом режиме»: «Я планировал изнасиловать и убить их обеих».

Он заранее решил, куда спрячет труп. Осужденный подтвердил, что жестоко избил Кару, после чего изнасиловал и удавил. Не забывайте, речь идет о девочке, которая звала его «дядя Джо» и с родителями которой мужчина дружил. Но это никакие помешало ему сперва избить ее исключительно ради собственного удовольствия, азатем надругаться и убить. При этом действовал Кондро отнюдь не в невменяемом состоянии - представить себе что- либо еще более отвратительное трудно. Азатем Джозеф приехал к Пегги Дилц, как следует помылся под душем, постирал одежду и выбросил на помойку свои ботинки.

На суде, состоявшемся 26 февраля 1999 года, Кондро признал себя виновным в преднамеренных тяжких убийствах Кары Радд и Римы Трэкслер. Дело слушалось в открытом заседании в присутствии родственников и знакомых жертв. 5 марта судья Джим Уорми

приговорил Кондро к пятидесяти пяти годам тюремного заключения. Этот приговор вступал в силу только после отбытия убийцей минимального срока наказания, предусмотренного приговором за домогательство и изнасилования полуторалетней давности. Окружной прокурор хотел быть уверен в том, что избежавший смертного приговора уже никогда не выйдет на свободу.

На вынесении приговора мать Римы Дэнелл Кинн сказала: «Я четырнадцать лет ждала ответов, но мне не стало легче, когда в конце концов их получила. Он ведь так долго обманывал меня, прекрасно зная всю правду. Я не в состоянии постичь всю чудовищность того, что скрывается под этой человекоподобной личиной».

12. В тюрьме

Тюрьма штата Вашингтон в Валла-Валла была построена более сотни лет назад среди сельскохозяйственных угодий, примыкающих к орегонской границе. Первые здания строились из кирпича, глину для которого добывали поблизости; тяжелые камни для мощных бетонных стен привозили из бассейна реки Колумбия. За этими стенами с пущенными поверх железной сеткой и колючей проволокой предполагалось содержать худших из худших, и они исправно служат этой цели и по сей день.

Тюремная администрация считает своей задачей максимально загружать заключенных общественно полезным трудом, а также учебой и физкультурой. В 1921 году тюремную ткацкую фабрику перепрофилировали в производство автомобильных номерных знаков, и в наши дни оно ежегодно выпускает более двух миллионов единиц этой продукции. Для содержания особо опасных преступников существует блок усиленного режима. В нем заключенные проводят в своих одиночных камерах по двадцать три часа в день. Еду они получают через отверстие в двери, а при любом выходе из камеры каждого из них сопровождают как минимум двое конвоиров. Этот блок стал для Джозефа Кондро постоянным местом жительства.

В присутствии представителей СМИ мои беседы с заключенными проходили особенно трудно. Еще в период моей работы в ФБР телешоу «60 минут» канала CBS договорилось с руководством бюро о том, что репортер и оператор будут сопровождать меня и моего

коллегу Джадсона Рэя в нашей поездке в тюрьму штата Пенсильвания в Роквью. Мы направлялись туда, чтобы поговорить с Гэри Майклом Хейдником, сидевшим в тюрьме по обвинению в убийстве нескольких женщин, которых он насильно удерживал в подвале своего филадельфийского дома. В этом подвале у него был наполненный водой колодец, в котором он пытал своих жертв электрическим током. Писатель Томас Харрис использовал некоторые особенности преступлений Хейдника при создании персонажа романа «Молчания ягнят» Буффало Билла. Незадолго до описываемых событий вышла экранизация книги, и публика жаждала увидеть в СМИ, «как было на самом деле». Хейдник пытался изображать сумасшествие, но я знал, что в то самое время, когда он наслаждался пытками женщин в подвале своего дома, личные инвестиции на фондовом рынке принесли ему 600 000 долларов. Он был казнен смертельной инъекцией в 1999 году став последним человеком, к которому применили смертную казнь в штате Пенсильвания.

Несмотря на наши старания установить с ним доверительные отношения, Хейдник был внешне любезен, но насторожен. У него был несколько отсутствующий взгляд, который, по моему опыт/, является признаком прогрессирующей паранойи. Его уже содержали в изоляции, чтобы защитить от других заключенных, что лишь усугубило его (в данном случае, реалистическое) представление о том, что все вокруг враги. Невзирая на это, он обладал высоким уровнем интеллекта и сумел заработать огромные деньги на фондовом рынке, не имея высшего образования.

Убийца не мог отрицать, что держал этих женщин в заточении, но, подобно рабовладельцам южных штатов, пытался оправдать то, что не может быть оправданным. Хейдник утверждал, что он и эти женщины были одной счастливой семьей: все вместе отмечали дни рождения и праздники, а он дарил им подарки и баловал деликатесами. Осужденный даже вспомнил о радиоприемнике, купленном для их развлечения (по мнению Джада, его на самом деле использовали, чтобы заглушать крики страдания).

В конце концов он признался, что бил некоторых из них, но ради их же блага, как родитель, который может отшлепать ребенка. Преступник создал собственную религиозную общину, и его главной целью было использовать плененных женщин для воспроизводства

максимального количества новых Хейдников. Звучало это дико, но убийца настаивал на серьезности своих планов. Он невозмутимо продолжал в том же духе, пока я не решил покопаться в проблемах его детства и юности.

Наклонившись к нему поближе, я сказал: «Расскажите мне о своей матери».

И тут он внезапно сорвался. Вскочил на ноги, будто собираясь отодрать от себя микрофон и выбежать из помещения. Я объяснил, что результаты наших исследований говорят о том, что в подавляющем большинстве случаев подобные ему маньяки либо сильно конфликтовали со своими матерями, либо теряли их при каких-то трагических обстоятельствах. В ответ Хейдник разрыдался.

Достучаться до него мне удалось благодаря тщательной подготовке к интервью. Я знал, что, когда Гэри было два года, а его брату Терри и того меньше, их мать-алкоголичка развелась с отцом детишек. Они остались с ним, и этот сухой и эмоционально жестокий человек часто унижал Гэри и угрожал ему физической расправой. Дети переехали было к матери, но из-за ее алкоголизма через пару лет были вынуждены вернуться к ненавистному отцу. Она выходила замуж еще трижды, пока не покончила с собой в 1970 году.

В присутствии телекамер на установление контакта с заключенным уходит куда больше времени. Обычно он не столько напуган, сколько хочет показать себя хорошим и сойти перед телезрителями за жертву. Чтобы прийти к фактической и эмоциональной истине, приходится от всего этого абстрагироваться. Кроме того, дело еще и в количестве народа. Во времена моей работы в ФБР в помещении для беседы находились два, от силы три человека. А телевизионщикам нужно множество людей: осветители, операторы и помощники режиссера. Когда народу в помещении слишком много или когда оно слишком велико, направить беседу в нужное мне русло становится еще труднее. Я прикинул, что потребуется как минимум час, для того чтобы просто сосредоточить внимание Кондро на мне и на моих вопросах.

Руководство телеканала MSNBC хотело, чтобы я буквально уничтожал своих собеседников и не скрывал своего омерзения. Возможно, такой враждебный стиль интервью и создает нужный для телепередачи накал, но для достижения моих целей он не годился.

Почти то же происходило на ранних этапах наших тюремных бесед, когда начальство ФБР интересовалось, зачем это мы стараемся понравиться убийцам, а тюремные власти были озадачены продолжительностью каждого такого разговора. Наверное, это еще и сбивало с толку телезрителей, не понимающих, зачем я настолько «мил и приветлив» с такими ужасными людьми.

Возможно, наиболее спорная фраза первого сезона телесериала «Охотник за разумом» звучит в девятой серии. В ней Боб Ресслер и мои персонажи Билл Тенч и Холден Форд интервьюируют в тюрьме Джолиет Ричарда Спека, убившего восьмерых медсестер в чикагском общежитии. В попытке преодолеть неприязненное отношение со стороны Спека и разговорить его Холден риторически спрашивает, на каком основании он «лишил мир восьмерых сочных сучек».

В реальной действительности все так и происходило. Мы сидели в конференц-зале тюрьмы со Спеком и его куратором из управления исполнения наказаний. Спек сознательно игнорировал нас. И в какой-то момент я обратился к куратору со словами: «Вы же знаете, что сотворил этот ваш паренек? Восьмерых телок замочил. А некоторые из этих восьмерых были очень даже ничего. Так что он лишил всех остальных возможности попользоваться восемью классными бабами. Ну разве это честно?»

Спек послушал разговор, а потом со смехом сказал мне: «Ну вы, парни, и психи. Похоже, между нами есть кое- что общее». И с этого момента разговор пошел.

Мне предстояло интервьюировать Кондро в помещении площадью около 75 квадратных метров. Команда телевизионщиков состояла из восьми человек с тремя телекамерами. Кроме того, в помещении присутствовали шестеро надзирателей, наблюдавших за ходом интервью и следивших, чтобы Джозеф не повел себя агрессивно - по моей просьбе он был без наручников.

Зрелище такого количества людей несколько ошарашило приведенного из одиночки заключенного. Это был крупный, крепко сложенный и физически сильный на вид мужчина. При рукопожатии моя ладонь буквально утонула в его. Будучи хорошо знакомым с его досье, я непроизвольно представил себе, как эти руки истязают и душат маленьких девочек.

Готовясь к интервью и изучая его досье, я ожидал от Кондро поведения в духе Чарльза Мэнсона: с выраженным грандиозным типом бредового расстройства и желанием доминировать над собеседником.

Но вместо этого Джозеф оказался покладистым парнем, очевидно готовым поговорить о совершенных им убийствах. Моей первоочередной задачей было заставить его абстрагироваться от камер и остальных присутствующих. Это заняло какое-то время, и в процессе он дал мне понять, что не будет обсуждать ничего, кроме дел, за которые сидит. Его серьезно подозревали в целом ряде других детоубийств, и Кондро хорошо понимал, что правоохранители будут рады поймать его на слове и посадить на электрический стул.

Но сама по себе его готовность не означала, что беседа будет простой. Я намеревался придерживаться той же стратегии ведения беседы с заключенным, которую мы с Бобом применяли в ФБР. Надо добиваться конкретных ответов, которые помогут в будущих расследованиях. Не надо сыпать вопросами, особенно если собеседник ведет себя настороженно. Неприметные с виду поведенческие особенности и детали имеют для таких, как я, важное значение, поскольку помогают раскрыть и понять образ мыслей данного конкретного преступника.

Я начал непринужденно и прямо: «Спасибо, что уделили мне время. На самом деле, наша задача действительно состоит в разъяснении определенных вещей общественности, правоохранительным органам и педагогам. Мы заглянем в ваше детство и юность, чтобы посмотреть, было ли в них нечто, указывающее на будущие убийства, и обсудим сами эти преступления. Полагаем, что все это принесет большую пользу. И начать я хочу именно с разговора о вашем детстве».

Первой на очереди была тема усыновления. Он подтвердил, что его усыновили примерно в полуторагодовалом возрасте, а затем принялся подробно рассказывать о том, как семьи его приемных родителей эмигрировали из Европы в Америку. Мне показалось интересным, что Джозеф называет Элинор Кондро «мачехой», что могло свидетельствовать о наличии психологического расстройства привязанностей. Он сказал, что до семилетнего возраста ему не рассказывали о его настоящем происхождении.

- И как вы отнеслись к этому, когда они вам рассказали?

- У меня было очень неоднозначное отношение к этому. Знаете, я никогда не понимал, как можно отказаться от своего ребенка, - ответил Кондро.

- Ощутили себя вроде как брошенным?

- Нуда, брошенным. Думаю, это была одна из причин, почему я в детстве так типа выделывался.

Это что-то вроде рыбалки. Закидываешь удочку с наживкой т/да, где, по ощущениям, должна быть рыба.

Я ничуть не собираюсь принижать значение такого благого дела, как усыновление, но важно отметить, что очень многие печально известные серийные убийцы были приемными детьми. Это, в частности, «Ночной странник» Ричард Рамирес, «Сын Сэма» Дэвид Берковиц, «Хиллсайдский душитель» Кеннет Бьянки, «Убийца студенток» Теодор Банди и убивавший проституток в Нью-Йорке и на Лонг-Айленде Джоэл Рифкин. Хотя в подавляющем большинстве своем приемные дети прекрасно живут в любящих их семьях, я считаю, что если у мальчика уже есть определенные психологические проблемы или ранняя стадия диссоциального расстройства личности, то известие о том, что биологические родители его бросили, может стать причиной озлобленности, конфликтности и негативных проявлений. Однако с равными основаниями все это может послужить маньяку удобным оправданием его мотивов и злодеяний.

Кондро припомнил, когда начались его эмоциональные срывы: «Узнав, что я приемный, я начал становиться очень агрессивным. В те времена в школах не было ни психологов, ни чего-то в этом духе. Был только директор. В смысле, он только и знал, что раздавать взыскания, ну а я, понятное дело, стал выделываться в школе по-всякому, метелил всех подряд. Я же был самым здоровым из всех».

Ничего удивительного - многие будущие преступники либо были школьными хулиганами, либо сами подвергались травле со стороны одноклассников.

- Вы учились в католической школе?

- Ну да, я ходил в католическую школу, частную, и там у меня все было очень неплохо. Я был самым лучшим в спорте, а после восьмого класса перешел в государственную школу, и вот тогда-то и подсел на наркоту по-настоящему.

- Какие наркотики вы употребляли?

- Кучи марихуаны, ЛСД, амфетаминов...

Я спросил, к кому он больше цеплялся в этом возрасте: к мальчикам или девочкам?

- Да ко всем вокруг.

- Были ли вы объектом сексуальных домогательств в детском возрасте?

- Никогда не было такого.

- В какой период вашей жизни у вас появились садистские сексуальные фантазии? Вы помните, когда это произошло?

- Примерно тогда же.

Этого следовало ожидать. Добрая половина всех сексуальных маньяков, с которыми я побеседовал за все эти годы, говорила о том, что первая фантазия на тему изнасилования посетила их в возрасте между двенадцатью и четырнадцатью годами. Эд Кемпер и Деннис Рейдер начали фантазировать на темы насилия, еще не достигнув подросткового возраста. Кемпер отрубал руки и ноги куклам своей сестры, а Рейдер рисовал откровенные сцены пыток связанных женщин. Невольно думаешь, как сложились бы их дальнейшие судьбы, если бы кто-нибудь принял к ним нужные меры именно тогда.

Кондро рассказал, что заставлял девочек раздеваться и «экспериментировал» с ними, хотя и отрицал, что дело доходило до половых актов. Он рассказал и о живодерстве, которым стал заниматься после переезда семьи в Лонгвью: «Я попал в компанию пацанов, которые считались местным хулиганьем. И вот однажды парень, с которым мы тусовались, говорит: "Слышь, я знаю, где кошки есть. Давай пойдем их поубиваем типа". Я был "за". Он взял с собой бейсбольную биту. Вот тогда я впервые лично поучаствовал в живодерстве».

Джозеф брал большие деревянные дубины, незаметно подкрадывался к животным и проламывал им головы.

- И что вы при этом чувствовали? - спросил я.

- Сначала было страшновато, а потом я завелся. Потом была облава, потому что туда приехали полицейские. Кто-то их вызвал. Мы спрятались в кроне дерева и наблюдали оттуда, как они прочесывают округу.

Его волновало лишь одно - чтобы его не поймали. Угрызений совести из-за забитых до смерти беззащитных животных он не испытывал. Это со всей очевидностью показывает, что Кондро вырос лишенным малейшего сочувствия к страданиям других.

- Как обстояли ваши дела с противоположным полом? То есть на свидания ходили? - спросил я.

- Ну а как же? У меня была куча подружек, с которыми я встречался, - ответил он.

Я никак не мог понять, что находили в нем эти многочисленные девушки.

- Вы встречались с подружками определенного возраста, скажем, тинейджерского, но, возможно, фантазировали о более юных?

Джозеф ответил утвердительно, и дальше все стало совсем интересным.

- Когда я стал постарше, подружки были в основном моими ровесницами или чуть помладше. А потом разница в возрасте стала резко нарастать, и скоро дело дошло до приставаний к малолеткам.

- То есть вы говорите, что с годами вы переключились на определенный тип жертв. И в каком же именно возрасте это произошло?

Когда учился в школе, мне просто стали нравиться девочки помладше, ну, может, на пару лет младше меня.

- Это похоже на навязчивость, на навязчивую идею. Вы отдавали себе отчет в том, что это навязчивая идея?

- Я все время об этом думал, - признал Кондро.

Я поинтересовался, рисовал ли он картинки, как это делал Деннис Рейдер.

- Нет, все происходило только мысленно. То есть еще в седьмом классе я все время думал о том, как вылавливаю, насилую и убиваю.

Эти субъекты часто проигрывают в своей голове идеальный сценарий воплощения своих фантазий. Реальное преступление соответствует такому сценарию нечасто.

- То есть злобы в вас было чертовски много. Как вы думаете, когда... просто давайте вернемся к семилетнему возрасту, когда вы узнали, что вас усыновили, и вы ощутили себя как бы брошенным. Не кажется ли вам, что...

- И это тоже, но еще и мои приемные родители, они очень давили. Помню, сказал матери, что больше не хочу ходить в церковь, а она меня заставляла. Они всю дорогу чего-то от меня требовали. Да еще и собачились между собой очень часто, орали, давили друг другу на психику. Все время друг на друга орали.

И по его мнению, это заставило его делать «кучу всяких ненормальностей с детишками на районе».

- Что именно это было? Что вы имеете в виду под ненормальностями? - спросил я.

- Ну я, это, либо мальчишек колотил, либо прижимал девчонок и заставлял их раздеваться, во всякие там мелкие игрища со мной играть. Но вскоре заметил, что все родители района больше не разрешают мне играть с их детьми. Тут еще и отчим решил переехать поближе к работе, и мы переселились в Лонгвью. Вообще-то я не знаю, может, это было из-за моих дел, а может, он и правда захотел жить поближе к работе. А может, и то и другое. Но мне никогда об этом говорили.

У маньяков и серийных убийц достаточно часто можно наблюдать одну интересную особенность: в них постоянно борются между собой два чувства. Это, с одной стороны, чувство собственного величия и исключительности, а с другой - глубоко укоренившееся и устойчивое ощущение своей неполноценности. Я безусловно видел это в Джозефе Кондро, и это пронизывало практически все аспекты его личности и мироощущения.

Примером этой двойственности было его отношение к родителям. Рассказав мне, что в целом его домашняя жизнь была неблагополучной и что родители ругались на него и эмоционально подавляли друг друга, он добавил: «Но они были действительно хорошими людьми. Я был их единственным ребенком. В детстве я получал от них все, что хотел. Благодаря отцу узнал цену деньгам. В двенадцать лет он отправил меня работать, и я завел собственный мелкий бизнес: озеленением занимался. Да, хорошие это были люди».

Если уж говорить о «знании цены денег», то этот человек часто сидел без работы и на протяжении длительных периодов времени жил за счет друзей, бывших жен и подружек. У таких людей их представления о жизни и то, как они живут на самом деле, - две большие разницы.

- Ну и когда же произошел некий переломный момент, когда вы начали воплощать свои фантазии? - продолжил я.

- В местном магазинчике работала девчушка лет двенадцати-тринадцати, и я фантазировал, как заваливаю ее, насилую и все такое. И вот как-то вечером я собираюсь, подъезжаю к магазину после закрытия, а она как раз запирает Я говорю, мол, поехали покатаемся, она отвечает: «Давай» - и садится в машину Тут я приставляю к ней нож, везу к холму Соло, ну и так далее. Она разревелась, и все такое типа: «Пожалуйста, не надо! Пожалуйста, не делай этого!» - ну, и я не стал. Не решился довести дело до конца.

- Значит, вы прекратили? Вы ее пожалели?

-Нуда.

-То есть тогда на вас это подействовало? Вы испытали некое сочувствие?

- Ну, я же первый раз пошел на такое. Толком не понимал, что делаю.

- Правильно ли я понимаю, что в фантазии все проходило как по маслу, а в реальности все пошло не так: вы-то думали, что у вас отличный план, но не ожидали, что она расплачется, не думали, что так отреагирует?

- Ну да. Потом я с этим самым сочувствием уже справлялся.

Иначе говоря, Кондро научился эмоционально отсоединяться от своих жертв, чтобы их мольбы и страдания не останавливали его перед воплощением задуманного.

- Она что сделала? Заявила в полицию или как?

- Нуда. За это меня судили, но адвокат отмазал.

А в результате как минимум две маленькие девочки лишились жизни.

13. «Это было просто удобно»

Закончив с детством и юностью Кондро, мы перешли к вопросу, который интересовал меня прежде всего: почему он похищал и убивал детей своих хороших знакомых? Для такого ушлого преступника это выглядело крайне рискованным.

С этим вопросом был связан и другой, скорее, чисто психологический: почему он выбирал жертв предподрост- кового

возраста? Мое чутье подсказывало, что из-за ощущения собственной неполноценности его тянуло к жертвам, с которыми можно было чувствовать себя на равных. Менее серьезные проявления этого знакомы всем. К примеру, старшеклассник, который водит компанию с детьми, поскольку они, в отличие от сверстников, смотрят на него снизу вверх.

- Почему вашей целью были дети? Почему именно ребенок, а не, скажем, восемнадцатилетняя девушка? У вас было более чем достаточно времени, чтобы поразмыслить об этом. Что вы пытались получить от этого?

Ответ Кондро был ошеломляюще прост и прямолинеен:

- Я думаю, что это было просто удобно. Понимаете, дети ведь такие доверчивые и все такое, а я дружил с их семьями, ну и просто играл на их доверии.

- То есть они были, так сказать, просто легкой добычей?

- Ага, тогда это была легкая добыча.

По целому ряду психологических причин Джозеф с подросткового возраста отдавал предпочтение маленьким девочкам, и я считал, что это было прямо связано с его чувством собственной неполноценности. Однако главная причина выбора жертв предподросткового возраста заключалась в том, что они были легкой добычей. Девочка восьми или двенадцати лет не сможет сопротивляться также, как восемнадцатилетняя девушка.

Но ведь убивать он начал не сразу. И разве его не волновало то, что девочка, над которой он надругался, может рассказать об этом родителям?

- Нуда, было дело, я совратил одну, а она рассказала матери, мать на меня наехала, и... на этом всё. Мы поговорили, и она ушла. Я думал, что она в полицию пойдет, но нет. Она решила не заявлять.

Это признание стоит рассмотреть в увязке с рассказом Кондро о том, как он угрожал девочке двенадцати-тринадцати лет ножом на холме Соло. Тогда адвокат сумел его вытащить. Многие родители не хотят заявлять в полицию из страха перед оглаской факта надругательства над их ребенком и нежеланием травмировать его дачей показаний в открытом судебном заседании. Джозеф начал понимать «правила игры» и использовал их в собственных интересах.

- Как вы думаете, еще тогда, в детстве, можно ли было сделать что-то, что удержало бы вас от превращения в жестокого насильника? - спросил я.

Да нет, думаю, что в основном все это у нас, насильников, в генах, передается по семейной линии, так сказать. Еще один мой родственник сидит в другой тюрьме на другом конце страны. Тоже за педофилию. Так что я действительно считаю, что власти должны за этим внимательно присматривать, все равно как за алкоголизмом или наркоманией. Потому что это все наука, это наши гены.

Может показаться, что Кондро был в высшей степени аналитичен и благороден, рассматривая себя лишь в качестве части масштабной проблемы. Но, по сути, это было лишь очередной попыткой уйти отличной ответственности за свои преступления. Это похоже на алкоголизм или наркоманию, это все наследственность: «Я родился насильником и убийцей, сделать с этим ничего не могу, так что пусть власти привлекают науку и решают, что с этим делать».

Полная ерунда. Состояние опьянения не освобождает алкоголика от ответственности за избиение жены или наезда на пешехода. Ни Кондро, ни кого-либо другого никто не заставлял насиловать и убивать, пусть даже и при наличии сильной тяги к этому. Была бы эта тяга настолько непреодолимой, он не был бы настолько озабочен наиболее «удобным» способом совершения своих преступлений и заметанием следов. Все это делалось вполне сознательно.

Эту идею опровергла и Кортни - дочка Кондро, с которой мы побеседовали. Если бы такое поведение было обусловлено генетикой, то и она ощущала бы точно такую же потребность убивать, как отец. Однако, по словам Кортни, она никогда в жизни не испытывала ни малейшего желания причинить кому-либо вред. Она также сочла деяния своего отца умышленными, а не вынужденными.

Я продолжил тему, задав Джозефу такой вопрос:

- Вы хотите сказать, что не вполне способны контролировать себя, что вы в определенной степени зависимы?

-Да, я очень зависим, прямо вот сейчас вынь да положь, понимаете?

- Прямо сейчас? Даже здесь? А как?

Поняв, что может вывернуться и на чем я его ловлю, он обычно начинал переиначивать сказанное:

- Ну, не знаю. Может, это и не совсем зависимость, может, это просто такая увлекающаяся натура. Ну, вы понимаете. В тюрьме же делать нечего. Приходится сидеть и как-то проводить свой срок. И большинство людей усиленно наводят чистоту в своих камерах, либо обучаются, либо спортом занимаются, либо, например...

- А что делаете вы?

- Ну, я очень много занимаюсь порядком и чистотой в камере. Я точно такой же, как и все остальные. Люблю, чтобы в камере у меня было чистенько.

Прежде всего он не был ровней всем остальным заключенным. Как педофил и убийца, он находился в самом низу неофициальной тюремной иерархии. Далее, в заключении он утратил контроль над собственной жизнью и был разочарован невозможностью воплощать свои фантазии и впредь. Единственным способом хоть как-то управлять своей жизнью было выполнение обсессивно-компульсивных действий вроде уборки собственной камеры. Это была единственная область жизни, над которой у него и других заключенных оставался хоть какой-то конт- роль.

Я подумал также, что это может быть ключом к его мышлению в моменты совершения преступлений:

Вам не кажется, что в определенные моменты жизни, когда вы чувствовали, что не контролируете происходящее, скажем, в личной жизни или в работе, это [преступление] было единственным способом самоутвердиться, совершить нечто, в чем вы хозяин положения?

Он повелся и переложил ответственность за свои действия на других:

- Отчасти. Я понял, что слишком многие из моего окружения пытались меня контролировать. То есть все мои подруги хотели, чтобы я изменился, мать хотела, чтобы я изменился, отец хотел, чтобы я изменился, все друзья считали, что я должен измениться. Понимаете, я же был алкоголиком и наркоманом и измывался над всеми вокруг.

И вновь могло показаться, что Кондро что-то осознал и признаёт ответственность за свои измывательства над окружающими. Но в действительности заключенный считал, что он ни при чем. Вместо того чтобы задуматься над тем, почему все знакомые хотят, чтобы он изменился, и счесть это разумным пожеланием, Джозеф видел в этом попытки контроля извне. Чтобы избавится от этого гнета, мужчина пил

и принимал наркотики, что, помимо прочего, помогало ему снять внутренние ограничения перед совершением преступлений. Это также свидетельствовало о его нарциссизме и отсутствии сострадания к кому-либо, кроме самого себя. И не только это - злоба опьяняла его. Кондро был переполнен злостью на окружающий мир, поэтому не испытывал сочувствия или сострадания к жертвам своих преступлений, считая подлинной жертвой себя самого.

Деннис Рейдер рассказывал мне, что его эпопея с СПУ началась из-за потери работы: «Это все потому, что меня сократили. У меня не было ни сексуальных проблем с женой, ни финансовых проблем. Все только из-за сокращения. Я считал это несправедливым. Мне очень нравилась та работа».

Мне было очень интересно проанализировать это высказывание. С одной стороны, невозможно представить, чтобы увольнение по сокращению заставило здравомыслящего человека терроризировать, пытать и в конечном итоге убить семью из четырех человек, да еще и хвастаться этим впоследствии. Это не более чем попытка смягчить свою ответственность за содеянное. Впрочем, с другой стороны, это говорит многое и о психологическом складе Рейдера, и здесь я не имею в виду практическое воплощение его давнего интереса к связыванию и пыткам женщин. Это проявление глубоко укоренившегося нарциссизма, реакция на допущенную по отношению к *нему* несправедливость. И для него не имело никакого значения, что содеянное им с его жертвами было ни в коей мере не сопоставимо с несправедливым отношением к нему самому.

У Денниса Рейдера была жена, двое детей и государственная должность. В свое время он был вожатым бойскаутов и церковным старостой. Но воплощение наяву фантазий о связывании и пытках составляло куда более важную часть его жизни.

При одинаковой омерзительности их садистских фантазий, различие между почерком и образом действий Кондро и Рейдера налицо. Кондро хотел насиловать и убивать с минимальными затратами усилий на преодоление сопротивления жертвы. Высшим наслаждением для Рейдера было наблюдать за своими жертвами, понимающими, что их ждет смерть от его руки. В отличие от большинства садистов, ему было неинтересно причинять боль связанным женщинам с кляпом во рту. Ему нравилась властвовать над

жизнью своей жертвы и сознавать, что она предчувствует свою смерть. Жертвы Рейдера были главными действующими лицами его чудовищных спектаклей. А для Кондро они были не более чем реквизитом, от которого следовало избавиться по окончании представления.

Я знал, что Рейдер, как и Кондро, начинал с живодерства, и напрямую спросил его об этом: «Расскажите мне о животных, Деннис».

Помрачнев, он ответил: «Понимаю, к чему вы клоните». Ну, конечно, понимал. Рейдер читал наши книги и знал, что наряду с энурезом и пироманией живодерство является элементом склонности к человекоубийству. «Но я животных никогда не убивал. Я на такое не способен». Это показалось мне интересным: он практически похвалялся тем, что творил с людьми, но признаться в жестоком обращении со зверушками ему было слишком стыдно.

На самом деле это высказывание демонстрирует то единственное, что роднит всех без исключения маньяков и серийных убийц: другие люди не имеют значения, они никто, и прав у них никаких нет. Эта крайняя форма социопатии играет определяющую роль во взаимодействии с окружающим миром таких, как Джозеф Кондро или Деннис Рейдер.

Настало время поговорить с Кондро о Риме Трэкслер.

- Ну, с Расти, отчимом Римы, я был знаком еще со школы, - начал Кондро. - А потом как-то в баре Расти познакомил меня с Дэнелл, и мы стали общаться. Ну, с Расти-то мы дружили давным-давно. Я еще работал на местном металлургическом, и тут вдруг снова натыкаюсь на Расти, оказывается, он вернулся с какого-то подряда в Неваде. Ну, и мы снова затусовались.

Наверное, первое впечатление от этого рассказа - его совершенно прозаичный, едва ли не банальный характер. А потом ты вспоминаешь, что Кондро убил приемную дочь этого самого «давнего друга», и вновь осознаешь жестокую реальность: маньяки могут походить на обычных людей своим видом, речью и поведением, но мыслят иначе. Они руководствуются совершенно другой логикой.

Если вышеприведенное высказывание Кондро описывало, казалось бы, самую обыденную жизнь, то следующее наглядно

показывает, как на самом деле были устроены будни Джозефа и его социального круга:

- Ну, в то время мы веселились вовсю, употребляли наркоту и выпивку в гигантских количествах. Сидели в основном на кокаине. Расти то ли с работы выгнали, то ли Дэнелл его выставила, так что он жил на пособие по безработице на съемной хате какой-то. Денег на аренду ему не хватало, так он, это, меня спрашивает, можно ли у меня пожить, ну я и говорю: «Без проблем, можешь переехать ко мне». Я-то в то время крутил с моей бывшей женой Джули, так что дома практически не бывал. А потом как-то раз мы с ним разговорились, и он рассказал про этот пароль, который они придумали для Римы.

- Как звучал этот пароль?

- «Единорог». И вот однажды я еду и вижу, как она по улице идет, ну, я заехал в магазин, выхожу оттуда, а она все еще идет. Я подъехал к ней, чисто на порыве каком-то, и посадил к себе в машину.

Это не было порывом. Они мимолетны и случаются внезапно. Это было влечение, которое он испытывал всегда. Это был удобный случай совершить преступление.

- Так вы сказали ей пароль?

- Ну да, а как же? Сказал пароль, она села. Села ко мне в машину, и я поехал в сторону речки Джермани. Обратите внимание, насколько буднично Кондро описывает детали совершения преступления.

В любой беседе с убийцей мы всегда подходим к этому.

-А что случилось в тот день, Джо? Что это был за стресс, что послужило толчком к тому, что вы решили: «Ага, сейчас я это сделаю, и именно с этим ребенком, Римой»?

- Ну, это, я сосредоточился на Риме, потому что прежде всего она мне доверяла, а я в тот период тянулся к молоденьким девочкам. Так что по поводу нее я решил, а тут Расти мне выдает пароль. Ну, я же рассказываю, еду в магазин, на обратном пути вижу ее идущей по улице, говорю ей пароль, и она прыгает ко мне в машину. Значит, привез ее к своему дому, велел ей посидеть в машине, сам зашел, позвонил на работу и сказал, что сегодня не выйду. Потом отвез ее на речку Джермани, изнасиловал и убил.

- Набросились на нее прямо в машине или уже выйдя из авто?

- Я привел ее к старой купальне, про которую знал, а она так стоит и смотрит на речку, речка-то быстрая. Ну, она смотрит-смотрит на все

это, тут я бью ее с правой в голову и вырубаю. Потом изнасиловал ее. Когда насиловал, она начала приходить в сознание, так что я стал ее душить.

- Душили руками?

- Ага.

- Сзади или лицом к лицу?

- Лицом к лицу.

По тому, как преступник душит жертву, которую действительно хочет убить, можно определить, испытывал ли он хоть какое-то сомнение, моральное замешательство или сочувствие. В данном случае ничего этого не было. Кондро и Рима были лицом к лицу. Она верила этому человеку, а он без малейших колебаний душил ее, глядя прямо в глаза. Я ставлю себя на место жертвы и понимаю, что последним, что видела в свое жизни эта девочка, был человек, которому она доверила свою жизнь и который сейчас отнимает ее без всякого сожаления.

- Трудно ли было делать это, глядя прямо на нее? Может быть, потом вспоминать об этом было тяжело? - спросил я.

Похоже, ни капельки.

- В тот момент я был... это... очень увлечен. Я же решил, что убью ее, еще задолго до того, как она вообще про это поняла, еще как только она ко мне в машину села.

- Вы не говорили между собой, ничего в этом роде? Девочка так и не поняла, что с ней произошло? То есть вы привели ее в бессознательное состояние и совершили с ней половой акт уже после смерти? - уточнил я.

Он поправил меня, детально описав ход изнасилования Римы. И делал преступник это настолько легко и просто, как будто рассказывал о процессе замены спущенного автомобильного колеса. Да, Кондро ударил ее достаточно сильно, чтобы оглушить, после чего начал совершать половой акт. Придушил ее и все еще насиловал, когда девочка пришла в сознание и попыталась глотнуть воздуха. Тогда убийца перетащил ее к ручью и сунул головой в воду. Но когда вытащил ее голову из-под воды, Рима была все еще жива и ловила ртом воздух. Поэтому Кондро схватил булыжник размером со свой кулак и бил ее по голове, пока не забил до смерти.

Слушая все это, я старался сохранять бесстрастный вид. Но внутри меня все кипело, и я думал лишь одно: «Уж кто-кто, а этот точно заслуживает смертной казни».

Этот рассказ потрясает не только мерзостью и порочностью сотворенного Джозефом Кондро, но и тем, как он отнесся к своему деянию и к девочке. По-своему убийца был настолько же жесток и нарциссичен, как Рейдер, хотя и не получал сексуального удовлетворения при виде предсмертного ужаса своих жертв. К мукам тех, кто знал его и доверился ему, преступник был совершенно безразличен и равнодушен.

Хотя эти признания были слишком откровенными для телепередачи, мне удалось привести Кондро в состояние, в котором он, как и Макгоуэн, заново пережил свое преступление. Никогда прежде убийца не описывал содеянное настолько детально. Очевидно, нисколько не смущенный присутствием надзирателей и телевизионщиков, Кондро показал свою истинную сущность, стремление получать желаемое, невзирая ни на какие последствия для окружающих.

В большинстве случаев убийцам-маньякам, в особенности садистам (получающим основное эмоциональное удовлетворение от причинения физических или моральных страданий беззащитным людям), нужно деперсонифи- цировать своих жертв, чтобы относиться к ним просто как к объектам. В случае Кондро это явно было не так. Он хорошо знал Риму и давно дружил и с ее отчимом, и с мамой. Видел, как она росла, и понимал, что девочка ему доверяет. Джозеф не испытывал по отношению к ней никакого раздражения и никак не мог деперсонифицировать ее в обычном смысле этого слова. И тем не менее он решился на ее изнасилование и убийство и проделал это с очевидной бесстрастностью и методичностью. Именно в этом состояла для меня уникальность Кондро, и именно поэтому мне нужно было разобраться в нем.

Некоторые склонные к агрессии личности тоже убивают своих знакомых и близких, но в таких случаях обычно бывают налицо отличная, по сравнению со случаем Джозефа Кондро, психодинамика и иная поведенческая картина преступления. Преступником, убивающим близкого человека, как правило, движут сильные субъективные чув- ства. Это могут быть, например, жажда мести в связи с

предполагаемым предательством или ярость и злость, вызванные ревностью. Это знакомо нам по делу О. Дж. Симпсона в связи с убийством его бывшей жены Николь и ее бойфренда Рональда Голдмана. В подобных случаях, как правило, имеют место поведенческие «переборы» - чрезмерная жестокость, превышающая необходимую для причинения жертве смерти. Типичным свидетельством таковых являются множественные колотые раны в области шеи или груди, а также сильно поврежденное лицо. Это убийство, главной целью которого является движимое яростью наказание. Рон Голдман просто оказался в ненужном месте и в нежелательное время. Единственной целью Симпсона в отношении него была нейтрализация неожиданной угрозы. Единственной целью жестокого наказания была Николь.

В случае убийства Римы Трэкслер все было не так. Кондро не держал на нее зла. У него не было причин наказывать девочку или ее родителей. Он ни разу не выказал какой-либо неприязни к ней. Джозеф просто решил так поступить: момент был удобный, сделать это было просто, удовлетворение и развлечение были гарантированы. Преступник решил изнасиловать ее, а сделать это было проще в отсутствие сопротивления с ее стороны. Ну а после нужно было убить, чтобы все сошло с рук. Если жертва погибнет от удушения, отлично. Если нет, есть вариант прибить ее булыжником. Спокойствием и хладнокровием исполнения это походило на забой коров на скотобойне.

- Как вы избавлялись от тела?

Это еще один вопрос, которому я всегда придаю большое значение.

- Ну, мне нужно было поторапливаться. Я не пошел копать яму или чего-то такое, как некоторые другие убийцы, а просто оттащил ее к большому бревну над обрывом, закинул за него и присыпал ветками папоротника. Как можно лучше замаскировал это место и уехал. Всю ее одежду я забрал с собой и выбросил в реку с моста неподалеку.

Такая небрежность в сокрытии следов преступления говорила о том, что Кондро, скорее всего, находился под воздействием наркотика или алкоголя. Из полицейских протоколов опросов его друзей и знакомых мы знали, что он говорил, что главное для убийцы - не дать возможности обнаружить труп своей жертвы. В данном случае спешка

и неосторожность легко могли привести к его поимке. Ему просто очень повезло, что этого не случилось.

Об этом убийца сказал мне и сам:

- Это меня реально поразило, ведь труп же воняет, когда разлагается. А это была довольно популярная купальня. Удивляюсь, что никто ее не обнаружил.

Для подавляющего большинства людей такое выглядит просто непостижимым. В своей знаменитой и неоднозначной книге «Эйхман в Иерусалиме» философ Ханна Арендт писала о «банальности зла» нацистов. Здесь, прямо передо мной, был идеальный образчик этой фразы. Я спросил Кондро:

- Итак, после убийства вы вернулись домой. И что, мать девочки действительно обращалась к вам за помощью?

- Нуда. Я приехал обратно к своей подружке, вовремя приехал. Она ужин готовила, а мне еще нужно было сделать пару дел по дому. Тут... это... наверно, в шесть вечера, уже темно было, в дверь стучат. Это была Дэнелл. Спрашивает, не заходила ли Рима к нам. Мы говорим, что нет, не заходила. Она в слезы и звонит в полицию с моего сотового. А моя тогдашняя подружка говорит мне: «Езжай с ней, проследи, чтобы с ней ничего не случилось». И мы сразу поехали еще к одним людям, она тоже их спросила, потом сели обратно в машину и поехали к дому Расти. А там, у Расти, кругом копы, дом вверх дном переворачивают. Они решили, что это он виноват в пропаже девочки.

Его близкий друг стал главным подозреваемым, что очень устраивало Кондро. Ведь в центре внимания оказался не он. Хотя, наверное, полицейские оставили Джо без внимания прежде всего потому, что он помогал матери жертвы.

- А на вас они выходили, опрашивали вас?

- -Да нет, они вроде тогда вообще со мной не говорили. Они и эта репортерша, как ее, Лиза Снелл, все говорили с Расти, его в полиции допрашивали несколько раз, а он еще и детектор лжи провалил...

В том числе и из-за подобных примеров я не придаю большого значения обследованиям на полиграфе. Они в большинстве случаев бесполезны с подозреваемыми, у которых уже есть криминальное прошлое и которые в данный момент могут быть причастны к другим злодеяниям. В их искаженном сознании преступление может выглядеть полностью оправданным. Или, как говорили мне некоторые

серийные убийцы, если ты способен успешно лгать полиции, то разве трудно обмануть какой-то ящик с проводами?

- Они так и не нашли ни тела, ни всего такого и типа просто затихли со временем.

- Вы вообще не думали, что вас поймают? Вы были вполне уверены, что вас не поймают?

- Я был вполне уверен, что меня не поймают.

- Почему так?

- Потому что они сосредоточились на Расти, а я такой типа, ну и ладно.

- Вы когда-нибудь возвращались на место, чтобы убедиться, что труп все еще хорошо замаскирован?

- Нет.

- Вообще никогда?

- Нет, возвращаться никак нельзя.

При подготовке психологического портрета подозреваемого мы обращаем внимание на наличие свидетельств его возвращений к местам совершения преступлений. Это может сказать очень многое о поведенческих особенностях убийцы.

Есть две главные причины, по которым преступники возвращаются: одна чисто психологическая, а другая практическая. В первом случае убийца хочет вновь пережить эмоции, испытанные в процессе совершения злодеяния. Мы убедились, что немалое число преступников возвращается к телу жертвы, чтобы помастурбировать. Среди них попадаются настоящие некрофилы - одним из таких был Тед Банди. Понятно, что Кондро не попадал в эту категорию: покончив с жертвой, он спокойно возвращался к своим обычным занятиям. Во втором случае преступник хочет лишний раз убедиться, что хорошо спрятал труп. Было совершенно очевидно, что этот тип поведения то-же чужд Джозефу. Он явно считал, что таким образом увеличил бы шансы на свою поимку. Но почему? Почему Кондро мыслил иначе, чем любой другой преступник, не желающий быть разоблаченным?

Потому что он и так был связан со своей жертвой. В отличие от других маньяков, Джозеф понимал, что уже находится в круге подозреваемых и за его перемещениями могут следить. Кондро беспокоился, что «несколько поспешил» после убийства Римы, но

решил оставить все как есть после того, как полиция сосредоточила внимание на Расти.

То, что останки Римы так и не обнаружили даже после того, как Кондро согласился помочь с их поисками, удивительно. Но это безусловно сработало в его пользу, в отличие от родственников погибшей, которые страдают от этого и по сей день.

Ее мать продолжает лелеять надежду, что ее дочь жива, и даже после вашего признания. Она думает, что раз тело так и не нашли, то, может быть, девочка все же жива. Но ведь на самом деле надеяться ей не на что?

- Нет, не на что. Когда я прятал тело, она была мертва.

- Что бы вы сказали ее матери, будь у вас такая возможность?

Затрудняюсь с ответом. Не знаю, что бы я мог сказать. А вы что скажете человеку, который типа идет и детей убивает? Тут и говорить на самом деле не о чем. То есть такие дела сами за себя говорят.

«Жертвы были и в промежутках»

Джозеф Кондро был осужден за два убийства, совершенные в 1985-м и в 1996-м годах. Зная, что представляют собой сексуальные маньяки, я сильно сомневался, что в одиннадцатилетнем промежутке между этими преступлениями он просто затаился.

Я вспомнил о его сравнении себя с аллигатором, который залегает на дно до тех пор, пока не проголодается, и спросил:

- И вы действительно могли удерживаться так долго? Обычно этому помогают какие-то фантазии. Ну, скажем, вновь и вновь мысленно возвращаться к совершенному преступлению?

- Отчасти да. Но я вам прямо скажу-жертвы были и в промежутке. Ну, то есть были изнасилования, о которых никто никогда не заявлял.

И вновь это было сказано совершенно ровным, будничным тоном.

-Хорошо, что вы об этом сказали. Изучив ваше дело, я сразу сказал: «Не может быть, чтобы он вновь не принимался за свое на протяжении этих десяти с лишним лет». Некоторые из тех, с кем мне доводилось беседовать, хранили какие-то реликвии - вещи жертв или газетные вырезки. Но подобного рода маниакальность требует разрядки. То есть были и другие случаи, и о них никто не заявлял?

-Да, полно.

- И жертвы всегда были вашими хорошими знакомыми?

- Да нет, я же говорил, я в те времена постоянно отрывался на разных гулянках. Ну а на них всегда были девочки, лет пятнадцати-четырнадцати, может, тринадцати. Вот на гулянках на этих все и происходило, и это были такие доступные тусовщицы.

- А почему же вы не убивали своих жертв?

- Наверное, считал, что еще не закончил с ними.

- А что еще вам от них было нужно?

- Просто продолжать с ними в том же духе и дальше.

- Оставлять их в живых на какое-то время. Это что, было частью определенной фантазии? Какая обстановка была для вас идеальной? Чтобы разыграть всю фантазию полностью с учетом места, времени и всего остального?

- Я фантазировал только об убийствах, то есть об изнасиловании и убийстве своей жертвы. В этом и состояла вся фантазия. Понимаете, мои убийства, они были как бы венцом всего. Я же и в прошлом типа приставал к детям и все такое, а не убивал их, наверное, потому что жалел.

Но далее было сказано так:

- По мне, так это была не какая-то там фантазия. Когда я был на воле, видел в этом деле - понимаете, о чем я, - часть жизни. Часть моего образа жизни.

Специфической особенностью Кондро был выбор жертв из числа хорошо знакомых ему девочек. Однако во всем остальном он соответствовал типажу агрессивного маньяка, то есть личности, постоянно жаждущей особого рода ощущений. Поэтому, если четыре изнасилования и два убийства были его единственными преступлениями, он заслуживал отдельного места в нашей типологии лиц, склонных к насилию. В то же время, если в промежутках между случаями, за которые он был осужден, Кондро совершал другие подобного рода преступления, оставшиеся нераскрытыми, это соответствовало нашим знаниям о сексуальных маньяках такого типа. В общем, получить ответ на этот вопрос было очень важно.

- Согласно полицейским отчетам, вас подозревают еще не менее чем в семидесяти случаях растления детей, возможно, даже и со смертельными исходами. Что вам известно об этом?

- Только то, что я читал.

-То есть это преувеличение? Семьдесят случаев, в которых вас подозревают, это перебор?

- Не могу ответить на этот вопрос.

- Не хотите или именно не можете?

- Не хочу на него отвечать, ага.

Ну да, потому что это могло бы привести к смертному приговору. Ответ на свой вопрос я таким образом получил. Кондро был не из тех, кто из тщеславия берет на себя больше покушений или убийств, чем было на самом деле. Убийство для него было делом чересчур обыденным, чтобы повышать свой статус таким образом. Так что прямо он не ответил, именно потому что ему было о чем рассказать.

Я спросил, случалось ли ему вступать в связь с женщиной ради возможности получить доступ к ее маленькой дочке. К сожалению, это характерно для определенного типа сексуальных маньяков. К его отрицательному ответу я отнесся крайне скептически. При этом на протяжении всей нашей беседы меня не покидало ощущение, что он действительно не склонен брать на себя ответственность за что-либо. Преступления Кондро совершал, потому что некомпетентные полицейские были неспособны его поймать. Смертного приговора убийца избежал, потому что семьи жертв пошли на досудебное соглашение. В его понимании, все всегда шло от других. Даже пароль Трэкслеров для Римы - они его сами дали, Джозеф их об этом не просил. Но раз уж его дали, он не постеснялся воспользоваться этим во зло.

- Короче, в моем случае они разрешили сделку со следствием. Мне по всему полагался смертный приговор, да и прокурор вел дело к смертному. Так они обратились к семьям, и когда расследование закончилось, я заключил сделку. И это ведь решили семьи. К ним прокурорские обратились, они и обсудили тему. Понимаете, я считаю, это несправедливо. Нельзя было разрешать мне сделку.

Понимаете, что я имел в виду выше?

- Нужно было дать мне смертный приговор. Я считаю, за такие преступления я должен был умереть, понимаете? И уж не знаю, просто мне кажется, что это всяко несправедливо к моим жертвам. Они мертвы, а я живой. Они в могилах своих переворачиваются. Одну так вообще до сих пор не нашли, и вот я думаю, знаете что? Хоть они и пытались сделать хорошее дело и найти останки Римы Трэкслер, на

самом-то деле все равно исходили из интересов Дэнелл, а я честно думаю, что это неправильно. Несправедливо это. Они предали своих детишек.

А я честно думаю, что это неправильно. Просто невероятно! За долгие годы я научился не показывать свои истинные чувства, сдерживаться, но иногда бывает трудно себя контролировать, услышав подобное. Ведь он сам пошел на досудебную сделку, которая спасла ему жизнь. Не было ничего проще, чем отреагировать на это так, как хотелось бы телевизионным начальникам. Но это было бы совершенно контрпродуктивно.

А Кондро продолжал бойко морализировать:

- Понимаете, если бы убили моего ребенка, я бы настаивал на смертной казни. Никогда не попросил бы прокурора договариваться о сделке с этим человеком. Такое мне и в голову не пришло бы. Типа убейте его, сотрите с лица земли.

В этот момент я едва удержался, чтобы не спросить, а почему он просто не признался в убийстве, караемом смертной казнью? Ведь это соответствовало бы его понятиям о справедливости. Но я решил, что будет лучше просто позволить ему говорить и дальше.

Дослушав до конца причитания о том, как несправедливо было предложенное ему досудебное соглашение по отношению к жертвам, я спросил:

- Так вы согласились на досудебное не потому, что хотели избежать смертного приговора? Разве не по этой причине?

-Да мне про досудебное вообще никто не говорил. Я сам до этой идеи додумался.

И как же его шокировало, что это предложение приняли!

- Вы боялись умереть?

- Нет, знаете, сейчас я смерти не боюсь.

Ну разумеется, раз смертная казнь на повестке дня уже не стоит.

- Вы беспокоились... Вы не хотели, чтобы ваши дети выступали в суде?

Я задал этот вопрос, понимая, что досудебное соглашение он заключал вне какой-либо связи с его собственными детьми. Возможно, конечно, что его волновало собственное представление о себе как об отце, но папашей с журнальной обложки он точно не был.

- Ну да, это меня действительно напрягало, они ведь были свидетелями обвинения. И я чем больше обо всем об этом думал, тем больше понимал, что не хочу, чтобы мои дети выступали в суде. Они же были тогда совсем юными - четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, типа того. И мне не хотелось, чтобы они выступали свидетелями обвинения и рассказывали о том, что было тем утром, а потом всю жизнь думали: «Ох, блин, а может, это из-за моих показаний папе смертный приговор дали». И всякое такое. Я просто не хотел впутывать во все это своих детишек, понимаете?

Он и возрастов-то их толком не помнил. Еще ему надоело дожидаться в окружной тюрьме, пока следствие соберет все доказательства и решит, что с ним делать.

- Я просто устал чалиться в окружной тюрьме. Я просидел в ней незнамо сколько. Двадцать восемь месяцев что ли. И все в одиночке, между прочим, потому что к остальным зэкам меня не подпускали. Ведь и тюремщики, и сидельцы - все хотели меня убить. Так что я просто хотел покончить с этими мучениями.

Несмотря на то что по соглашению Кондро должен был указать место, где оставил труп Римы, найти его он не смог.

-Да это было лет тринадцать или четырнадцать тому назад, а речка-то за это время столько же раз поднималась и опускалась. Я сам там вырос, и то не был уверен по поводу места, пока не начал узнавать ориентиры. Сначала набросал им картинку местности, где это было, и следователь с полицейскими пошли с ней по окрестным жителям, а те уже указали, где была та купальня. Ну и когда меня туда доставили, я стал узнавать ориентиры и все такое. Был в полной уверенности, что это именно то место.

Казалось, будто он чувствует большую вину за свою неспособность обнаружить останки, чем за изнасилование и убийство как таковые.

За долгие годы изучения серийных убийц я выяснил, что очень и очень многие из них неестественно зациклены на своих матерях. Обычно это явление носит негативный характер, каку Кемпера, иногда - позитивный. Или же налицо сложное сочетание и того, и другого, каку Макгоуэна. Я хотел убедиться, насколько повлияла на Кондро его мать и испытывал ли он к ней больше чувств, чем к другим людям из

своего окружения. Я попросил Джозефа рассказать о смерти матери, случившейся примерно в одно время с убийством Кары Радд.

-Да, мамина смерть была огромной потерей для нас с отчимом, - согласился он. - После смерти мамы он расклеился до такой степени, что мне пришлось отправить его в приют.

- Совсем опустился?

- Ну да, потом приехал его брат, и мы решили, что лучше всего будет продать дом, и так далее, поскольку сам я жить там уже не хотел. Жил-то я у них, потому что у отца диабет был, а мама болела и просила меня помогать, так что...

Я хотел убедиться, что могу вывести его на эмоции. По поводу своих преступлений или обманутого доверия друзей он особых чувств точно не испытывал.

- Вы правда любили свою мать?

- О да, очень любил, ага.

- И это был сокрушительный удар?

- Да, это все было очень болезненно. Это ведь я ее нашел, ну и позвонил одной подруге. Она приезжает, а я типа вообще не представляю, что надо делать. Я такой: «Ты же знаешь, что надо делать? Наверное, в полицию звонить, пусть приедут?» А она говорит: «Нет уж, я сама всем этим займусь». Ну и всем занялась: вызвали коронера, так что полиция знала, что она при смерти, а на следующее утро я к ней приехал, а она уже умерла.

- Судя по тому, что я читал, она была замечательной женщиной.

- Прекрасной, да. У нее была масса друзей.

- Это сильно подкосило вас эмоционально?

-Да,так. Это меня эмоционально подкосило.

Я подумал было, что наконец достучался до него, но его слова и тон очень сильно противоречили друг другу. Мне стало понятно, что он *изображает* эмоции, а не *испытывает* их. Потом Кондро мгновенно переключился:

- Но, знаете, я-то остался жить. Мне нужно было налаживать собственную жизнь. А крыши над головой-то у меня и не было. Дженет и Батч предложили пожить у них. Я получил деньги [по завещанию матери], и это была целая куча, а они предложили пожить с ними вместе, ну и...

Было совершенно очевидно, что серьезной эмоциональной привязанности этот человек не испытывал ни к кому. И это в том числе объясняло ту легкость, с которой он убивал.

- Вы быстро промотали эти деньги?

- Ну да, купил пару машин и кое-какое малярное оборудование. Я тогда типа маляркой занимался: жилые дома, всякое такое.

-А еще?

-А еще навалом наркотиков и алкоголя.

- Наркотики и алкоголь. Теперь вернемся к тому самому аллигатору. Похоже, наступило «время кормежки». Как вы думаете? Все сошлось, все вас провоцировало? То есть очень многое: депрессия, вы злитесь, а тут ваши друзья -живут вместе, тут же их дочка. Вы пьете и сидите на наркотиках, может, это и стало причиной вашего преступления, что скажете?

- Не стану валить все содеянное мной на наркотики и алкоголь. Я же только так, типа для развлечения. Но, думаю, если забраться поглубже, то убийство Кары Радд было больше, чем-то вроде мести, чем воплощением моих фантазий. Отчасти и этим, конечно, но, знаете, я просто хотел отомстить.

- Расскажите мне о мести.

- Про меня много чего рассказывали в телефонных разговорах, а тут Дженет в один прекрасный день ни с того ни с сего меня из дому выставила. Я решил, что это из-за Кары, и думаю: «Ну, ребята, я для вас столько всего сделал, машину вам купил и кучу всего другого, а вы меня вот так из дому вышвыриваете». Теперь-то мне понятно, это я в оправдание Дженет говорю, короче, понятно, что я тогда пошел вразнос. Сам я этого не замечал: я же был алкоголик, наркоман, все такое. Я просто веселился, но ее это достало. Достало все это так, что она решила меня выставить, да так и сделала. И вот тогда это превратилось в типа месть. Иду это я однажды и вижу: эти девочки по улице идут к городскому автобусу, чтобы в школу ехать, как всегда по утрам. Ну и предложил подбросить их до школы.

- Вы уже тогда были готовы напасть на них? Или так, тренировались?

- Ну, в тренировку это превратилось чуть позже. Привез я их к школе, высадил, все такое. Потом Никки заходит в школу, выходит, они там с подружками развлекаются, все дела, а потом девчонки говорят

мне, что хотят сегодня прогулять уроки. Ну, я привез их на речку, к тому заброшенному дому, и... Ну, в общем, это была типа тренировка. Потом, через час примерно, отвез их обратно в школу. Они прогуляли два первых урока. Но все было тихо, родителям из школы не позвонили, просто прогуляли уроки, и всё.

И опять-таки сам он никак не виноват в том, что его тогда ни в чем не уличили.

- И через сколько дней вы... ?

- Ох, точно не помню, может, через месяц или полтора.

Действительно, через полтора месяца, когда деньги у него кончились, а подруга выгнала из своего дома.

- И она ведь была привязана к вам, верно? Даже называла «дядей Джо», так?

- Нуда, я знал Кару довольно давно. Мы с ней даже в карты играли, я ей поддавался.

- Каким ребенком она была?

- Она была очень энергичной. Зверушек всяких домой любила таскать. Но еще и очень упрямой, если во что-то верила, то твердо стояла на своем. Отстаивала свои убеждения. Ценное такое качество для любого человека, понимаете?

Да, Кара воплощала собой все то, на что Кондро был неспособен.

-Такзначит, на преступление вы пошли из мести, чтобы причинить боль матери?

- Да, в итоге к этому все и свелось.

Он в очередной раз попытался рационально объяснить свои намерения задним числом. Дело было не в мести. Джозеф совершил бы преступление так или иначе, вне зависимости от ссоры с Дженет. И это Кондро уже продемонстрировал.

Стремление отомстить время от времени испытывают все, но большинству людей удается подавлять и контролировать такие порывы. Убийства из мести на самом деле обычно бывают разовыми, а не серийными. У них есть свои характерные особенности, в силу которых их относят к одной из двух категорий: наказание лица, которое убийца считает виновным в нанесении вреда или оскорблении, или же месть целому сообществу, как в случаях школьных стрелков. Однако сексуальные маньяки обычно не нуждаются в таком мотиве,

как месть. Как со всей очевидностью свидетельствует случай Кондро, они и так уже по уши увязли в собственных навязчивых идеях.

Для серийных убийц, утверждающих, что ими движет месть, обычно бывает характерна определенная форма эмоционального вымещения. У Ричарда Лоуренса Маркетта, с которым мы беседовали в тюрьме штата Орегон в Сейлеме, был неудачный опыт попытки знакомства с женщиной в баре. Решив, что его отвергают все, он приступил к мщению. Познакомившись с другой женщиной, он изнасиловал ее, задушил и расчленил труп в своей ванной комнате. Его приговорили к пожизненному, но в 1973 году, после 11 лет заключения, освободили условно-досрочно за примерное поведение. Я вспоминал об этом деле, когда обследовал Джо Макгоуэна.

Спустя два года после выхода на свободу Маркетт познакомился с женщиной в ночном клубе. Пригласил ее к себе в дом на колесах, стоявший неподалеку от заведения. Прежде чем приступить к изнасилованию своей жертвы, он надрезал себе головку полового члена.

«Зачем?» - спросил я.

Маркетт сказал, что хотел убедить себя в том, что причиной его боли является жертва. Я интерпретировал это как попытку оправдать свое преступление. После полового акта убийца задушил женщину и выдернул ей ногти плоскогубцами. Я внутренне приказывал себе расслабиться, дышать ровно и глубоко и не выказывать никаких признаков своего отвращения. Поверьте, это было очень непросто.

Хотя я не считал, что Кондро мыслил аналогичным образом, но решил продолжить в этом направлении, чтобы понять, к чему он придет.

- То есть вы решили что-то отобрать у матери, нечто, что ей очень дорого?

- Ага. Проснувшись тем утром, я понял, что сделаю. Полностью отдавал себе отчет в том, что хочу сделать, да, так что поехал к школе...

И он еще раз рассказал о своей встрече с двумя девочками.

Но потом, невзирая на собственные слова о том, что проснулся тем утром с пониманием, что именно будет делать, Кондро вернулся к своей первоначальной версии событий.

-Да это все случайно вышло. В машине она... это... спросила, не свожу ли я ее на свиноферму, чтобы она там типа поиграла с поросятами. Я ей говорю: если хочешь, ладно, тогда давай встретимся там-то, а сам поехал, взял себе кофейку и нарезал кружок побольше. Я прямо там решил: сядут ко мне в машину, убью обеих. Они же, Кара с Йоландой, были подружки не разлей вода, куда одна, туда и другая. Так что, если бы они обе сели тем утром ко мне в машину, это был бы последний день жизни для них обеих. А села ко мне в машину одна только Кара.

К этому моменту я уже понимал и его, и мотивы Кондро. Да, он злился на мать и отчима Кары за то, что они выставили его из своего дома. Да, он был закоренелым алкоголиком и наркоманом. И да, ему случалось конфликтовать непосредственно с Карой. Но главное - ему нравилось сексуально домогаться и насиловать юных девочек, и Кара была доступна для него так же, как когда-то Рима. Вся история жалкой жизни Джозефа наглядно показывала, что ничто в ней не было для него столь же важным, как удовлетворение своего извращенного желания самым простым и прямолинейным способом.

Действительно ли он проснулся тем утром с ясным пониманием, как именно отомстит Дженет и Батчу? Или это был спонтанный порыв при виде идущих по тротуару девочек? Не имеет значения, поскольку на самом деле Джозеф Кондро тщательно ничего не обдумывал. Он просто делал, что хотел, и не останавливался ни перед чем.

- Йоланда знала, что Кара поехала с вами, так ведь?

-Нуда.

На практике это означало еще более рискованное преступление.

Я спросил, о чем они разговаривали с Карой в машине.

-Да мы толком и не разговаривали. Я ее туда вез, ну и пообщались немного.

- Но она была довольна, да? Не понимала, что она в опасности?

- Нуда. Не понимала, что она... Я же говорил, что сыграл на... на доверии моей жертвы, а это ведь большое дело. Когда совершаешь такого рода преступления, нужно, чтобы тебе доверяли, а ты их завлекаешь, ну а потом... Она и не думала, что это ее последний день на этом свете. И еще голодная была, так что я пошел и купил ей позавтракать в магазинчике около того места, где совершил убийство. Заправил машину и поехал к заброшенному дому где ее и... это... убил.

Хоть я ко всему этому и привык, но тем не менее по-прежнему поражаюсь банальности зла этих людей. Дальше было еще хуже.

- Что было в самом начале? Что вы ей сказали? Может, стали раздевать?

-Да нет, она просто вышла из машины и забежала в дом типа играть и все такое. Ну, я за ней, мы оказались на втором этаже, тут я взял этот брус два на четыре и со всей силы огрел ее по голове, когда она отвернулась. Как бейсбольной битой. Она рухнула на колени и типа оцепенела. Я снова ее бить. Дал два раза по голове этим брусом, она и отключилась. А потом стал ее насиловать, на полдороге она очнулась, и в итоге я ее задушил.

- Зачем вам нужно было приводить жертву в бессознательное состояние?

- Да так типа проще. Так мне было проще.

- Не хотели слышать ее рыдания, вам не хотелось слышать ее рыдания и мольбы, да?

- Отчасти.

- Ведь когда жертва без сознания, это почти как мастурбация с безжизненным телом, так ведь?

- Не знаю. Если вы клоните...

Я точно знал, куда клоню.

- Вы сексуально надругались над ней анально, вагинально или как-то еще?

Ответ был мне известен из отчета судмедэксперта.

- Тут какая-то непонятка. Я ее изнасиловал, да, а судмедэксперт сказал, что только анально, а ведь это не так. С вещдоками, конечно, не поспоришь, но я изнасиловал ее вагинально.

С вещдоками не спорят, потому что они говорят правду. Он действительно изнасиловал ее анально, но, как и в другом случае, не захотел признать это. Потому что это не соответствовало его представлению о себе или впечатлению, которое он хотел производить на других.

Могущество, власть, возбуждение

Джо, расскажите мне о том, что чувствуете во время сексуального посягательства, изнасилования и убийства. Что вы испытывали?

На последнем этапе каждой тюремной беседы я стараюсь заставить исследуемого кратко рассказать о том, что происходило в его сознании непосредственно перед преступлением, во время его совершения и после него. С самого начала главной задачей наших исследований была увязка образа мыслей преступника с доказательствами, собранными на местах преступления и обнаружения тела, а также с его поведенческими особенностями, которые могут быть замечены окружающими в последующий период. Меня особенно интересует роль, которую играют фантазии. Если я правильно понял, в случае Кондро эта роль была довольно незначительной и уж точно намного меньшей, чем у тех, кто, подобно Рейдеру, жил этими фантазиями.

- По мне, это, наверное, были могущество, власть и возбуждение.

Это вполне стыковалось с моими впечатлениями.

- Ладно, так вы обычно не ощущали ничего такого, поэтому так нуждались в них?

- Ну да. Как я и говорил, это было мщение, такая типа месть. А что касается жертв, так это была полная власть над ними. Совершить такое убийство - полный кайф, по крайней мере, для меня точно. У меня адреналин просто зашкаливал.

Никакого планирования, надо было просто сделать то, чего хотелось. И возможность вновь вернуться к агрессии мысленно или с помощью разного рода реликвий была не нужна: дело сделано, и точка, потом нужно только труп спрятать. В отличие от подавляющего большинства известных мне сексуальных маньяков, Джозеф Кондро производил впечатление человека момента.

- Вы говорите, что, совершая преступление, ощущали приток адреналина. Но как вы при этом чувствовали себя физически и психологически? Ну, то есть хорошо вам было?

- Давайте я пример приведу. Когда я прятал Кару Радд, тот «фольксваген», под который я ее засунул, просто стоял на земле. А у меня так адреналин играл, что я перевернул машину и прислонил ее к дереву голыми руками в одиночку. А этим полицейским лебедки понадобились, чтобы отодвинуть машину и извлечь из-под нее труп. Я-то двигал ее голыми руками. Не вру, так и было. Вот столько в моем организме было адреналина в тот момент. Это как наркотик.

- А если бы вы попались мне на глаза сразу после преступления, то как бы выглядели? И как реагировали?

- Точно так же, как сейчас.

- Не были бы перевозбуждены? Не потели бы?

Подобно большинству исследованных мной сексуальных маньяков.

-Да нет, правда, нет. Со мной ничего такого не было, когда я убивал своих жертв. Был совершенно спокоен.

То есть, если бы я допрашивал вас в качестве следователя, вы бы не нервничали, не отводили взгляд, не потели? Считаете, что можете держать себя в руках на допросе?

- В случае Кары Радд так и было. Меня привели, допросили и отпустили.

Этот диалог сказал мне об осужденном очень многое. В отличие от впавшего в крайнее возбуждение даже при рассказе о совершенном им убийстве Джо Макгоуэна, Кондро был спокоен и владел собой. Я был готов держать пари, что его давление и пульс не сильно повышались, когда он говорил. По моим наблюдениям, да и по его собственному признанию, Кондро мог совершать сексуальные посягательства и убийства в ходе своего обычного дня, и это делало его крайне опасным, как и Макгоуэна, но по прямо противоположным эмоциональным причинам.

- Когда мы говорили по телефону, вы сказали, что вам нравилось планировать и обдумывать все это. Можете рассказать поподробнее?

- Хорошо. Планировать это - большое дело, потому что тоже вроде как возбуждает. Думаю, это фантазия и есть. На деле я не парюсь над каким-то планом, просто думаю об этом какое-то время, а потом все типа встает на свои места.

Заметьте, он отвечал в настоящем времени. Такого рода мысли во многом были частью его повседневной жизни.

- Ладно, а что вы делали после того, как убили Кару? Куда поехали?

- Ну, я завернул ее в одеяло, положил на переднее сиденье машины и повез к холму Соло. Собирался отвезти в другое место, но не знал, сколько времени это займет. Я уже припозднился, поэтому решил, что отвезу ее на вершину холма и там оставлю. Так и сделал, спрятал труп под «фольксвагеном».

- Зачем вы завернули ее в одеяло?

- Я не хотел никаких улик в своей машине, крови там или чего еще.

- А какие-то улики остались? Вы почистили салон машины после того?

- Да нет, машина была вполне чистой. Я просто салон протер.

- Оглядываясь назад, считаете, что сделали правильно, спрятав ее под тем «фольксвагеном»?

- На тот момент я посчитал это правильным решением. Мне нужно было избавиться от трупа, и это место было вполне подходящим. Может, если бы я отвез ее, куда планировал, ее бы и не нашли никогда.

- И вы отвезли ее в знакомое место, где чувствовали себя спокойно?

Преступники обычно тяготеют к своим зонам комфорта.

- Да, оно было мне знакомо.

- Но вам в любом случае нужно было обеспечить себе алиби. Вас же видели, и вы убили знакомую. И что вы сделали?

- Поехал по разным местам наниматься на работу.

- А как временной отрезок скрывали?

- Старался, чтобы те, с кем говорил, знали, сколько сейчас времени. Говорил типа: «Простите, что опоздал» - или просто обозначал разное время в разговорах с людьми. Но это не сработало.

- Ладно, а потом куда? Домой?

- Ну да. Но первым делом избавился от башмаков, рубашки и тому подобного.

- Зачем?

- Не хотел, чтобы меня вычислили по следам обуви. Так что разложил все это по помойным бакам в разных концах города, рубашку выкинул в грязную лужу у автомастерских. Потом поехал домой, переоделся, принял душ, постирался, а потом у меня было родительское... а, нет, не родительское собрание, просто надо было сына забрать и в школу отвезти. Так что заехал к Джули и забрал его.

Здесь представляла интерес множественность его сознания. После изнасилования и убийства юной девочки и старательного избавления от улик Кондро как ни в чем не бывало сосредоточился на подробностях, касающихся его собственного ребенка, пусть даже и

немного путался в них. Как сексуальный маньяк, Джозеф знал, что должен насиловать и убивать юных девочек. А как отец знал, что должен ходить на родительские собрания и вовремя отвозить ребенка в школу.

В целом он признал это в ходе последовавшего диалога.

- А вы вообще не говорили с родными жертвы?

- Да пару раз звонил, наверное. Но зато мне позвонила Дженет и давай обвинять в том, что я забрал ее дитя, все такое. Понятное дело, я это отрицал.

- Да, и ведь к тому же это было убийство из мести, поэтому...

- В тот момент мне было без разницы, что она там себе думает. Я покончил с этим делом, и, короче, всё. Просто занялся своими делами. И к этому не возвращался.

На этот раз осужденный даже не потрудился отреагировать на мою реплику про месть. Он знал, что месть никогда не была средоточием его мыслей.

И хотя подавляющему большинству людей будет наверняка трудно это понять, но подобная множественность личности свойственна очень многим из подобных Кондро персонажей. Надо успеть и девочку-подростка изнасиловать и убить, и на родительское собрание в школе сына вовремя приехать.

Владелец успешной чикагской строительной фирмы Джон Уэйн Гэйси-мл. был женат и воспитывал двух приемных дочерей. Он активно участвовал в общественно-политической жизни, был видным членом Демократической партии и даже попал на фото вместе с первой леди Розалин Картер. Мужчина приобрел известность своими выступлениями в костюме клоуна на уличных шествиях, благотворительных мероприятиях и в детских больницах. В свободное от этих многочисленных занятий время он изнасиловал и убил по меньшей мере тридцать три молодых человека. Трупы либо зарывал в подвале своего дома и на приусадебном участке, либо топил в реке Дес-Плейнс.

«Убийца с Грин-Ривер» Гэри Риджуэй, которого мы старались вычислить на протяжении большей части моей карьеры в ФБР, был женат и имел высокооплачиваемую работу. Серийный убийца британского происхождения Дэвид Расселл Уильямс служил в

канадских ВВС в чине полковника и был женат. Подобные маньяки спокойно живут в двух разных психических плоскостях.

Именно это отличает преступника-социопата от остальных людей.

- И вы полагали, что за это вас не привлекут? Чувствовали себя спокойно? - спросил я Кондро.

- Вполне спокойно. Но они ее обнаружили.

-То есть все это вообще вас не испугало? Вы не запили? Вы не вели себя как-то иначе, не стали реагировать по-другому?

- Нет, жил себе, как жил. Спокоен был, как вот сейчас.

- Правда?

-Нуда.

- Вас не сразу привлекли по этому делу. Почему?

- Трупа-то у них не было, чтобы предъявить мне убийство. Для этого обязательно нужен труп.

- А про ДНК не подумали? Такая мысль в тот момент вам вообще не приходила?

- Да вроде думал, но не парился по этому поводу.

- Почему?

- На тот момент мне все уже было просто без разницы. Я... это... типа пошел вразнос, понимаете? Просто делал бы такие вещи до тех пор, пока меня не поймают.

- Не считаете, что химическая или фактическая кастрация изменили бы ситуацию?

- Нет.

В этом я был с ним согласен, но продолжил спрашивать:

- А почему?

- *У* таких все дело в голове. Думаю, что это как-то генетически передается от поколения к поколению. Вот я, я же думал об этих вещах еще ребенком и потом всю жизнь, пока меня не взяли. Именно об этом - о сексе с юными девочками.И останавливаться не собирался.

Да, Кондро усыновили, и хотя он, возможно, и прав, что родители об этом жалели, но я не обнаружил в его воспитании или отношениях с матерью и отцом ничего, что предполагало бы его превращение в сексуального маньяка и убийцу. В рамках дилеммы «природа или воспитание» Джозеф представляет собой пример врожденных опасных наклонностей, дальнейшему развитию которых может воспрепятствовать только решительная и своевременная коррекция.

Правда, честно говоря, имеющиеся данные об ее эффективности в большинстве случаев далеко не убедительны.

Я двинулся дальше.

- Итак, вы чувствовали себя уверенно. Когда на вас вышли и затем арестовали, это был шок?

-Да нет, шока не было. Я был у подруги, они появляются и арестовывают меня за давление на свидетеля. Потому что они опрашивали бывшую жену и велели мне не говорить с ней о деле. Это был повод, чтобы меня посадить. А потом вроде появились две другие девочки и показали, что я их то ли домогался, то ли изнасиловал, ну мне и эти обвинения добавили.

- А эти дети? Вы их тоже растлили, двух других девочек?

-Типа того.

- Типа того? Сколько им было?

- Не знаю. Похоже, совсем юные они были.

- Если бы вас не вычислили, вы бы так и продолжали?

-Типа того.

- И убивали бы и дальше?

-Типа того.

- И спокойно жили бы с этим?

- Насчет убийств я был совершенно спокоен. То есть, понимаете, убивать для меня было делом вполне естественным. Всегда. И в тот момент моей жизни это могли быть не обязательно дети - кто угодно, кто меня разозлил или кому я типа не понравился или чего еще.

Но как мы убедились, убивал он не из мести, стремления наказать или руководствуясь каким-либо иным мотивом. Ему просто хотелось этим заниматься.

Я буквально закидывал его вопросами, и почти на все он ответил. Тем не менее одну тему мы еще не затронули - риск. Для меня это был один из самых интересных элементов образа мыслей Кондро.

- Ваш случай необычен тем, что вы хорошо знали своих жертв и их семьи. То есть вы шли на огромный риск, и я до сих пор не могу понять, зачем вам нужны были знакомые, а не совершенно неизвестные люди.

- Я же говорил - дело было в доверии. Для меня это вопрос доверия, ну и чтобы было меньше проблем. Короче, я пытался делать это со всякими незнакомыми, так они всегда отбиваться начинали.

Типа пытались сбежать и все такое, а мне вообще не хотелось возиться с... Ну, вы поняли. Я хотел, чтобы все проходило гладко, и так оно и было. Я делал все так, как мне хотелось.

При таком количестве тюремных бесед, какое провели мы с коллегами, ты заранее знаешь, что преступник наверняка скажет тебе определенные вещи. Почти всегда налицо одна и та же картина. Джозеф был трудным ребенком и рос в несколько проблемной семье. Свою злость и раздражение он срывал на детях помладше и послабее, чем он сам. Злоупотребление алкоголем и наркотиками не было каузальным фактором его агрессивности, но зависимости сделали его более импульсивным (но не бесшабашным, поскольку свои преступления он планировал).

Главным существенным фактором важности его случая являлся его образ действий, первоначально сбивавший с толку следствие. Кондро считал, что выбирать себе жертвы из числа детей своих друзей надежнее, чем охотиться на незнакомых. В этом случае ему не приходилось озадачиваться установлением контроля, что является большой проблемой преступников, нападающих на незнакомцев. Жертвы уже доверяли ему и охотно за ним следовали. Представление убийцы о высокорискованном преступлении полностью отличалось от общепринятого.

Методы работы с использованием доверия применяли преступники всех возможных разновидностей: от самых жестоких насильников до социально неопасных незаконных предпринимателей. Эд Кемпер рассказывал нам, как подбирал голосующих студенток в окрестностях Санта-Крус. Он спрашивал, куда им надо, затем смотрел на часы и качал головой, как бы размышляя, успеет довезти туда попутчицу или нет, и только потом соглашался подвезти ее. Таким образом он эмоционально обезоруживал свою потенциальную жертву, и она утрачивала бдительность.

Аналогичным образом действовал и создатель многомиллиардной финансовой пирамиды Берни Мэдофф. Он сразу же говорил потенциальным клиентам, что его хедж-фонд, известный своей стабильной высокой прибыльностью, полностью сформирован и не нуждается в новых инвесторах. Если они продолжали настаивать, мужчина «нехотя» делал для них исключение, но просил не беспокоить

его с возвратом вложений, поскольку слишком занят, чтобы возиться с «мелкими инвесторами».

В обоих случаях основу образа действий составляло доверие. Создав убедительное впечатление нежелания делать то, что на самом деле и было ему нужно, преступник получал в свое распоряжение ничего не подозревающую жертву.

И полиция, и знакомые не рассматривали Джозефа в качестве подозреваемого, поскольку он изображал сопереживание и беспокойство по поводу пропавших детей и даже участвовал в их поисках. Подобное поведение встречалось нам и ранее: в ряде случаев похитители незнакомцев активно участвовали в поисках и изображали помощь. Зачастую преступники пытаются снабдить следствие ложной информацией, чтобы отвести подозрения от себя.

Одним словом, при всей типичности жизненного опыта Кондро выбор им в качестве жертв детей своих знакомых был для меня чем-то доселе невиданным.

Вывод: в круг подозреваемых входят все, а внешний вид или поведение не должны вводить в заблуждение.

Интересно сопоставить элементы преступления, которые мы называем «почерк» и «метод»: он был совершенно бесстрастен и аналитичен в описаниях конкретных проявлений своей извращенной психики.

Подобно очень многим убийцам и маньякам, Джозеф Кондро пришел (или якобы пришел) к осознанию своих корней и духовности, но только после того, как попал в тюрьму и лишился сиюминутных удовольствий и острых ощущений. Об обретении духовности часто заявляли и другие жестокие маньяки. Деннис Рейдер говорил мне: «Видите ли, я верующий христианин и был им всегда. После убийства семьи Отеро я стал молить Бога о помощи в борьбе с этим моим влечением. Больше всего я боялся не поимки, а того, что Господь не пустит меня на небеса и обречет на вечные муки». Я не усомнился в его искренней вере в загробную жизнь. Более того, я счел это довольно любопытным, поскольку знал о его убежденности в том, что убитые им женщины будут обслуживать его на том свете в качестве секс-рабынь. Сам факт того, что он допускал мысль о попадании в рай после всего содеянного, свидетельствует о степени его злостного нарциссизма.

- Кстати, говоря о духовности, не собираетесь ли вы облегчить душу ради высшей жизни? - спросил я Кондро. - Не стоит ли признаться во всех своих грехах до единого, чтобы иметь возможность пойти к той самой высшей жизни?

Дело это благое - очиститься от грехов перед... перед уходом. Да, так мне когда-то сказали, и я все еще в это верю. Короче, как вы говорите, надо очиститься от грехов и злодеяний, иначе будешь вечно бродить по тому свету, и душа не обретет покой. Так и останешься каким-то блуждающим духом.

Мне было очень трудно поверить, что человек, спокойно и уверенно насиловавший и убивавший детей, может быть настолько озабочен упокоением своей души.

-Тоестьвыне хотите стать блуждающим духом?

- Нет. Думаю, я был заблудшей душой от рождения.

И снова на самом деле он здесь ни при чем.

- Но вы же способны всё изменить, верно? Разве не в этом состоят ваши теперешние духовные убеждения?

- Не знаю я про «всё изменить». Это дело Господне.

- Сожалеете о чем-либо?

- Нет. Немного жалко, что не был отцом получше своим детям, а так нет, ни о чем не жалею.

- Не сожалеете по поводу своей первой жертвы тогда, в 1985-м?

- Нет.

- А что по поводу 1996-го? Тоже никаких сожалений?

- Никаких.

- Может, поступили бы как-то иначе?

- Ну, я бы ее [Кару Радд] в другое место отвез.

- Чтобы ее не обнаружили?

-Да, так, как я сперва и собирался.

- Как, по-вашему, вы ненормальный?

-Да, думаю, есть у меня кое-какие проблемы.

- Знаете, в прошлом люди называли вас чудовищем. А вы как думаете? Считаете себя чудовищем?

-До тюрьмы был. А сейчас я просто заключенный.

- Вас здесь лечат?

- Нет.

- Может, стоит с психологами поработать? При желании, конечно.

- Ну да. Время от времени хожу к здешнему психиатру, но он только... они меня только лекарствами пичкают, чтобы спать по ночам. Но вот так, как с вами, посидеть, поговорить о себе, такого никогда не было вообще-то.

-А вам этого хотелось? Или вы просто не просили об этом?

-Да нет, особо не хотелось. Никогда. До сегодняшнего дня.

-А почему вы согласились на эту беседу?

- Ко мне куча народу обращалась из прессы, просили об интервью, а я всегда отказывал. А теперь я чувствую, что настало время отпустить прошлое, обрести покой. Не только их семьям, но и мне, понимаете? Это для меня большой жизненный шаг - оставить все это позади.

Из-за откровенных описаний насилия в документальный телефильм вошли лишь небольшие фрагменты нашей беседы, которая впервые обнародуется на этих страницах. Забавно, но когда телевизионным начальникам показали запись интервью, «выступление» Джозефа Кондро впечатлило их куда больше, чем мое. От меня они хотели конфликтности: я должен был нападать на собеседника, не скрывая своего гневного возмущения его злодеяниями. Похоже, в моем лице им был нужен «злой коп».

Что бы ни чувствовал при этом я сам, в моих тюремных беседах с жестокими преступниками было очень важно установить некий контакт с исследуемым с целью узнать его как можно лучше. Выражая свое собственное гневное возмущение, достичь этого невозможно. На самом деле я был очень удивлен, прочитав в рецензии на нашу передачу следующее замечание о себе: «Рассказ Кондро об убийстве восьмилетней дочери своего друга настолько мерзок, что даже обычно невозмутимый Дуглас говорит ему: "Вы же убили маленькую девочку!"» Наверное, это был максимум эмоциональности, который я когда-либо позволил себе в этих ситуациях.

Изображать из себя персонажа Клинта Иствуда перед камерами, может, и соблазнительно. Еще большее эмоциональное удовлетворение дала бы возможность публично выбить из этого персонажа все его дерьмо (хотя в реальной жизни за это дают срок). Но я старался объяснить, что любой другой подход, помимо успешно применявшегося нами во времена работы в ФБР, будет контрпродуктивным. Моя задача - разговорить этих людей, выяснить, что происходит и

происходило в их головах. Агрессивностью и гневным осуждением этого не достичь. В конечном счете разговор с убийцей - игра в долгую, где каждый ход тщательно обдуман. Гнев, возмущение, негодование - все эти эмоции постоянно присутствуют внутри тебя, но не принесут пользы, если выплеснутся наружу.

Хотя рецензии на нашу передачу были положительными, она, по всей видимости, не очень устроила телеканал MSNBC, и сериал был заморожен. Вообще-то, наверное, единственным способом адекватно передать происходящее во время глубокого погружения в сознание убийцы является литературное описание, подобное нашей книге. Впрочем, сериал «Охотник за разумом» производства Netflix достаточно точно передает эмоциональную атмосферу таких психологических сражений.

3 мая 2012 года Джозеф Роберт Кондро умер в тюрьме Валла-Валла в возрасте 52 лет. В краткой заметке об этом говорилось, что смерть наступила по естественным причинам. Свидетельство о смерти указывало эти причины конкретнее: терминальная стадия заболевания печени, вызванного гепатитом С. Его похоронили на индейском кладбище «Сосны» в округе Барага, штат Мичиган.

В местной газете мать Кары Дженет назвала эту смерть «огромным облегчением».

В наших исследованиях и практической деятельности Кондро занял уникальное место единственного серийного насильника-убийцы, избиравшего своей целью детей хорошо знакомых ему людей. Одно только это стало ценным пополнением нашей копилки знаний и опыта. Для нас стало открытием, что в круг подозреваемых нужно включать всех и что обычные признаки невиновности (сотрудничество с полицией, участие в поисковых мероприятиях, предъявление алиби и любые другие) следует оценивать применительно к конкретным условиям и в сопоставлении с косвенными уликами.

Кондро было свойственно поведение человека, подверженного пагубным привычкам. Он сильно зависел от наркотиков и алкоголя. И в его случае зависимое поведение выливалось в сексуальные домогательства, изнасилования и убийства. Из беседы с ним я уяснил, что в серийных случаях базовыми психологическими потребностями преступника могут быть могущество и власть в прямой связи с отсутствием у него контроля над побуждениями. Это говорит о

зависимом типе личности, однако не означает неспособности контролировать свои действия. В случае Джозефа стремление к могуществу и власти через сексуальное насилие сопровождалось тщательным планированием преступления и не менее тщательным сокрытием его следов. Под воздействием алкоголя и наркотиков преступник может проявлять небрежность и рисковать, но быть пойманным он точно не желает. «Жажда смерти» относится к его жертвам, но никак не к нему самому.

Что все это значит с точки зрения расследования? Во-первых, нужно подвергать тщательной проверке собственные стереотипные представления о том, что из круга подозреваемых исключаются все близкие к жертве преступления люди, не имеющие очевидных мотивов совершить нечто подобное. Кондро опрашивали в полиции несколько раз. Как сказал своему лучшему другу Гамлет: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Во-вторых, если в ходе следствия обнаруживаются так или иначе близкие к жертве преступления лица с признаками зависимого типа личности и/или ослабленного контроля над побуждениями, их следует рассматривать как подозреваемых в первую очередь.

В-третьих, на примере Кондро еще раз убеждаешься, что человек, склонный к агрессивному поведению в быту (разбивающий вдребезги телефонный аппарат, в припадке ярости ломающий мебель, вынуждающий партнера обратиться за судебной защитой), по определению способен на еще более жестокие насильственные действия. Не зря же мы говорим: «Поступки отражают характер».

Бдительное отношение к этим вещам может спасать человеческие жизни.

Часть III
Ангел смерти
16. Изображая Бога

Очень многие люди удивляются, узнав, что серийные убийцы, забирающие наибольшее количество человеческих жизней, на самом деле не похожи ни на Джека Потрошителя, ни на Теда Банди. Они не подкрадываются к своим жертвам под покровом ночи и не очаровывают молодых женщин, чтобы затем похитить, изнасиловать и

убить. Как ни парадоксально, но сама их профессия подразумевает помощь людям, и они даже не прячутся ни от своих жертв, ни от их родственников. Очень часто на выявление факта преступления уходят долгие годы, а дело, заведенное в этой связи, становится «висяком».

Мягкий, жизнерадостный и улыбчивый житель штата Огайо по имени Дональд Харви был, наверное, самым деятельным серийным убийцей в истории Америки. В период между 1970-м и 1987-м он убил по меньшей мере восемьдесят семь человек, все это время оставаясь на виду. Последняя деталь наводит на мысль о Джозефе Кондро, но Харви отличался от него также сильно, как сам Кондро от Джозефа Макгоуэна. Его излюбленными жертвами были престарелые пациенты стационаров, неспособные дать какой-либо отпор. На момент поимки и передачи в руки правосудия Харви с гордостью называл себя «Ангелом смерти».

Это был второй убийца, которого я интервьюировал для пилотной серии проекта телеканала MSNBC.

Когда арестованного Харви начали допрашивать, меня попросили выехать на место. Я должен был наблюдать за допросами и консультировать следователей с целью скорейшего получения признательных показаний. Однако, как оказалось, мужчина был вполне откровенен с агентами ФБР. Последних интересовали его мотивы, поскольку нужно было наиболее полно обеспечить обвинение материалами для судебного слушания. Меня, в свою очередь, интересовали не только мотивы, но и поведение Харви до, во время и после каждого совершенного им преступления. Как и почему он стал таким? Как он научился убивать людей настолько профессионально и благодаря чему его преступления так долго оставались нераскрытыми? Его влечение к убийствам было врожденным или же стало результатом неблагополучного детства? Что нужно было сделать, чтобы остановить его, и что можно сделать сейчас, чтобы предотвратить подобное в будущем? Ответы на эти вопросы я надеялся получить, побеседовав с ним.

Если бы случай Харви был уникален, то при всей его чудовищности он вряд ли был бы интересен следственным органам в будущем. Но, к сожалению, он представляет собой яркий пример отдельной категории убийств из «Руководства по классификации преступлений» - медицинских.

Каждый серийный убийца отвратителен и ужасен по-своему. В определенном смысле содеянное Дональдом Харви представляется особенно мерзким. Как и Кондро, он обманывал доверие. Но в отличие от него, извратил суть одного из наиболее почитаемых видов человеческой деятельности - лечения и утешения больных. Существуют типы преступников, о которых вряд ли можно снять кино в жанре триллера. Подобия Харви не выглядят столь же опасными, как подобия Теда Банди, Чарльза Мэнсона или Джона Уэйна Гэйси. Но это ошибочное представление. К счастью, подавляющее большинство людей никогда не столкнется с преступниками этого типа. Но то, что подобные Харви не таятся в тени в ожидании возможности наброситься на невинную жертву, не означает, что они не столь же опасны. Зачастую их жертвами становятся те же, кого предпочитают серийные убийцы обычного типа, - пожилые и беззащитные. В качестве целей подобных персонажей мы обычно представляем себе красивых молодых женщин, однако в первую очередь жертва привлекает их своей беззащитностью. Именно поэтому серийные убийцы нацеливаются в основном на детей, престарелых, проституток, наркоманов, бездомных и представителей обездоленных слоев населения.

Как говорилось выше, преступники типа Харви могут быть значительно «плодовитее» серийных убийц. В медицинских учреждениях оказываются практически все люди или ради себя самих, или в связи со своими родственниками.

Прежде всего подавляющему большинству людей в больницах довольно страшно. Даже в случае рутинных процедур стопроцентной уверенности в результате не бывает никогда. Если вообще не доверять людям в хирургических масках или с бейджиками медперсонала, то больница превратится в кошмар наяву или фильм ужасов.

Когда мне случалось лежать в больницах, мне как-то не приходило в голову, что слетевшее с языка в приступе боли дурное слово может подтолкнуть медсестру к решению убить меня. А если бы кто-то из медперсонала решил «избавить меня от страданий», когда я валялся в госпитале в Сиэтле в декабре 1983 года с вирусным энцефалитом? Получается, что жертвой может стать каждый.

Поскольку полицейские и следователи подчас даже и не знают о существовании такого типа преступников, я считал важнейшей целью

этого интервью рассмотрение поведенческих аспектов, позволяющих ответить на вопрос «Как распознавать и идентифицировать этих убийц?».

Дональд Харви родился 15 апреля 1952 года в округе Батлер штата Огайо. Он был первым из троих детей супругов Рэя и Голди Харви. Вскоре после его появления на свет родители переехали в захолустный аграрный городок Бунвилл в штате Кентукки. Рэй и Голди выращивали на своей ферме табак. Эти глубоко религиозные люди стали исправными прихожанами местной баптистской церкви. Известно, что Дональд был добрым и симпатичным мальчиком с темными кудрявыми волосами и большими карими глазами, который не доставлял никаких хлопот никому. Директор местной начальной школы вспоминал о нем как об улыбчивом, общительном, хорошо одетом и ухоженном ученике, пользовавшемся популярностью у других детей. Некоторые из его одноклассников запомнили его несколько замкнутым и лебезящим перед учителями.

По имеющимся данным, в старших классах мальчик получал в основном четверки и пятерки, но затем учеба ему наскучила, и он бросил школу. Работая продавцом в магазине спорттоваров, прошел курс заочного обучения и в шестнадцатилетнем возрасте получил аттестат зрелости. В общем, совершенно обычная история.

Однако в этом ничем не примечательном детстве было несколько моментов, которые, возможно, оказали существенное влияние на будущее Харви. Когда Дональду было шесть месяцев, отец уснул с младенцем на руках и уронил его на пол. По-видимому, серьезных травм ребенок не получил. В пятилетием возрасте он упал с подножки грузовика и ударился головой. Сознания не терял, но десятисантиметровую рану на затылке пришлось зашивать. Кроме того, рассказывали, что детство Дональда проходило на фоне напряженных, вплоть до проявлений жестокости, отношений между родителями. Вместе с тем Голди заявляла, что ее сын воспитывался в любящей и дружной семье.

Насколько эти травмы способствовали формированию того Дональда Харви, который стал печально известен? В судебно-медицинском сообществе не прекращаются споры о влиянии черепно-мозговых травм и патологий на насильственные преступления. Результаты томографических исследований и вскрытий показали

наличие разного рода поражений головного мозга у целого ряда убийц. Сторонники детерминизма, полагающие, что отклонения в поведении имеют чисто физиологические причины, считают это обстоятельство объяснением преступных действий. Выступающие с позиций «свободы воли» считают такие поражения в большей степени симптомом, а не причиной, то есть последствием травм, полученных в детстве в результате импульсивных рискованных поступков.

В случае Харви доказательства каких-либо последствий этих травм отсутствуют, однако другие события его детства дают повод задуматься. Серийные убийцы часто бывают выходцами из неблагополучных семей или подвергаются насилию в детские и юношеские годы, поэтому в процессе подготовки интервью меня особенно заинтересовали эпизоды, почти наверняка повлекшие последствия для развития психики Дональда. Из подробного отчета, подготовленного кафедрой психологии Радфордского университета, следовало, что с четырехлетие го возраста Харви подвергался развратным действиям со стороны сводного брата матери Уэйна, который принуждал его к оральному сексу и использовал в качестве ассистента для мастурбации. Примерно год спустя маленький Дональд стал объектом сексуальных приставаний пожилого соседа. Оба этих человека сумели сохранить подобного рода отношения с Харви примерно до достижения им двадцатилетнего возраста.

Угрозами и манипулированием можно без особого труда заставить ребенка молчать о фактах сексуальных надругательств над ним. Однако, достигнув определенного возраста, психологически сильные дети сопротивляются или сообщают об этом. Харви, уже достаточно повзрослевший для того, чтобы отвечать отказом на сексуальные домогательства, этого не делал. К этому времени он сообразил, что может манипулировать своими дядей и соседом, и вымогал у обоих, что хотел. Позднее признавался, что ему нравилось получать от соседа деньги. Наконец, в шестнадцатилетнем возрасте, примерно одновременно с получением аттестата зрелости, Дональд впервые в жизни совершил половой акт по обоюдному согласию. На следующий год он вступил в непостоянную связь с другим мужчиной, продолжавшуюся примерно пятнадцать лет.

Харви переехал из наскучившего ему родного городка в Цинциннати и устроился на одну из местных фабрик. Но дела у

фабрики пошли плохо, и его сократили. Спустя несколько дней ему позвонила мать и попросила навестить деда, лежавшего в католической больнице Мэримаунт неподалеку от Бунвилла. Сидевший без работы Харви

охотно согласился.

Дональд проводил в больнице огромное количество времени и быстро снискал расположение монахинь, работавших в ней медсестрами и администраторами. В дальнейшем он еще не раз использовал свой врожденный дар очаровывать и заводить дружбу с окружающими, в том числе и с коллегами по работе. Мужчина умел показать себя отзывчивым молодым человеком, которому всегда близки интересы других. Одна из монахинь поинтересовалась, не хочет ли он поработать в больнице. Харви с радостью согласился: ему была нужна работа и не очень хотелось снова попасть на какой-нибудь завод. Опыта в медицинском обслуживании у него не было, но Дональд прилежно и ответственно мыл больных, убирался в их палатах, менял судна, возил пациентов по больнице, ставил капельницы, раздавал лекарства и выполнял множество других обязанностей. Работал Харви с удовольствием, а персонал больницы относился к нему с симпатией и ценил за готовность помочь.

Вечером 30 мая 1970 года восемнадцатилетний санитар зашел в палат/ к перенесшему инсульт 88-летнему Логану Эвансу. Ходившая за больным монахиня сказала Харви, что его нужно обмыть и заново вставить трубку капельницы.

Приподняв простыню, Харви увидел, что Эванс испражнился на собственную рук/. Когда он наклонился к пациенту, тот вымазал его лицо запачканной простыней. Взбешенный Дональд придавил лицо Эванса подушкой в голубой пластиковой наволочке. «Это стало последней каплей. Я просто сорвался. Пришел помочь человеку, а он мне в лицо этой простыней...» - вспоминал убийца впоследствии.

Продолжая держать подушку, Харви слушал через стетоскоп, как затихает сердцебиение Эванса. Когда оно прекратилось, он выбросил наволочку, обмыл труп, сменил постельное белье, переодел Эванса в чистый больничный халат и принял душ. После чего вышел из палаты и сообщил дежурной медсестре, что пациент, видимо, умер.

Скончавшегося отвезли в похоронное бюро, и, по словам Харви, «никто ни в чем не усомнился».

Вне зависимости от обстоятельств этого убийства, с точки зрения правоохранительной системы, это, наверное, худшее, что могло произойти, поскольку так создается возможность для превращения убийцы в серийного. Как только свежеиспеченный преступник понимает, что вышел сухим из воды, он укрепляется в ощущении своего могущества и приступает к внутреннему мифотворчеству уверяет себя в том, что умнее полицейских, да и вообще всех вокруг.

Яркими примерами были Деннис Рейдер и Дэвид Берковиц. Оба не блистали умом, но при этом считали свои безнаказанные злодеяния свидетельством интеллектуального превосходства над тупыми полицейскими. Так же, как и обычным людям, серийным убийцам бывает свойственно принимать обычное везение за доказательство собственной ловкости. Следует признать, что везение часто играет ключевую роль в быстром выявлении подозреваемых и задержании преступников.

После того как Берковицу сошли с рук несколько совершенных им убийств, он стал считать себя мэтром. Его преступления были в центре внимания прессы, а в опергруппе по его поимке работало около сотни сотрудников. Дэвид решил, что все это говорит о его выдающемся мастерстве, и адресовал главе следственной группы капитану Джозефу Борелли (впоследствии ставшему главой следствия полицейского управления Нью-Йорка) полуграмотное послание. В нем преступник именовал себя «Сыном Сэма», в царственной манере обращался «к народу Куинса» и подписался как «Ваш в человекоубийстве, господин Чудовище».

Но Берковиц не понимал одного: спасавшее его везение может кончиться. Так и произошло, когда штраф за парковку позволил увязать его имя с местом последнего по счету убийства.

Мотивы Берковица и Харви были определенным образом схожи. Хотя первый был гетеросексуалом, а второй - геем, оба получили травмирующий сексуальный опыт в годы формирования личности. В детстве Харви растлили люди, которых он знал и которым должен был бы доверять. Свой первый половой акт Берковиц совершил с проституткой в период службы в армии и заразился венерической болезнью. Исходя из жизненного опыта, способы убийства у них были разные: Берковиц использовал мощный пистолет, а Харви

медицинское оборудование и лекарства - но обоими руководило чувство обиды и собственной неполноценности.

Одним из самых интересных моментов беседы с Берковицем было его признание в том, что он постоянно думал о совершенных убийствах. Дело дошло до того, что при отсутствии подходящей жертвы Дэвид возвращался на места своих преступлений, чтобы заняться мастурбацией и заново пережить испытанные там ощущения власти и сексуальной мощи.

В отличие от него, Дональду вообще не нужно было выходить на охоту: у него был практически неиссякаемый поток потенциальных жертв. Харви, который на самом деле был довольно умен по сравнению с персонажами вроде Берковица, понял, что, действуя осмотрительно и используя устройство системы (в его случае - больничный распорядок) в своих целях, можно делать едва ли не все, что заблагорассудится. Он хвастался передо мной, что может моментально определить слабые места системы безопасности любого лечебного учреждения. К примеру, Дональд додумался, что убивать будет сложнее, если руководство будет чаще менять его сменный график или периодически переводить из одного отделения больницы в другое. Работая в одном и том же отделении с неизменным составом персонала и одинаковым контингентом пациентов, Харви мог бы заниматься своими гнусными делами спокойно и уверенно.

Очень скоро он убедился в справедливости своих догадок.

Буквально на следующий день убийца ввел Джеймсу Тайри катетер не того размера. Харви утверждал, что это вышло случайно, но, когда обезумевший от боли пациент закричал и попросил вынуть его, Дональд заткнул ему рот ладонью и держал до тех пор, пока пациент не умер, захлебнувшись кровью.

Всего через три недели Харви побывал в палате пожилой женщины по имени Элизабет Уайет. Она рассказала ему, что молит Господа ниспослать ей смерть и избавить от страданий, и хотела бы умереть по собственной воле. Дональд прислушался к ней и отключил от устройства кислородоснабжения. Спустя несколько часов медсестра обнаружила миссис Уайет мертвой.

Через месяц после этого он специально перевернул на живот Юджина Маккуина - пациента с ослабленным дыханием. Мужчина захлебнулся собственной мокротой и умер, после чего Харви помыл

его. Обстоятельства смерти Маккуина никто не расследовал, зато некоторые коллеги потешались над Дональдом, якобы не понявшим, что моет труп.

Менее чем через два месяца после убийства Логана Эванса Харви пришел катетеризировать Бена Джилберта. Однако пациент оглушил его железным ночным горшком. Психически неуравновешенный пациент плохо понимал, что происходит, и, видимо, принял Харви за грабителя. Придя в себя, убийца решил отомстить. Тем же вечером он снова пришел к Джилберту и ввел ему катетер более широкого диаметра, чем было нужно. Затем Дональд взял плечики для одежды, разогнул их и пропустил проволоку через катетер, пробив мочевой пузырь и кишечник пациента. Внутреннее кровоизлияние вызвало у Джилберта шок, и он впал в бессознательное состояние. Харви удалил проволоку и катетер и выбросил их. Введя катетер нормального диаметра, Дональд сообщил врачам, что пациент в глубоком обмороке. Через четыре дня Джилберт умер от фульминантной инфекции. Это было первое убийство Харви, которое со всей определенностью можно назвать предумышленным.

Каким бы невероятным это ни казалось, но никто не задумался об этих смертях и не соотнес их с присутствием Харви в палатах умерших. А его чувство собственного превосходства и изворотливость нарастали с каждым новым безнаказанным убийством.

Харви не исполнилось и девятнадцати, а он уже убил в Мэримаунте по меньшей мере полтора десятка пациентов.

Каждый раз он пользовался беззащитностью пациентов и слабыми местами системы. С Харви Уильямсом и Мод Николс это был неисправный кислородный баллон. Впоследствии Дональд говорил, что смерть Уильямса была несчастным случаем, но Николс он убил намеренно: она поступила с кишащими паразитами пролежнями, и должного ухода ей не оказывали. Дышавшему с огромным трудом Уильяму Боулингу Харви просто не включил кислород, и вскоре пациент умер от обширного инфаркта. Виола Рид Уэйн мучалась от лейкемии, и Харви считал, что она дурно пахнет. Он решил положить конец ее страданиям и убить также, как Логана Эванса, - придушить подушкой. Но в палату кто-то зашел, и убийце пришлось остановиться. Чуть позже Дональд подключил больную к неисправному кислородному баллону и дождался ее смерти.

Ни один из этих случаев не расследовали дополнительно, поэтому Харви мог пополнять список своих жертв. Мне было ясно, что Дональд считал себя аутсайдером. Он был просто санитаром, а весь почет и уважение доставались врачам и медсестрам. Поэтому преступник хотел доказать, что лучше них знает, «что к чему», фактически - поглумиться над самим понятием медицинской помощи.

Удушить страдавшего почечной недостаточностью Сайласа Батлера при помощи неисправного кислородного баллона ему удалось не с первой попытки: несколько раз его прерывали. Решив, что Сэм Кэрролл достаточно настрадался от пневмонии и кишечной непроходимости, а Джон Комбс от сердечной недостаточности, Харви вновь прибег к дефектному кислородному баллону, чтобы убить их обоих. Он задушил подушкой Мэгги Ролинс, лечившуюся от ожога руки. Чтобы на вскрытии не обнаружились волокна в дыхательных путях умершей, преступник предварительно обернул подушку пластиковым пакетом.

Харви использовал и обезболивающие. Дональд убил Маргарет Харрисон передозировкой смеси демерола, морфия и кодеина, которые предназначались другому пациенту. Поступившего с острой сердечной недостаточностью Милтона Брайанта Сэссера он убил передозировкой морфия, украденного из шкафчика медсестры. Использованный для инъекции шприц Харви попытался смыть в унитаз, но тот застрял в трубе и вызвал засор. И вновь никто не связал это со смертью Сэссера.

Убийца начал узнавать о трупах еще больше, как будто вереницы смертей за год работы в больнице было недостаточно. Дональд вступил в связь с владельцем похоронного бюро Верноном Мидденом, женатым отцом семейства. Он много рассказывал ему о том, как выглядят трупы, и о физических признаках причин смерти. Харви особенно интересовался, как скрыть или замаскировать следы удушения или удавления.

Преступник собирался применить эти знания на практике в самом ближайшем будущем.

В конце марта 1971 года Харви уволился из больницы Мэримаунт, возможно, испугавшись разоблачения. Впрочем, возможно, что он просто находился в депрессии, поскольку той же весной попытался покончить с собой. Дональд поджег пустовавшую квартиру в доме, где жил, надеясь умереть от отравления угарным газом. Но, в отличие от

убийств других людей, с самоубийством у него не получилось. Его задержали за нанесение имущественного вреда и оштрафовали на 50 долларов.

Вскоре после этого Дональда арестовали за попытку кражи со взломом. В нетрезвом виде он сболтнул производившим арест полицейским, что убил в Мэримаунте 15 человек. Они попытались произвести проверку, но доказательств не было, а в больнице никто не верил в причастность Харви к этим смертям. В итоге преступник признал себя виновным только в мелкой краже и заплатил очередной незначительный штраф.

В отчете Радфордского университета указано, что тогда же Дональд получил свой первый гетеросексуальный опыт с женщиной по имени Рут Энн Ходжес, в доме которой жил во время поисков работы. Он помнил, что однажды вечером они напились и разделись догола, но дальнейшее якобы стерлось из его памяти. Через девять месяцев у Ходжес родился сын, отцом которого она указала Харви. В последующие годы мужчина то отказывался от отцовства, то признавал его.

В июне 1971-го Дональд поступил на службу в ВВС. В этот же период времени вступил в непродолжительную связь с неким Джимом, которого, по его признанию, очень хотел убить. Видимо, его удержал от этого страх быть разоблаченным в условиях жестко регламентированной армейской среды.

Однако его армейская служба длилась недолго. Он совершил еще одну попытку самоубийства, на этот раз приняв чрезмерную дозу микстуры от кашля. В результате командование узнало об его арестах и явно безумных рассказах полицейским об убийствах пациентов в больнице. Подобного рода истории были начальству совершенно ни к чему, и в марте 1972 года Харви уволили из армии.

Последовавшая за этим длительная депрессия и ссоры с родителями увенчались новой попыткой самоубийства. На сей раз Дональд принял смертельную дозу смеси снотворного и успокоительного. Его отвезли в больницу, сделали промывание желудка, а затем отправили в психиатрическое отделение госпиталя для бывших военнослужащих. Из-за буйных припадков там его часто держали в смирительной рубашке. Лечили его электрошоковой терапией, которая обычно хорошо помогает при хронической

депрессии. Но Харви не слишком помогла и она. По выходу из госпиталя родители сообщили ему, что впредь не желают видеть в своем доме.

В последующие месяцы 1972 года Дональд работал внештатным санитаром в двухместных больницах и продолжал получать амбулаторную психиатрическую помощь в близлежащем военном госпитале. Тогда же он завел отношения с двумя мужчинами, у каждого из которых время от времени жил.

Но самое главное, что в этот период времени Харви даже не пытался убивать пациентов больниц, в которых работал. Возможно, он старался контролировать свои порывы и навязчивое стремление изображать Бога. Вполне возможно также, что дисциплина в этих медучреждениях была строже, чем в Мэримаунте, и Дональд опасался быть пойманным. Больничная среда была для него зоной комфорта, и если уж Харви не мог убивать там, то совершать преступления где-либо еще ему было бы намного сложнее.

Но вскоре все снова изменилось.

Ночные смены

В сентябре 1975 года Харви вернулся в Цинциннати и получил работу в местном госпитале Управления по делам ветеранов. Он работал по ночам и выполнял самую разнообразную работу: был санитаром, специалистом по катетеризации сердца, завхозом и ассистентом в морге. Такой широкий круг обязанностей давал Дональду практически неограниченный и бесконтрольный доступ во все помещения больницы. Ему особенно полюбилась работа в морге, из которой он старался извлечь максимум пользы для себя.

Именно на этой работе расцвел пышным цветом интерес Харви к оккультизму. Магия и мистика завораживали его уже давно, но найти подходящее место для реализации своих увлечений у него никак не получалось. Он захотел вступить в группу поклонников оккультизма и черной магии. Но с этим возникла проблема: к прохождению обрядов инициации в ней допускались только гетеросексуальные пары, а Дональд был одиноким геем. Поэтому для прохождения обрядов инициации Харви и еще один человек подобрали себе пары из числа жен и любовниц мужчин, уже состоявших в группе.

Вопрос о связи сатанизма, оккультизма, чернокнижия и тому подобного с насильственными преступлениями обсуждается уже давно. В 1980-х и 1990-х годах он едва ли не ежедневно обсуждался в телевизионных ток-шоу, а полиция действительно нанимала экспертов для обучения сотрудников выявлению признаков садистских ритуальных убийств. Хотя и пресса, и общественность, и очень многие в правоохранительных кругах были убеждены в широкой распространенности ритуальных преступлений, ФБР тщательно исследовало каждый подобный случай и не нашло ни одного обоснованного примера. Специальный агент Кеннет Лэннинг, мой глубокоуважаемый коллега и друг, примерно тогда же опубликовал монографию «Руководство по проверке обоснованности обвинений в "ритуальном" насилии над детьми», в которой существование этого явления, по сути, опровергалось. Кен сравнивал все это с многочисленными историями о похищенных инопланетянами и, в частности, указывал: «Во всех известных мне случаях отсутствовали какие-либо признаки участия организованных сатанистских культов».

Но как же тогда быть с наличием глубокого интереса к оккультизму у такого активного серийного убийцы, как Дональд Харви, который даже был членом соответствующей организации?

Все дело в том, что его убийства не имели ни оккультных мотивов, ни каких-то ритуальных или квазирелигиоз- ных составляющих. Возможно, он заинтересовался оккультизмом по тем же причинам, по которым убивал, то есть из-за общей неудовлетворенности собой и жажды власти. Но ни сатанизм, ни черная магия не заставляли Дональда убивать людей. Давайте считать это проявлениями, а не первопричиной, и тогда мы увидим не вполне адекватного человека, пытающегося обрести могущество или какую-то другую приятную составляющую своей жизни посредством оккультизма. Но это не имеет никакого отношения к вопросу о том, почему Харви убивал. А он вновь принялся за свое после относительно короткого перерыва.

За следующие десять лет преступник отправил на тот свет еще по меньшей мере 15 пациентов ветеранского госпиталя. При этом Дональд существенно расширил свои познания, арсенал методов и развил еще большую изобретательность. Наряду с отключением кислорода он пользовался удушением, мышьяком, цианидом и старым

добрым крысиным ядом. Цианид применяется в медицине, в частности, для срочного понижения артериального давления, расширения кровеносных сосудов и измерения уровня кетонов в крови диабетиков. Харви обнаружил, что он также прекрасно подходит для внутривенных вливаний или инъекций непосредственно в ягодицу, и потихоньку подворовывал цианид из госпиталя, пока не создал у себя дома его 14-килограммовый запас. Чтобы усовершенствовать свои знания о методах сокрытия преступлений, убийца изучал медицинские журналы. Однако самым большим подспорьем ему служило то, что в каждом случае резюмировалась смерть его жертвы от естественных причин.

Какое-то время он встречался с неким мужчиной, но они часто ругались. После одной особенно бурной ссоры Харви подмешал в мороженое своего партнера мышьяк. Дональд не собирался убивать, а лишь хотел проучить. Тем не менее примечательно, что это был первый случай, когда преступник собрался навредить человеку вне стен медучреждения.

Как и в других подобных случаях, это стало свидетельством серьезной эскалации и важнейшего переломного момента в поведении Харви, а также его общественной опасности. Практически все серийные убийцы начинают со своей, что называется, зоны комфорта. Это может быть родной район, место работы, знакомый парк или любое другое пространство, где преступник чувствует себя спокойно и уверенно. В делах серийных насильников и убийц мы всегда обращаем особое внимание на место первого преступления, поскольку оно говорит очень многое о личности совершившего его человека.

Отметив на карте лондонского Ист-Энда места преступлений Джека Потрошителя в порядке их совершения, мы смогли выявить первичную и вторичную зоны комфорта даже настолько безумного убийцы. Совершенно очевидно, что главной зоной комфорта для Харви была больничная палата. Здесь никто ему не мешал и не обращал особого внимания на то, что он делает. По опыту Дональд знал, что в этих условиях ему вольготно.

Решив, что готов совершить преступление вне этой зоны комфорта, Харви существенно продвинулся на пути серийного убийцы. Он оценил новые факторы риска и пришел к выводу об их приемлемости для себя. Теперь это уже не было чем-то, что Дональд

совершает в определенной ситуации. Определяющим фактором было само убийство, а не окружающая обстановка. С расширением зоны комфорта Харви безопасных мест для его потенциальных жертв уже не было.

Тогда же, в 1980 году, он начал сожительствовать с другим мужчиной, Карлом Хуевлером. Узнав, что по понедельникам Карл имеет обыкновение встречаться с другими мужчинами в местном парке, Дональд начал по воскресеньям подмешивать ему в еду небольшие дозы мышьяка, чтобы лишить сил на понедельничные эскапады.

Карл дружил с соседкой, которая, как считал Харви, пыталась их разлучить. Он попробовал отравить женщину акриловой кислотой, но ничего не вышло. Тогда преступник попытался заразить ее живым вирусом СПИДА, который достал в госпитале. Когда ничего не получилось и с этим, подмешал ей в стакан сыворотку гепатита В, также украденную из госпиталя. Заражение оказалось настолько серьезным, что женщину пришлось положить в стационар для диагностики и лечения. Но никто так и не связал ее болезнь с неким злым умыслом или с Дональдом.

Опасной для его отношений с Карлом он считал и другую соседку, Хелен Мецгер. Харви впрыснул мышьяк в банку с майонезом, стоявшую в ее холодильнике, а спустя несколько недель угостил пирожком, также пропитанным мышьяком. Ее парализовало, и ей потребовалась трахеотомия с введением специальной трубки для дыхания. Но в результате трахеотомии началось внутреннее кровотечение, и она впала в бессознательное состояние, из которого уже не вышла. Больница посчитала, что смерть наступила вследствие острого инфекционного полиневрита.

На похоронах дорогой соседки Харви был в числе несших ее гроб, а позже утверждал, что не собирался давать Мецгер смертельную дозу, а хотел только пошатнуть ее здоровье. Именно так и случилось с родственниками Мецгер, собравшимися у нее дома после похорон. Некоторым из них стало плохо после майонеза, остававшегося в банке. К счастью, все выздоровели, а заболевание списали на пищевое отравление.

Связь с Карлом вдохновляла Харви на новые подвиги человеконенавистничества. После ссоры с родителями Карла он начал

отравлять их продукты мышьяком. Генри Хуевлер, отец Карла, получил инсульт и был госпитализирован. Спустя несколько дней Дональд навестил его в больнице и добавил в десертный пудинг еще мышьяка. Вечером того же дня Генри скончался от почечной недостаточности и последствий инсульта. На протяжении следующего года Харви неоднократно предпринимал попытки отравить Маргарет, мать Карла, но убить ее у него так и не удалось. Но получилось случайно умертвить зятя Карла Говарда Веттера. Дональд хранил метиловый спирт в бутылке из-под водки. Карл или не знал этого, или перепутал бутылки и налил несколько рюмок ядовитого метанола Говарду. Тот почти сразу же почувствовал себя плохо и умер от сердечного приступа.

В январе 1984 года Карлу надоели сумасбродства и перепады настроения Харви, и он попросил его съехать. Это настолько взбесило Дональда, что в течение следующих двух лет мужчина предпринял несколько попыток отравить Карла, ни одна из которых успехом не увенчалась. Зато он отравил другого бывшего бойфренда, Джеймса Пелузо. Тот страдал сердечной недостаточностью и просил Харви «помочь», если дойдет до состояния полной беспомощности. Дональд впрыснул мышьяк в его коктейль и добавил еще немного в его пудинг. Пелузо отвезли в больницу, где он и умер. Вскрытие не проводилось, так как о его хронической болезни сердца было известно.

Мышьяк попал и в желудочные капли, которые принимал Эдвард Уилсон, сосед Карла, поссорившийся с ним из-за коммунальных счетов. Несмотря на наличие собственных проблем с Карлом, Харви решил защитить его. Через пять дней после отравления Уилсон умер.

Примерно тогда же всегда старательного Дональда повысили до должности начальника больничного морга. Это совпало по времени с его вступлением в неонацистскую радикальную группировку под названием «Национал- социалистическая партия». Впоследствии он утверждал, что не симпатизировал нацистам, а специально проник в их организацию, чтобы разрушить ее изнутри. Узнав об этом, я сильно усомнился в его заявленном мотиве. На мой взгляд, вступление в подобную организацию было сродни былому увлечению Харви оккультизмом. Я подумал, что в обоих случаях дело было в жажде власти и сексуальной разрядке, пусть и незаметных всем остальным.

18 июля 1985 года возмездие наконец начало настигать Дональда. На выходе из госпиталя его поведение показалось охранникам подозрительным, и его остановили, попросив предъявить для обыска спортивную сумку. В ней обнаружился револьвер 38-го калибра, что было грубым нарушением внутренних правил госпиталя. Кроме того, охрана нашла в сумке несколько шприцов, хирургические перчатки и ножницы и кое-какую наркоманскую атрибутику, в том числе ложечку для кокаина. Еще там были несколько медицинских учебников, книги об оккультизме и биография Шарля Собража - серийного убийцы вьетнамского происхождения, охотившегося на европейских туристов в Юго-Восточной Азии в 1970 годах. После этого был обыскан шкафчик Харви в госпитальной раздевалке. Там нашли небольшой фрагмент печени, помещенный в формалин и готовый к препарированию под микроскопом. Дональд утверждал, что оружие в сумку ему, скорее всего, подбросил Карл Хуевлер.

Расследование настолько изобиловало ошибками и неточностями, что властям было бы трудно предъявить Харви обвинения. Кроме того, никто не хотел огласки. Поэтому ему разрешили тихо уволиться и заплатить 50 долларов штрафа за пронос оружия на территорию федерального учреждения. Инцидент не попал в криминальные сводки, и попыток выяснить наличие у Дональда других правонарушений предпринимать не стали.

Спустя семь месяцев Харви вышел на работу в другое медучреждение. На сей раз он устроился санитаром в больницу имени Дэниела Дрейка в Цинциннати. Как было установлено в дальнейшем, при приеме на работу никто не поинтересовался у него, где тот работал раньше и по каким причинам увольнялся. Еще бы, в нем же сразу увидели человека настойчивого и увлеченного своим делом.

В этой больнице первой жертвой убийцы стал лежачий больной по имени Натаниэл Уотсон, которого он придушил мокрым пластиковым мешком для мусора. Удалось это не сразу, но Дональд уже знал, как действовать, когда его неожиданно прерывают На сей раз он руководствовался причудливо двояким мотивом: Харви полагал, что Уотсон не должен и впредь пребывать в растительном состоянии и питаться через трубочку, и при этом слыхал, что этот пациент - закоренелый (но не осужденный) насильник, который вполне

заслуживает смерти. Не прошло и часа, как одна из медсестер обнаружила Уотсона мертвым.

Спустя четыре дня Харви таким же образом убил другого пациента, Леона Нелсона.

Прежде чем получить на аттестации персонала оценку «хорошо» в шести категориях из десяти (и «приемлемо» - в остальных), он умертвил еще двоих.

За десять следующих месяцев Дональд лишил жизни еще по меньшей мере 21 пациента. Его излюбленными методами стали отравления мышьяком и цианидом. Правда, в двух случаях убийца через желудочный зонд ввел пациентам вязкий очиститель для калоприемников.

На этом отрезке времени Харви испытывал личные проблемы. Его отношения с Карлом рухнули окончательно, и из-за депрессии он стал посещать психотерапевта. Дональд еще больше зациклился на оккультных ритуалах и еще раз попытался покончить с собой. На этот раз пустил свой автомобиль под откос на горной дороге. Получил травмы головы, но выжил и вернулся к работе в больнице навстречу своему окончательному краху.

44-летний Джон Пауэлл уже несколько месяцев лежал в коме, ставшей следствием мотоциклетной аварии. Несмотря на некоторые слабые признаки восстановления, в целом он угасал, и надежд на его выздоровление было немного. Поэтому его внезапная смерть не очень удивила врачей. Для установления точной причины смерти было назначено вскрытие, поскольку по приказу главного патологоанатома округа ему подлежали все жертвы автокатастроф.

Аутопсию производил д-р Ли Леман, который был и психологом-криминалистом, и экспертом в области биохимии. Вскрыв тело, он сразу же обратил внимание на специфический запах, который некоторые сравнивают с запахом горького миндаля. Поскольку для доктора этот запах означал присутствие цианида, убийство сразу стало для него приоритетной причиной смерти.

«Уж не знаю, как там пахнет горький миндаль, но как пахнет цианид, знаю точно», - сказал д-р Леман в интервью газете Cincinnati Enquirer.

Он завершил вскрытие и направил образцы тканей в три другие лаборатории для проверки на наличие цианида.

Все три подтвердили подозрения доктора.

Леман известил полицейское управление Цинциннати, и по факту смерти Джона Пауэлла было заведено уголовное дело. Следователи предсказуемо сосредоточились на родственниках, друзьях и знакомых умершего. В первую очередь, как обычно делается в таких случаях, они допросили его жену: возможно, она захотела покончить со всей этой мукой. Но ни мотивов, ни свидетельств тому, что женщина или кто-то из близких желал Пауэллу смерти, обнаружено не было.

Следующим логическим шагом было проверить сотрудников больницы, имевших доступ к Пауэллу и в его палату. Очень скоро в центре внимания следствия оказался Дональд Харви. Как и остальные, он согласился пройти тест на полиграфе, но предварительно обзавелся книгой о том, как обмануть детектор лжи.

В день теста на полиграфе Харви сказался больным, после чего был вызван на допрос. В конечном итоге он признался детективам Джеймсу Лоусону и Рональду Кэмдену, что ввел Пауэллу цианид через желудочный зонд из жалости и нежелания видеть его страдания.

Следователи получили ордер на обыск квартиры Дональда, где нашли банки с цианидом и мышьяком, литературу о ядах и оккультизме и подробную дневниковую запись об умерщвлении Пауэлла. 6 апреля 1987 года Харви было предъявлено обвинение в предумышленном убийстве Джона Пауэлла с отягчающими обстоятельствами. Он заявил о своей невиновности в силу душевного расстройства и был помещен под стражу. Его адвокатом по назначению стал бывший заместитель окружного прокурора Уильям «Билл» Уолен.

Судебное заседание по определению дееспособности состоялось месяц спустя. По заключению обследовавших Дональда психиатра и психолога, несмотря на хроническую депрессию, он отличает плохое от хорошего, не болен психически и никак не является умственно отсталым. Что не менее важно, вопреки своей изначальной позиции Харви сообщил Уолену о своем нежелании придерживаться защиты по линии невменяемости. Тогда адвокат решил настаивать на смягчении приговора, поскольку имело место убийство из сострадания. Выход Пауэлла из комы был маловероятен, и, справедливо или нет, Харви посчитал, что сделает благо родным пациента.

Однако задача Билла Уолена усложнилась после того, как ему позвонил ведущий местного новостного телеканала Пат Минарсин. Беседуя в прямом эфире с другим журналистом, Минарсин выдвинул предположение о возможной причастности Харви к другим смертям в больнице имени Дрэйка. После этого ему стали звонить медсестры и другие сотрудники клиники, которые, часто на условиях анонимности, рассказывали о других сомнительных смертях, виновником которых мог быть Харви.

Пообщавшись с этими источниками, Минарсин предпринял собственное расследование. Он сопоставил количество смертельных исходов в больнице в рабочие дни Харви со смертностью в его выходные, но публиковать результаты не хотел, опасаясь раскрыть своих информаторов. Взвесив все «за» и «против», Минарсин решил выйти на Уолена. Он рассказал ему, что телеканал собирается сделать репортаж о возможной связи Харви со смертностью в больнице.

«Я сразу же ринулся в тюрьму, чтобы поговорить с Дональдом, - рассказывал впоследствии Уолен. - Я прямо спросил: "Дональд, вы убивали кого-то еще?"»

Харви признался, что убивал. Адвокат спросил, скольких еще.

Дональд сказал, что не готов ответить на этот вопрос.

Возмущенный Уолен потребовал, чтобы тот был с ним откровенен.

«Да вы не поняли. Я могу только приблизительно сказать», - пояснил Харви. Он прикинул, что где-то около семидесяти человек.

«Услышав слово "приблизительно", я понял, что у меня проблема», - вспоминал Уолен в газетном интервью. Юрист оказался перед лицом этической дилеммы. Формально он был обязан защищать своего клиента, но в то же время понимал, что его отвратительные деяния заслуживают максимально суровой кары. В конечном итоге Уолен решил, что его единственной целью будет избавить Дональда Харви от попадания на электрический стул.

Он связался с Джозефом Детерсом из окружной прокуратуры и сказал ему, что Харви совершил и другие убийства. Уолен предложил властям сделку: Харви признает себя виновным, а окружной прокурор Артур Ней не будет требовать для него смертной казни. По законам штата Огайо для высшей меры наказания было достаточно двух

убийств, а Харви, судя по всему, перевыполнил эту норму много лет назад.

Уолен понимал, что следствию будет очень трудно собрать доказательную базу по всем случаям, поскольку свидетелей нет, а вскрытия в большинстве случаев не проводились. Из-за этого огромное количество родных и знакомых не будут знать точно, умерли ли их близкие своей смертью или были убиты. Оба юриста понимали также, что вновь открывшиеся обстоятельства создают возможности для множества гражданских исков о возмещении вреда, причиненного смертью в результате противоправных действий.

Детерс был уверен, что следствие сможет собрать достаточно доказательств и без признательных показаний Харви, и нашел в соседних штатах нужных для этой цели медицинских и научных экспертов.

Чтобы надавить на Нея, Уолен поставил ему срок и продолжил сотрудничать с Патом Минарсином.

В конечном итоге Уолен и Ней договорились о следующем. Харви признает себя виновным в 28 убийствах и получит три пожизненных срока. По законам того времени это означало, что он получит право ходатайствовать об УДО в возрасте за девяносто.

Детерс рассказал нам, что Дональд давал изобилующие подробностями признательные показания на протяжении 12 часов. Это было настолько ошеломляюще, что некоторые из присутствовавших начали сомневаться, а не бахвалится ли он. Однако эксгумация двенадцати трупов показала наличие следов ядов, о которых говорил Харви. Как сказал Детерс: «Все факты, о которых он говорил, подтвердились».

В конечном счете Уолен начал верить, что Дональд действительно убил 68 человек.

Достигнув договоренности с прокурорами из Огайо, Уолен отправился в Кентукки к окружному прокурору Томасу Хэнди и заключил аналогичную сделку по девяти убийствам в больнице Мэримаунт. Судья Льюис Хоппер вынес пожизненные приговоры, аналогичные вынесенным в Огайо.

Харви продолжил «вспоминать» о других убийствах и после полученных приговоров. По условиям досудебной сделки он был

обязан сотрудничать со следствием под угрозой вынесения смертного приговора по новым эпизодам.

«Меня изобразили хладнокровным душегубом, а я не такой. Я считаю себя очень теплым и сердечным человеком», - сказал Дональд в одном газетном интервью.

Процесс формирования убийцы

Мне было очень интересно побеседовать с Харви еще и потому, что в свое время меня привлекали к его делу в качестве консультанта. Поскольку госпитали Управления по делам ветеранов являются федеральными учреждениями, подведомственными ФБР, оно принимало участие в расследовании совершенных в них убийств.

В Куантико позвонил глава регионального офиса в Цинциннати и попросил меня проконсультировать его коллег по наиболее эффективным тактикам допроса Дональда Харви. Я вылетел на место в тот же день. Приехав в региональный офис, я провел совещание с его главой и двумя назначенными на дело агентами, которые ознакомили меня с деталями биографии Харви и расследования, о которых рассказывалось выше. Обычно в подобных случаях меня просили выбрать агента, наиболее подходящего для проведения допросов по личным качествам и манере поведения. Иногда я рекомендовал для этого непосредственно главу регионального офиса: подозреваемый должен был проникнуться уважением к его должности. Иногда провести допросы просили и меня. Но мне больше нравилось быть наставником, к тому же как участник допросов я должен был бы тратить кучу времени на дачу свидетельских показаний в судах, а это в мои задачи не входило.

Изучив дело, я снова встретился с агентами и предложил использовать неагрессивную, мягкую манеру ведения допросов. Вне зависимости от своих истинных чувств они должны были изображать сочувствие и делать вид, что понимают, что подозреваемый лишь облегчал страдания своих жертв, которые в любом случае вот-вот должны были умереть. Я рассчитывал, что такой подход заставит допрашиваемого разговориться и раскрыть свои истинные намерения в каждом конкретном случае убийства. Агенты должны были произвести впечатление сопереживающих, предложить спасительный сценарий

«убийства из милосердия» и воздерживаться от слов вроде «умышленное», «преднамеренное» и «убийство».

Назначенные на дело агенты были примерно одного возраста с Харви. Я предложил допрашивать Дональда в региональном офисе ФБР. Это должно было символизировать могущество, которое было у ФБР и которого Харви лишился навсегда.

Помещение, в котором должны были допрашивать Харви, было оборудовано двусторонним зеркалом. Таким образом, мы с коллегами могли наблюдать за ходом допроса и давать рекомендации ведущим его агентам.

В тот период полицейского досье на Харви еще не было, а ФБР еще не закончило собирать на него материал. Так что отправных точек было маловато, хотя мы и знали, что убийца, похоже, воспринимает свой арест с облегчением и не производит впечатления человека, сильно переживающего по поводу происходящего. Учитывая это, я сказал агентам, что вероятность разговорить его достаточно велика. Тогда мы еще не знали, скольких пациентов он отправил на тот свет, и поэтому сценарий «убийства из милосердия» по-прежнему считался действенным.

Доставленный на допрос Харви выглядел дружелюбным малым с несколько озорным «вот вы меня и поймали» на лице. Агенты подробно расспросили его о фактах биографии, после чего перешли к вопросам о преступлениях.

Очень скоро я понял, что никакие особо изощренные тактики допроса в данном случае не нужны, поскольку Дональд хочет говорить. Было похоже, будто он выступает со сценическим монологом.

Так проходил первый из множества допросов Харви агентами ФБР Мне и самому захотелось поговорить с ним для целей поведенческого анализа, но дело было настолько сложным, что времени для этого не нашлось. Что ж, решил я, наверное, такая возможность представится мне когда-нибудь еще.

Заключенный № A-199499 по имени Дональд Харви быстро приспособился к тюремной жизни. Он сотрудничал с администрацией, не имел дисциплинарных взысканий и даже согласился сниматься в учебном видеофильме о том, как предотвращать найм на работу в медучреждения себе подобных.

Убийца отбывал срок в тюрьме города Лукасвилл, которая лишена гнетущей готической тяжести многих других знакомых мне исправительных учреждений. Она расположена неподалеку от границы с Кентукки и больше походит на современный производственный комплекс, а ее главная сторожевая вышка - на вышку управления авиадвижением. Но этот относительно благодушный вид не должен вводить в заблуждение. В этой тюрьме содержатся некоторые из наиболее опасных преступников штата Огайо и приводятся в исполнение смертные приговоры.

В самом начале беседы я рассказал Харви о том, что в свое время консультировал допрашивавших его агентов ФБР. Я сказал, что, наблюдая за ходом допроса, не увидел необходимости помогать его проведению, поскольку тот и так был вполне откровенен.

Опираясь на это и исходя из уже известных поведенческих стереотипов Дональда, я рассчитывал на 90-95 % его правдивости. Но в большей степени меня интересовали остальные 5-10 %.

Мы разговаривали в хорошо освещенном помещении площадью примерно 50 квадратных метров. Войдя в него, Харви широко улыбнулся и протянул мне руку. Я улыбнулся в ответ и пожал его руку не слишком крепко.

- Так значит, вы тогда за стенкой сидели? - спросил Харви мягким южным выговором и с удивленной улыбкой на лице.

Это был с виду совершенно безобидный мужчина приятной внешности с короткой стрижкой, усами и в очках в пластмассовой оправе. Но по сравнению с тем статным кудрявым красавцем, которым он выглядел на момент ареста, Дональд явно постарел и пополнел.

Я вспомнил о его участии в учебном видеофильме и сделал упор на то, насколько большую службу сослужит людям его не менее откровенный рассказ о своем детстве и юности.

Пока мы готовились к съемкам, он оставался милым и приветливым, словно стараясь заручиться симпатиями всей нашей группы. Сразу же попросил познакомить его с продюсером, Тришей Соррелс Дойл, которая договаривалась об интервью и съемках. Триша закончила юридический факультет Колумбийского университета, она является лауреатом премии «Эмми» и работала на нескольких крупнейших телепроектах. А еще она очень красивая женщина.

- А, так это я. Привет! - сказала Дойл.

- Привет! Вы лучший из всех сталкеров, кого я знаю. Подкрадывались ко мне целых четыре месяца, - ответил Харви.

- Я согласился, сказав, что она свое дело знает, а Триша подыграла: поблагодарила за комплимент и шутливо попросила передать его своему начальству. На это Дональд сказал, что мне стоило бы рекомендовать ее на работу в ФБР У меня создалось впечатление, что даже будучи геем, он флиртует с красивой женщиной, чтобы показать себя вполне нормальным, свойским парнем.

- Тюремные чиновники уже рассказали мне, что Харви хотел выглядеть на интервью как можно лучше и позаботился о том, чтобы его одежда была постирана и отглажена. Стоит заметить, что на старых фото из зала суда он выглядит настолько ухоженным и тщательно одетым, что его трудно отличить от адвокатов. А после нашего интервью он написал Трише письмо на бумаге с цветочным узором.

- В подавляющем большинстве своем серийные убийцы регулярно выходят на охоту, а некоторые из них делают это едва ли не ежевечерне. Охота - важнейший элемент фантазий, и подчас она приносит такое же удовлетворение, как само преступление. Я бы сравнил серийного убийцу со львом на африканской равнине Серенгети, подстерегающим стадо антилоп у водопоя. Он научился чувствовать слабость, беззащитность и любые другие особенности, которые делают данного конкретного человека предпочтительной жертвой. Это составная часть хищнического склада ума.

- Но Харви заинтересовал меня тем, что больше походил на льва из зоопарка. Ему не нужно было охотиться: добыча ежедневно появлялась «на тарелочке» сама собой. И что же тогда его возбуждало? Что приносило ему удовлетворение? Что заменяло собой охоту? Или все же он охотился, но мысленно и в больничных стенах?

- Здесь можно вернуться к дилемме «врожденного и приобретенного» и задаться вопросом, к какой категории убийц отнести Харви: «сформировавшихся» или «прирожденных»? Мы уже отмечали, что определенная врожденная предрасположенность, по-видимому, существует, но на данном этапе развития нейробиологии мы пока не способны ее объяснить. Обусловлена ли она генетически? Возможно. Но исследуя биографию жестокого преступника, мы обычно находим близких родственников, не имеющих подобных

наклонностей или имеющих до некоторой степени подобные, но выражающих их диаметрально противоположным образом.

- В этой связи интересен пример «Унабомбера» Теодора Качинского и его младшего брата Дэвида. Оба этих молодых человека были исключительно умны, прожили некоторое время в уединении и примитивных условиях, мечтали улучшить жизнь людей. Однако Тед стал мастерить и рассылать смертоносные бомбы, а Дэвид сделался социальным работником и буддистом. Глубокая порядочность заставила Дэвида и его жену сообщить властям, что стиль опубликованного в прессе «Манифеста Унабомбера» пугающе похож на сочинения Теда. Единственным, о чем Дэвид попросил в качестве награды, был отказ прокуратуры требовать для его брата смертной казни. Это красноречивее любых слов говорит о том, насколько разными выросли эти родные братья. Тед был готов убивать ни в чем не повинных людей. Дэвид не мог примириться с существованием смертной казни для виновных.

- Брат упоминавшегося ранее убийцы-рецидивиста из штата Юта Гэри Гилмора, Майкл - известный журналист, писатель и музыкальный критик.

Как показывают наши исследования, формированию асоциальной личности чаще всего способствует сочетание врожденных неврологических особенностей с тяжелым детством и подростковым возрастом. Возможно, что в отсутствие одного или другого фактора склонность к насильственным преступлениям не появится, как предполагают случаи законопослушных Дэвида и Майкла. Но в этом эпизоде мы имеем всего лишь данные по неформальной контрольной группе, а не результаты лабораторных экспериментов. На этой стадии развития нейропсихологии и криминалистики можно говорить не более чем о теоретических построениях.

Заметим также, что неблагоприятный фон складывается у всех по-разному. Для того чтобы окончательно выйти из себя, Джозефу Макгоуэну оказалось достаточно отказа деспотичной матери одобрить его намерение жениться. Джозеф Кондро считал, что его нормальное развитие было нарушено пониманием того, что он приемный ребенок, хотя вероятнее, что более значительную роль в этом сыграли дефицит здравого смысла и самоконтроля.

В действительности, травматический эпизод имел место и в детстве матери Дональда Харви. В двенадцатилетнем возрасте она пережила изнасилование, результатом которого стал частичный паралич. Еще будучи подростком, вышла замуж за отца Дональда, которому на тот момент было двадцать девять. Харви считал, что в ее глазах он был кем-то вроде родного папы, и это похоже на правду.

Вне зависимости от врожденных предрасположенностей Дональда, главную роль в формировании его психики сыграл, судя по всему, опыт детских и юношеских лет. Поболтав с ним для начала о том о сём, я перешел к разговору по существу и в первую очередь коснулся темы сексуального насилия со стороны окружающих, пережитого им в детстве.

Со свойственными ему мягкостью и сдержанностью Харви подтвердил, что первый на его памяти эпизод сексуального насилия над ним произошел в четырехлетием возрасте. Над ним надругался родной дядя, который был старше всего на девять лет. Далее, когда ему было примерно пять с половиной, с ним, как он выразился, «начал путаться соседский мужик». Дядя говорил ему, что мальчикам так положено, а сосед сказал, что, если Дональд проболтается хоть кому-то, он застрелит его маму и папу, и его отправят в приют. По словам Харви, впоследствии его дядя стал «сексуально необузданным» и поколачивал и первую, и вторую жену. Первую из жен Дональд запомнил не слишком хорошо, поскольку был очень мал, зато занимался сексом на троих с дядей и его второй женой. Как он сказал, «иначе у дяди не вставал».

Я никак не оправдываю агрессию или дурные поступки и не считаю перенесенные в детстве надругательства приемлемым основанием для насилия над другими во взрослом возрасте. Но если принять во внимание наличие в детстве Харви подобного рода нежелательных отношений, нетрудно понять, почему он рос, испытывая существенное предубеждение к тем, кого обоснованно считал сильнее себя, и к тем авторитетным лицам, которые позволили наносить ему эти психологические травмы.

Я, конечно, не знаю точно, но склонен сомневаться, что эти двое растлителей детей оказали влияние на сексуальную ориентацию юного Дональда. Существуют достаточно убедительные научные данные о том, что мужская гомосексуальность имеет врожденный характер.

Однако представляет интерес то, каким образом Харви «отомстил» этим двум серийным насильникам детей. Он не стал обращаться в полицию или мстить в общепринятом смысле слова. Вместо этого, по его собственным словам, достигнув позднеподросткового возраста, он решил стать равноправным партнером в обеих этих связях и потребовал уважения к себе. Дональд рассказал мне, что фактически сожительствовал с дядей и его второй женой в течение года, прежде чем поступил на работу в больницу Мэри маунта.

Поведение Харви в детстве не слишком похоже на то, которое мы обычно встречаем у серийных убийц. Для меня это не выглядит удивительным, поскольку, невзирая на ужасающее количество жертв, он был не похож на подавляющее большинство серийных убийц. Несмотря на травмирующий детский опыт, у него не было энуреза. Он не был пироманом. За исключением двух случаев, не причинял вреда животным и не мучил их. В одном из этих эпизодов Дональд свернул шею цыпленку, которого мать попросила отнести на соседнюю ферму. В беседе со мной убийца шестерых медсестер Ричард Спек рассказывал, что завел в своей тюремной камере воробья. Когда начальство сказало, что это запрещено, он на глазах тюремщиков раздавил птичку в кулаке и выбросил останки в вентиляционный люк. Это была демонстрация собственного могущества и власти. Нечто похожее я усмотрел и в данном эпизоде жизни Харви. Другой случай произошел, когда ему было около шестнадцати. Дональд отвел в лес двух коров своего соседа и зарезал их там. Он сказал, что не хотел обижать их, а хотел нанести своему соседу финансовый урон. Вспомним также, что Харви рос в сельской местности, где лишать домашних животных жизни избранными им методами считалось совершенно обычным делом. Необычными в этих случаях были причины его поступков.

Я спросил Дональда, что он думает по поводу дилеммы происхождения и воспитания. Его ответ был прямой противоположностью ответу Кондро и, мало того, относился непосредственно ко мне.

- То есть, вы [спрашиваете] в смысле, бывают ли плохими от рождения? Да нет, все дело в условиях. Может, человек и стал бы хорошим... Послушайте, а вы-то сами, часом, не серийный убийца? Ну

то есть вы же увлекаетесь общением с ними и все такое прочее. Может, вы вроде Ганнибала Лектера, кто вас знает.

Писатель Томас Харрис действительно бывал в моем подразделении ФБР и много беседовал с моими коллегами и мной самим перед написанием книг «Красный дракон» и «Молчание ягнят». Но даже если считать идею Харви просто дискуссионным аргументом, то следует заметить, что между ним и мной есть огромная разница. Несмотря на свое «увлечение», я не пошел убивать людей налево и направо. А существование среди серийных убийц большой доли не состоявшихся по тем или иным причинам полицейских свидетельствует лишь об их стремлении клич- ной власти и превосходству а не о наличии призвания служить высокой цели поддержания общественного порядка.

Я ответил:

- Вы как раз и говорите то, в чем состоит моя точка зрения. Я не верю в то, что люди выходят убивать из-за дурной наследственности. Действительно, всякое бывает, но все тем не менее зависит от самого человека, от того, как он отвечает на удары судьбы. Некоторые замыкаются в себе, некоторые стараются выстоять и победить, а некоторые винят во всем внешние причины и посягают на жизнь окружающих.

Ответная реплика Харви прозвучала любопытно:

Мои родные с обеих сторон были религиозными людьми, а мои мама и папа в церковь ходили, как правило, каждое воскресенье.

-Да ведь и вы тоже ходили, - сказал я, вспомнив, что в тюрьме Джо Кондро «духовно прозрел», а Деннис Рейдер на момент своего ареста и вовсе был церковным старостой.

Харви вновь показал себя довольно язвительным собеседником. По его словам, ребенком он действительно регулярно посещал церковь, но из-за того, что после службы соседские женщины хорошо его кормили, лучше, чем дома. Дональд немного помогал им по дому, а они угощали его любимыми лакомствами: тушеным мясом, печеньем и конфетами. «Я научился манипулировать людьми еще в раннем детстве», - сказал он. Этот талант отразился на всех аспектах его жизни; например, в школе он всегда стремился ходить в любимчиках у учителей.

О совершенных им убийствах Харви говорил вполне откровенно, но на мой вопрос о самом первом из них, убийстве Логана Эванса, у него был заготовлен психологически обоснованный ответ:

- Психиатры да остальные, с кем я это обсуждал, говорили, что я уже был на грани. То есть с меня и так хватило всего этого, а когда он вымазал меня в своих испражнениях, я сорвался.

- Вы считаете, что так все и произошло, потому что это вам говорили психиатры?

- Из-за этого я тогда подсел на эмоциональные качели и слезть с них уже не смог.

Наверное, это самый распространенный сюжет моих бесед с преступниками. Почти всегда для убийства находится какая-то внешняя причина. Поэтому практически все серийные убийцы считают свои преступления оправданными или как минимум вполне объяснимыми. Настоящими жертвами они считают самих себя, в чем лишний раз проявляется их крайний нарциссизм. Если еще и тюремный психиатр ненароком подкинет подходящее объяснение - что ж, тем лучше.

Что же касается столь блестяще освоенного Харви манипулирования, то оно не прекращалось никогда. Он рассказал мне, как через двоих санитаров-геев познакомился с директором похоронного бюро - женатым отцом троих детей и при этом бисексуалом. По словам Дональда, этому мужчине нравился секс в гробах и в ваннах со льдом. А еще именно он познакомил Харви с оккультизмом.

Я спросил его, занимался ли Дональд сексом в гробах и ваннах.

- Лед был, и для меня это было холодно. Вы уж меня простите, но все эти ледяные души и такое прочее, и он со всеми своими... Он увлекался своего рода сатанизмом, поклонялся дьяволу, что ли. Любил в крови купаться. Воровал части мертвых тел, просто жаждал дорваться до трупов жертв автокатастроф или чего-то такого.

Довольно жутко, даже для таких, как Харви. И что же заставляло его водить компанию с этим ненормальным?

- Он показал мне, как нужно пользоваться пластиковым мешком. Научил меня многим вещам, например, тому, что при вскрытии криминалисты могут найти волокна и всякое такое. Что подушка

оставляет следы, а мешок - нет, если им придавить или заткнуть им рот и нос коматозного пациента.

Не закончив даже средней школы, этот человек не переставал обогащаться знаниями.

Когда Дональд упомянул о поклонении дьяволу, я вспомнил о «Дункане» из его досье.

В детстве у многих бывают воображаемые друзья. Но мне встречалось немало серийных преступников, у которых, как минимум по их утверждениям, было нечто подобное и в зрелом возрасте. Такая «дружба» может принимать разные формы. Правоохранителям наиболее знакома та, которую предположительно вызывает синдром множественной личности.

В действительности СМЛ, который в наши дни чаще называют диссоциативным расстройством личности, встречается крайне редко. Обычно его выявляют у детей младшего возраста, подвергавшихся жестокому обращению. Они находят своего рода «убежище» в некой иной личности, никак не связанной с реальной и/или более сильной. Это вполне настоящие и очень печальные истории.

Вероятно, наиболее известным примером СМЛ во взрослом возрасте был случай Кристины «Крис» Сайзмор, чья жизнь послужила в 1950-х годах основой для книги «Три лица Евы» и одноименного фильма. В 1980-х Сайзмор выступала у нас в Куантико перед слушателями курса криминальной психологии, чтобы помочь им разобраться с особенностями синдрома множественной личности. Она рассказывала нам, что подчас ощущала присутствие целых двадцати разных личностей, будто бы живущих в ней с момента появления на свет, и приводила убедительные и впечатляющие примеры.

Но работники правоохранительных органов значительно чаще сталкиваются с СМЛ, слыша о его наличии у содержащихся под арестом лиц. Пусть подозреваемый или обвиняемый никогда не давал окружающим повода думать о наличии у него нескольких личностей, но если против него есть серьезные доказательства, а оправдать свои действия как-то иначе невозможно, то либо он сам, либо его адвокат выдвигают довод о синдроме множественной личности. Другими словами, хотя убийство действительно совершила его «телесная оболочка», в ней функционировала некая иная личность, у которой были и мотив, и виновная воля. С юридической точки зрения

необходимыми составляющими любого преступления являются виновное деяние (actus reus) и виновная воля (mens reus).

В 1985 году Ларри Джин Белл похитил и убил семнадцатилетнюю Шэри Фэй Смит, предварительно заставив ее отправить обезумевшим родителям и сестре душераздирающее «Завещание». Когда благодаря успешному сотрудничеству психологов-криминалистов из ФБР и полицейских его вычислили и поймали, я предпринял попытку допросить его с целью получения признательных показаний и разыграл карт/СМЛ. Довольно скоро он согласился, что «хороший» Ларри Джин Белл никогда такого не совершил бы, а вот «плохой» Ларри Джин Белл вполне мог. После этого я как-то не интересовался судьбой хорошего Ларри Белла, но не могу сказать, что не порадовался известию о казни плохого Ларри Белла на электрическом стуле 4 октября 1996 года.

В 1983 году убийца-садист Кеннет Бьянки (вместе с двоюродным братом Анджело Буоно он похитил, изнасиловал и убил по меньшей мере десятерых девушек и женщин в Лос-Анджелесе в период с октября 1977-го по февраль 1978-го) пытался ссылаться в суде на невменяемость вследствие соседствующего с его истинной личностью злого духа. В этом ему удалось убедить нескольких назначенных судом психиатров. Мы с коллегами из Куантико проконсультировались с видным психиатром из Пенсильванского университета Мартином Орни, известным своими новаторскими научными работами по гипнозу и искажениям памяти. На процессе Бьянки д-р Орни заявил под присягой, что в действительности страдающие СМЛ обычно имеют три личности и более. На следующий же день Бьянки неожиданно заговорил о присутствии внутри него еще и некоего Билли, о котором никогда прежде не упоминал.

И здесь мы вновь возвращаемся к Харви. В определенные моменты Дональд утверждал, что им руководил сатанинский дух по имени Дункан, с которым он советовался перед некоторыми убийствами. Якобы преступник расставлял свечи, символизирующие возможные жертвы, и дрожание пламени какой-то из них означало указание Дункана убить именно этого человека.

Во-первых, как я указывал выше, мой коллега по ФБР Кен Лэннинг наглядно продемонстрировал, что в действительности сатанинские ритуалы не служат движущей силой убийств. Так что если бы история с Дунканом была правдой, то это был бы из ряда вон

выходящий случай в анналах криминалистики. Но, кроме того, с точки зрения криминалистики это была просто какая-то нестыковка. Многие, если не подавляющее большинство, из этих убийств были незапланированными, а некоторые и вовсе спонтанными, так что идея предварительного представления Дункану какого-то набора потенциальных жертв выглядела совершенно нелепой. Интуиция подсказывала мне, что Дункан был такой же фикцией, как «Билли» Кеннета Бьянки или заставлявший Дэвида Берковица убивать тысячелетний демон в личине соседского черного лабрадора.

В ходе тюремной беседы с Берковицем он пытался заставить меня поверить в эту историю с собакой. «Ладно, Дэвид, хорош гнать. Собака была совершенно ни при чем», - сказал я. Ведь на самом деле эта тема и возникла-то сильно после его ареста. Он рассмеялся и кивнул, подтверждая мою правоту.

В своей работе я достаточно часто встречался с желанием переложить вину на выдуманных для этой цели персонажей.

В книге «Если бы я сделал это» О. Джей Симпсон описывает убийство своей бывшей жены Николь и ее приятеля с позиции человека, совершившего это преступление. Как тот, кто посвятил более сорока лет жизни работе в правоохранительных органах и поведенческому анализу, я считаю, что эта книга, опубликованная спустя годы после оправдания Симпсона по делу об этом убийстве, была очередной демонстрацией его презрения к нравственности, чувства превосходства над окружающими и сохраненной злости на Николь. Другими словами, произведением социопата-нарцисса.

Но, кроме всего прочего, и он вводит в свое повествование выдуманного персонажа. Описывая происходившее вечером 12 июня 1994 года, Симпсон рассказывает, что его друг Чарли - это имя никогда не фигурировало в расследовании и впервые упоминается в этой книге - сказал ему: «Ты не поверишь, что дома у Николь творится» - намекая на ее общение с мужчинами. Фрейдист назвал бы Чарли олицетворением эмоциональных, импульсивных сторон личности самого Симпсона. А мои коллеги-правоохранители и я называем это просто преступным умыслом. Такое использование вымышленных персонажей позволяет убийце не только дистанцироваться от совершенного им акта насилия, но еще и деперсонализировать свою жертву и то, что он с ней сделал.

Чарли у Харви не было, зато был Дункан.

- Ну, а Дункан, этот потусторонний тип... - начал я.

- Вы бы поосторожнее насчет Дункана, а то он и до вас доберется, - ответил Харви с лукавой улыбкой.

Мы выяснили, что Дункан появился, когда Дональду было немного за двадцать, и поэтому не может отвечать за самые первые убийства.

- Так что же, Дункан не виноват?

- Ну, Дункан, наверное, был со мной всю мою жизнь.

- Вы действительно так считаете?

Дональд снова заулыбался, явно играя со мной. Ему, совершенно очевидно, понравилась идея поманипулиро- вать бывшим фэбээровцем.

- А разве у вас не было воображаемых друзей? Ну а как же тогда в ковбоев и индейцев играть? Или в полицейских? Кстати, вы же были федералом, да?

Он намекал на то, что, повзрослев, мы воплощаем свои детские мечты. Не совсем нелепое предположение, хотя в детстве я хотел стать ветеринаром и никак не помышлял о карьере сотрудника ФБР. То есть таким образом Харви старался внедрить мысль о том, что его воображаемый приятель Дункан образовался еще в отрочестве и направлял его «выбор профессии».

Я попросил его вернуться к тому вечеру, когда в сильно нетрезвом виде Дональд сознался в пятнадцати первых убийствах, и спросил, действительно ли ему никто не поверил.

- Никто не поверил. Сказали, что у меня очень живое воображение. Отправили к психиатру, спрашивали, не самоубийца ли я, не алкоголик ли, может, регулярно марихуану курю. Да нет, первый раз в жизни выпил спиртного и стал болтать перед кем ни попадя. Так что я вполне заслуживал доверия.

На мой взгляд, ирония этой ситуации состояла в следующем. Я всегда очень скептически отношусь к тому, что заключенные рассказывают психиатрам и психологам, поскольку им нужно убедить врачей в своем исцелении, исправлении и прозрении. И критически отношусь к тюремным медикам, готовым верить в эти россказни. А тут все было наоборот. Тут был парень, которого *действительно стоило* посадить, и были полицейские и медики, которым *действительно*

стоило поверить в то, что он говорит правду. Вместо этого они хором решили, что у него «очень живое воображение», и, не поверив его словам, предоставили полную свободу убивать и дальше.

Можно ли сделать из этого какие-то выводы?

Обыкновенным людям трудно осознать, что жестокие преступники действительно мыслят иначе. Обычно о них судят с позиций собственного опыта и жизненных ценностей, а потом пытаются понять, что же «вышло из строя». Иначе говоря, в чем состоит «дефект», исправив который, можно было бы вернуть им «нормальное» мышление? И в самом деле, во многих случаях налицо некий аберрантный элемент, обусловливающий ненормальное поведение или побуждающий к нему. Но к моменту, когда некое лицо воплощает в жизнь свои преступные наклонности, он уже настолько впитался в индивидуальность, что его невозможно изъять и заменить также, как неисправную деталь механизма. Именно поэтому само понятие исправления выглядит проблематичным для случаев насильственных преступлений.

Поправить нанесенный ущерб чаще всего уже невозможно.

19. «Я совершенно не изменился»

При всем шокирующем характере истории преступлений Дональда Харви, в его деле есть еще один аспект, вызывающий огромную озабоченность: он мог скрытно убивать людей в организациях, где, по идее, создается не приносящая вреда обстановка. Как ему это удавалось и почему настолько долго? Разве система не предусматривает наличия мер защиты и обеспечения безопасности, вплоть до выявления взаимосвязей и закономерностей? Ответ состоит в том, что убийца знал устройство системы, причем даже лучше тех, кто ею управлял.

Харви пояснил, что внимательно изучал окружающих и отмечал их привычки и подходы к работе: кто внимательно относится к своим обязанностям, а кто ленится и делает все спустя рукава. Это давало ему возможность спокойно планировать и осуществлять задуманное.

- Такие, как я, внимательно за всем наблюдают. Ладно, вот этим я нравлюсь, а остальное им до лампочки. Ну а вот с этими типами стоит держать ухо востро.

Он знал, какую сторону коридора данного отделения обслуживает старшая медсестра, а какую младшая, и прекрасно понимал, что последняя будет просить его о помощи чаще.

Можно сказать, что Дональд и сам стал профайлером.

- Выходишь на работу в больницу и приглядываешься к людям. Ходишь по их любимым забегаловкам, все такое. Смотришь, какую униформу они носят, как работают, как отдыхают. Они же переодеваются, когда приходят. Сечешь за этим и соображаешь, какие у них тут униформы. Если нескольких цветов - прекрасно! Это значит, можно нацепить любую, и ходи, где хочешь. А цветов разных может быть пять или шесть. Да я и сегодня смогу пройти куда хочу в любой больнице. Дайте только мне денек присмотреться.

Как я понимаю, он имел в виду, что во многих больницах разным специалистам положены разные цвета и/или виды униформы, так что можно сойти за любого, если знаешь, какую именно надеть.

- Уверен, сможете, - поддакнул я.

- И типа: «Привет, как дела?» Ну, понятно типа: «Опаньки, а эта штука у нас где?» Или: «Слушай, а что-то я такого-то сегодня не видел?» А они тебе: «А, такты, значит, вот откуда». Им все равно, о ком ты: Смитах, джонсах и так далее.

- Потому что вы с ними запанибрата?

- Сойти за своего чисто на разговоре надо суметь.

- То есть, работая в больнице, вы были в зоне комфорта.

Практически у каждого маньяка есть своя зона комфорта. Это может быть какая-то местность неподалеку от дома или же хорошо знакомая. Это может быть межличностная зона. Например, Джозефу Кондро было комфортно с дочерями его друзей. Ею может быть и какая-то конкретная среда. Для Харви ею стали больницы. Он знал, что там ему обеспечен нескончаемый поток беззащитных жертв.

Уязвимости систем безопасности учреждений здравоохранения выглядят особенно ярко в свете того, что подобных Дональду в них хватает. И до Харви, и после него в системе здравоохранения работали убийцы, нацеленные на тех, кто от них зависел и доверял им. Рекордное число медицинских убийств совершил не санитар и не фельдшер, а врач - доктор Гарольд «Фред» Шипман из английского города Манчестер. Мужчина примечателен и другим. По сравнению с описанными выше случаями у него были иные мотивы, и вдобавок

большая часть его преступлений была совершена вне больничных стен.

Шипман родился в Ноттингеме 14 января 1946 года в семье рабочих. Деспотичная мать, у которой он был любимым ребенком, привила ему чувство превосходства над окружающими. Гарольд заинтересовался медициной в подростковом возрасте, когда помогал ухаживать за заболевшей раком легких матерью. Спустя два года после ее смерти убитый горем Шипман поступил на медицинский факультет Лидского университета. В возрасте 19 лет он женился на девушке по имени Примроуз, которая была на два года младше и уже беременна их первенцем.

После окончания медицинского факультета и интернатуры Шипман работал участковым врачом поликлиники в городе Тодморден. Все шло хорошо, пока он не начал злоупотреблять опиоидным обезболивающим и подделывать рецепты на него. После разоблачения Гарольд прошел курс лечения от наркозависимости, выплатил штраф за подделку рецептов и устроился в поликлинику города Хайд. Там мужчина проработал в течение почти двух десятилетий и приобрел репутацию трудолюбивого и преданного своем делу врача, пользующегося уважением и доверием пациентов. В 1993 году он открыл в Хайде собственную практику.

Владелец местного похоронного бюро обратил внимание на несколько повышенный уровень смертности пациентов Шипмана, причем все они, как ему показалось, умирали полностью одетыми и в сидячем или полулежачем положении. Он обратился к самому врачу, который заверил его в отсутствии причин для беспокойства. Заметив похожую закономерность, одна из коллег Гарольда известила о ней местного коронера, который в свою очередь сообщил обо всем полиции. Проведенное ей секретное расследование оказалось безрезультатным.

Было похоже, что основной контингент его пациентов состоял из пожилых и престарелых женщин, которым нравилось, что он обычно посещал их на дому.

Каждого из таких врачей-убийц губит единственный случай: это может быть допущенная в спешке оплошность, неожиданность вроде предписанной аутопсии или же настойчивость человека, который видит, что что-то не так.

Бывший мэр Хайда, вдова университетского профессора Кэтлин Гранди, скончалась возрасте 81 года вскоре после визита доктора Шипмана. Внезапная смерть матери, бывшей вполне бодрой и физически активной женщиной, поразила ее дочь Анджелу Вудрофф, и она спросила Гарольда, не следует ли провести вскрытие до отправки тела в похоронное бюро. Однако врач сказал, что необходимости в этом нет, и подписал свидетельство о смерти по причине «преклонного возраста».

Разбираясь с финансами покойной матери, Анджела, адвокат по профессии, с изумлением обнаружила, что незадолго до смерти Гранди втайне от всех составила новое завещание, согласно которому Шипману причиталась огромная часть ее состояния. Женщина сразу уже заподозрила его в убийстве. Она связалась с полицией и поделилась своими соображениями со старшим следователем Бернардом Постлсом, который пришел к аналогичному выводу. Он добился судебного приказа на эксгумацию тела Гранди. На вскрытии было выявлено присутствие огромной дозы диаморфина, мощного онкологического обезболивающего. По данным экспертизы, диаморфин попал в организм покойной примерно тогда же, когда ее последний раз посетил доктор Шипман.

Во время обыска дома у Гарольда нашли медицинские карты многих его пациентов, странную коллекцию безделушек и пишущую машинку, на которой и было отпечатано удивительное завещание Гранди.

Исследовав актовые записи о смерти всех престарелых пациенток Шипмана, полицейские сосредоточились на тех, кто умер у себя дома и не был кремирован. Как и следовало ожидать, врач уговорил на кремацию останков своих пациенток очень многих из их родственников, избавившись тем самым от улик.

Тщательное исследование медицинских карт в увязке с анализом временных меток создания файлов показало, что Шипман изменял анамнезы многих своих жертв с целью приведения их в соответствие с предполагаемыми причинами смерти. В частности, по этой причине в ходе предыдущего расследования не удалось обнаружить неопровержимых доказательств преступлений Гарольда. Однако на этот раз в результате следственных действий, дополненных целым рядом

эксгумаций и экспертиз тел возможных жертв, Шипману были предъявлены обвинения по 15 эпизодам убийств.

Суд над ним начался 5 октября 1999 года. Как можно было предположить, защита настаивала на том, что если Шипман и умерщвлял своих пациентов, то исключительно из сострадания. Знакомо, не правда ли? Контраргументы обвинения состояли в том, что Гарольд наслаждался ощущением власти над жизнью и смертью и что никто из его жертв не страдал неизлечимым заболеванием. Затем обвинение представило данные судебно-медицинских экспертиз, согласно которым в подавляющем большинстве случаев смерть наступала от передозировки диаморфина. Отпечатки пальцев и почерковедческий анализ свидетельствовали о том, что Кэтлин Гранди даже не прикасалась к своему мнимому завещанию.

После шести дней обсуждения присяжные признали Гарольда Шипмана виновным в пятнадцати убийствах и в подделке документов. 31 января 2000 года суд вынес ему пожизненный приговор, не предусматривающий возможности выхода на свободу по УДО.

За судом и приговором последовал медицинский аудит, в течение двух лет проводившийся комиссией под председательством судьи Высокого суда Дженет Смит. Комиссия пришла к выводу, что на протяжении 24-летнего периода времени Шипман умертвил не менее 236 пациентов. Это сделало его абсолютным лидером по числу жертв среди британских серийных убийц. Примерно 80 % от общего числа его жертв пришлось на женщин. При том что судья Смит заявила о многих других смертях, по которым комиссии просто не хватило неопровержимых доказательств, Гарольд с вызывающей наглостью продолжал настаивать на своей полной невинов- ности.

За день до своего 58-летия Шипман повесился в камере тюрьмы строгого режима, привязав простыню к решетке на окне.

Шипман и Харви сполна воспользовались возможностями существующей системы, но для того, чтобы преступления сходили с рук, одного только знания возможностей недостаточно. Нужно понимать, как вести себя в рамках системы.

Как сказал мне Харви: «Всегда будь мил и приветлив - это главное. Будь дружелюбен, но не подозрительно дружелюбен. Всегда будь приветлив, потому что и народ по большей части приветлив к

тебе». Это смахивало на Теда Банди - очаровательный с виду маньяк, жаждущий реализовать свои кровавые фантазии.

Как отмечалось выше, серийного убийцу можно посадить за решетку, но это не помешает ему вновь и вновь мысленно возвращаться к наиболее ярким моментам своих преступлений. Я спросил у Харви, о чем он думает в своей одиночке по ночам. Возможно, из полуночной тьмы его души всплывают воспоминания о каких-то самых дорогих его сердцу убийствах? Его ответ удивил меня.

- Строительством занимаюсь, вот сейчас это бревенчатый дом. Я купил себе такой иллюстрированный журнал и строю дом на две... Нет, три. Ох, простите, четыре спальни. Но у меня получаются только три санузла.

- То есть мысленно строите дом?

- Ну да, нуда. Иногда кое-что записываю. Значит, мы [Кто это «мы»? Он и Дункан?] это строим, а на следующий год, может, будем строить что-то еще. Типа церковь или что-то вроде.

Услышав подобное от любого другого заключенного уголовника, я бы счел это лицемерием. Но в устах человека, настолько обыденно относящегося к убийству, это прозвучало вполне правдоподобно. В отличие от, скажем, Денниса Рейдера, большую часть времени предававшегося фантазиям о пытках и убийствах, Харви просто занимался своими делами. А если в круг этих дел входило убийство, то это было ему бесспорно приятно, но поводом для постоянных размышлений явно не служило. Если появлялась возможность убить, он ее использовал, а полное понимание окружающей обстановки и коллег по работе позволяло ему делать это уверенно и спокойно.

Тем не менее я не был готов поверить в то, что Харви вообще никогда не думает или не фантазирует на эту тему, и попробовал другой подход. Допустим, сейчас Дональд действительно фантазирует о постройке зданий, но, может быть, фантазии об убийстве беспомощных людей преследовали его с детства или с момента начала работы в медучреждениях?

Он упорно настаивал на гораздо более «приземленном» характере своих преступлений: «Да нет, ничего подобного. Это как с Карлом и всеми прочими: я типа не мирюсь со всем происходящим. Уж такой я человек: "Не нравлюсь - пока-пока, скатертью дорожка"».

Харви не уточнил, что значило это «пока-пока»: «был рад знакомству» или «прощайся с жизнью». Но его криминальный опыт не оставлял сомнений в том, что в статистику смертности мог попасть кто угодно из числа доставивших ему огорчение.

По словам Дональда, в тюрьме он вел себя точно также: был приветлив со всеми, всегда здоровался и ответственно подходил к своим обязанностям по сбору грязного белья и уборке служебных помещений. В ответ на мое замечание о том, что его содержат под усиленным надзором отдельно от общего контингента, сказал, что так решила администрация, а он нормально уживался с остальными заключенными.

Харви был настолько же практичен, как Джозеф Кондро. Тот сообразил, что входить в доверие к знакомым проще *и* что останется безнаказанным, если полиция не найдет тело жертвы. В свою очередь, по опыт/ работы в морге и участия в аутопсиях Дональд знал не только о действии и остаточных эффектах лекарственных средств, но и о том, что в зависимости от очевидной причины смерти вскрытия проводятся по тем или иным правилам, часто не дающим возможности обратить внимание на наличие следов преступления.

- Вот смотрите, какой способ [убийства]: есть у тебя пациент с больным сердцем, берешь у него спинномозговую жидкость и откачиваешь столько, чтобы вызвать у него инфаркт. Одну женщину лечили от пневмонии, так я вызвал у нее слизистую пробку, и она вроде как задохнулась насмерть собственной мокротой.

Если пациент с сердечной недостаточностью умирает от острого приступа, патологоанатому вряд ли придет в голову проверять спинномозговую жидкость. А больная пневмонией очевидно от нее и умерла, так что ничего подозрительного. Кроме того, Харви знал, что в подавляющем большинстве случаев вскрытия умерших в больницах не проводятся, если для этого нет каких-то особых показаний.

Я задал Дональду вопрос:

- Возвращаясь к пациенту Пауэллу, из-за которого вы здесь, есть ли что-то, что вы сделали бы иначе, будь у вас такая возможность?

- Ну, я бы сроду не ввел ему цианид, лучше было его гастростомическую трубку продуть как следует. Вообще- то не стоит критиковать себя задним числом. Я уже больше и не пытаюсь это делать.

И, разумеется, он был не виноват в самых отвратительных способах убийства. «Это больничная служба безопасности плохо сработала», позволив Харви разобраться с пациентом, ударившим его по голове железным судном. Этот пациент скончался от перитонита, потому что Дональд через катетер ввел ему в кишечник стальную проволоку.

Подобное отношение не удивляет. Как-то один насильник сказал мне, что при виде сидящей у барной стойки женщины в короткой юбке и явно без трусиков сразу понял, что она жаждет быть изнасилованной. Ну а он просто пошел навстречу.

Я сказал Харви, что то, чем он занимается, называется проецированием. Дональд допускал, что «поступил плохо», но пытался объяснить это своим восемнадцатилетним возрастом и тем, что ему не объяснили, как действовать в таких ситуациях. В конечном итоге он хотел перевалить часть ответственности на больницу:

-Да нет, в части смерти они ни при чем. Они виноваты, что не обеспечили его безопасность: сами связали, а я обихаживай его. Я же его не связывал, его до того уже связали.

А помните, как он согласился принять участие в учебном фильме по обеспечению безопасности в больницах? Так вот, когда я спросил его, чем Харви хотел бы заниматься, если в преклонном возрасте все же выйдет из тюрьмы по УДО, Дональд сказал:

- Ну, раз уж вы любите разговаривать с серийными убийцами и душегубами, то я бы, наверное, поработал вместе с вами. У нас неплохо получится, если профайлеры до чего-то не додумаются, то я додумаюсь точно.

Несмотря на все старания, с этим персонажем я никак не мог выйти на эмоциональный уровень, где он мог бы сломаться и продемонстрировать свои действительно слабые места. Похоже, его защитный механизм и состоял в том, чтобы постоянно увиливать от ответов.

После своего ареста и признания виновным в серии убийств Тед Банди получал огромное наслаждение от попыток научных деятелей разобраться в мрачных глубинах его криминального мышления. Вероятно, Банди в большей степени, чем кто-либо еще, соответствовал классическому представлению о серийном убийце: он был красив, умен, обаятелен, речист и находчив. А еще в 1970-х годах он зверски

убил по меньшей мере три десятка женщин в разных концах страны. Покойная писательница Энн Рул, некогда служившая в полиции, работала с ним бок о бок на телефоне доверия кризисного центра Сиэтла и ни разу не заподозрила его в каких-то темных делах. Напротив, она была уверена, что он действительно помогает людям и спасает их жизни.

Билл Хэгмайр из моего отдела разговаривал с Банди в его последнем обиталище - камере смертников тюрьмы штата Флорида. Факт приезда к нему сотрудника ФБР, скорее всего, очень польстил самолюбию Теда. Несмотря на все природные таланты и достоинства, у Банди было трудное детство, и, как свойственно большинству разоблаченных серийных маньяков, он сразу же переложил вину за свои преступления на внешние факторы: в данном случае, на жестокое порно. Возможно, порнография и снабжала его идеями и разжигала похоть, но она не превратила бы его в убийцу при отсутствии уже существовавших зверских инстинктов.

При ознакомлении с материалами беседы Хэгмайра меня поразили две вещи. Во-первых, жестокое сексуальное насилие над красивыми молодыми женщинами с последующим убийством не было для Банди самым главным. Наибольшее удовлетворение он, по его собственным словам, получал от процесса охоты на жертв и ощущения власти над жизнью и смертью другого человека. Тед рассказал, что некоторое время сохранял жизнь похищенным им на пляже Дженис Отт и Дениз Насланд, после чего заставил одну девушку смотреть, как он убивает другую. И это доставило ему максимум садистского удовольствия. Он сказал Хэгмайру, что убил так много красивых молодых женщин только потому, что ему этого хотелось. По его словам, полная власть над жертвами доставляла ему наслаждение на грани мистического опыта. В этом Банди был похож на орудовавшего примерно тогда же Денниса Рейдера.

Второй удивившей меня подробностью беседы с Тедом была его непоколебимая уверенность в своей способности выбраться из любого затруднительного положения. В чисто физическом плане у него действительно получалось сбегать и с места преступления, и из мест заключения. Он сбежал из окружной тюрьмы Питкин в штате Колорадо, куда был доставлен из Юты на суд по обвинению в убийстве. Через восемь дней его поймали, но шесть месяцев спустя, незадолго до

начала суда, он сбежал вновь. В районе Таллахасси во Флориде его остановили на шоссе, но стоило патрульному полицейскому направиться к своей машине для проверки номерного знака, как Банди был таков. Но его стратегии спасения этим не исчерпывались. После своего окончательного ареста он решил, что, предложив «помощь следствию» по нераскрытым делам без фактического признания себя виновным, сможет выторговать себе менее суровый приговор. Убийца полагал, что беседы с желающими опросить его учеными сделают его слишком «ценным экземпляром» и он заслужит особое отношение к себе, а не смертный приговор. Когда дело дошло наконец до суда, Банди самонадеянно потребовал разрешения защищать себя самому, а авторитетного государственного защитника Майкла Минерву рассматривать только как своего «помощника».

Оказавшись в конечном итоге в камере смертников, Тед предпринимал отчаянные усилия по предотвращению приведения приговора в исполнение. Он умолял ходатайствовать перед властями о сохранении ему жизни и Билла Хэгмайра, и следователя Роберта Кеппеля. Но собственной хваленой изворотливости 42-летнему Банди уже не хватило. 24 января 1989 года его казнили на электрическом ст/ ле. Из доброты и сострадания, в которых сам убийца отказал столь многим, Билл находился с ним до последних дней.

Аналогичную спесь демонстрировал и Харви, относившийся, правда, к совершенно иной категории серийных убийц. Он явно преисполнился чувством собственной значимости, ведь его попросили дать интервью не абы кому.

Я спросил его, как он отнесся бы к кончине своей матери.

- Она не сильно старше меня, так что еще неизвестно, кто из нас уйдет раньше.

- Но послушайте, ведь это было бы действительно трагично.

- Конечно, да и вообще потерять любого родителя или родственника - трагедия.

Ну а как он воспринял смерть отца?

- Я был молод.

А если говорить о семье в целом?

- Это у вас на воле семьи. А моя семья здесь, в тюрьме.

Угрызений совести по поводу своих убийств он тоже не выказал:

- Вплоть до самого ареста я не считал это убийствами. Я всегда считал, что делаю это из милосердия. Сей- час-то вон есть и хосписы, и эвтаназия.

- Но это дело добровольное, - заметил я.

С этим Харви был согласен, но стал упирать на то, что большинство его жертв были просто не в состоянии сделать добровольный выбор и не имели близких родственников, которые могли бы сделать его за них. При этом весьма примечательно, что он не употреблял по отношению к содеянному им терминов «эвтаназия» или «ассистированное самоубийство». Вместо этого заметил, что «был судьей, присяжными и палачом в одном лице». Слово «палач» обычно не приходит на ум, когда речь идет об умерщвлении из милосердия.

- Но ведь не все ваши убийства были совершены из милосердия, - сказал я.

- Нет, не все.

- И ведь методы были опять-таки различными. Вот вы наволочку упоминали, а какие еще были методы?

Я был хорошо осведомлен о всех его методах и просто хотел посмотреть, разграничит ли преступник убитых им «из милосердия» и убитых по личным причинам.

- Я пользовался морфием, потому что в 1970-х в Кентукки его не так контролировали, особенно в небольших больницах. Он там просто в холодильниках лежал. Я пользовался цианидом. Пользовался мышьяком. Чистящий гель использовал. А, и еще пластиковые мешки.

- Экспериментировали, или брали просто то, что под руками было?

- Мне нужен был самый быстрый способ. И пару раз я отключал дыхательные аппараты. Чистящим гелем пользовался, потому что он закупоривает мокроту и наступает смерть от пневмонии. Цианид использовал внутривенно. Если делать инъекцию, то на черных это будет незаметно, а вот на белых заметно. Так что если вливать, то не уколом, а через капельницу. А, нет, я же им через питательные трубки вводил, на этом и попался. Торопился я.

Для него все это было делом техники, и говорил он совершенно спокойно.

Я решил вернуться к его пониманию себя как вершителя правосудия:

- А что насчет этого Натаниэла Уотсона?

- Это был насильник.

- Вы *думаете*, что он был насильником.

- Нет, он действительно был. Его в окружную тюрьму посадили.

Я был в курсе дела.

- На самом деле так и осталось невыясненным, действительно ли...

Харви перебил меня:

- Да ладно, его ведь там держали по подозрению в шести изнасилованиях, а у него удар случился. При виде белой женщины у него всегда вставал. А при виде черных - никогда. Что уж там, у него вставал даже при виде доктора, если тот был белым. Так что я его убил. Плох он был, ну то есть совсем плох.

Достоверных доказательств того, что Уотсон действительно кого-то изнасиловал, не было. Но Харви зацепился за это предположение, поскольку оно было удобным оправданием для преступления.

- Значит, поэтому вы решили, что убить его будет совершенно нормальным делом?

Тут он резко сменил курс и принялся рассказывать, что бесчувственное тело Уотсона сотрясали чудовищные судороги, что у него были хронические пролежни и что сдвинуть его с места можно было только вдвоем. Дональд сравнил его с Карен Энн Квинлан. В 1975 году эта молодая жительница Пенсильвании приняла несколько лекарств вперемешку с алкоголем, потеряла сознание и впала в необратимую кому. Религиозные родственники всячески пытались заставить врачей отключить женщину от аппарата искусственного дыхания и вернуть в «естественное состояние». Но даже после того, как сделать это предписал суд, Квинлан прожила еще почти десять лет только на искусственном кормлении. Этот случай привлек внимание общественности страны к проблеме «права на смерть». Харви утверждал, что не желал Уотсону подобной участи.

Так что здесь мы имели историю в стиле «два в одном»: Дональд убил его как насильника и/или как безнадежного паралитика. Я рассказываю об этом, чтобы подчеркнуть разительный контраст между разумностью и методичностью, с которыми преступник анализировал окружающую обстановку, и его путаными объяснениями причин совершенных убийств.

Глубоко противоречивое и незрелое отношение Харви к окружающим становилось все более очевидным. Он будто оставался в предподростковом возрасте, когда рвутся отомстить обидчику тотчас, даже если состоят с этим человеком в нормальных или дружеских отношениях.

Я еще раз убедился в этом, задав вопрос о соседке, которую тот пытался отравить или заразить ВИЧ и гепатитом В.

- Обожала геев. Это было все, что ей нужно, все ее друзья были геями. С ними ей было спокойно. Хорошо готовила, да и в принципе она была приятной.

Почему же тогда он пытался убить ее? Потому что думал, что она сплетничает о том, как Дональд изменяет Карлу с женщинами. Судя по всему, ей было завидно, что Карл проводит больше времени с Дональдом, чем с ней. И несмотря на то что «в принципе она была приятной», Харви оживился в связи с ней, только когда рассказывал, что мышьяк был лучшим способом ее отравить.

А вот Карла он убивать не хотел. Дональд подтвердил, что давал ему мышьяка ровно столько, сколько было нужно, «чтобы он держал штаны застегнутыми и не шлялся по разным паркам». Но вскоре выяснилось, что этого недостаточно, чтобы держать Карла в узде: «В конце концов, дошло до того, что его несло и рвало, а он все равно уходил искать сексуальных приключений».

Мы прошлись еще по нескольким его внебольничным убийствам.

Соседка Хелен Мецгер: «Очень милая была женщина. Карл вытянул из нее примерно сто тысяч, и она собиралась идти в полицию, а я не мог позволить, чтобы она пошла в полицию. Меня бы по допросам затаскали, а мне не нужны были всякие проблемы на работе в этой связи».

Коснувшись убийств из милосердия, Харви сказал, что хуже всего было работать в онкологическом отделении. Очень многие там были при смерти и не имели родственников, вот и приходилось ему избавлять их от страданий по собственной инициативе. По его мнению, все было бы нормально, останься он на общем уходе. С тем, что убийца уже рассказал мне о себе, эта идея никак не стыковалась.

За личиной простого и покладистого Харви скрывался изобретательный и находчивый преступник.

Узнав о том, что смерть Натанаэла Уотсона вызвала подозрения, он разработал план побега. Идея была настолько хитроумной, что больше походила на лихо закрученный детективный сюжет, чем на реально осуществимый план.

Дональд рассказал, что три или четыре ночи подряд обходил гей-бары в поисках похожего на себя мужчины. Подходящему кандидат/ он сказал бы, что работает в больнице и опасается подцепить СПИД, поэтому прежде, чем заниматься сексом, ему нужно проверить его кровь. Получив кровь на анализ, сделал бы перекрестную пробу на совместимость, а не тест на ВИЧ.

В то время Харви жил в доме на колесах с газовым отоплением. Знакомый директор похоронного бюро говорил ему, что может достать динамит, который иногда бывает нужен на кладбищах для подрыва твердых пород под слоем почвы. Идея Дональда была в том, чтобы убить похожего на себя человека, оставить труп в своем доме на колесах и инсценировать взрыв газового баллона.

Я спросил Харви, куда именно он собирался бежать. По моим предположениям, это должна была быть Мексика. Как ни странно, но это был единственный вопрос, на который Дональд не стал отвечать. Как будто и много лет спустя эта часть плана побега все еще оставалась для него актуальной.

Как бы то ни было, но с планом ничего не вышло. У единственного более или менее похожего на него мужчины оказалась другая группа крови. Кроме того, чуть позже убийца понял, что одной только группы крови может оказаться недостаточным: афера вскрылась бы при проведении ДНК-анализа. Хотя, с другой стороны, к этому моменту Харви, возможно, был бы уже далеко.

Здесь интересно то, с каким старанием он разрабатывал свой фантастический план тогда и насколько глубоко предавался мечтам о строительстве, уже сидя в тюрьме. У меня сложилось впечатление, что эти мечты помогали ему оставаться эмоционально уравновешенным, подобно тому, как Банди успокаивал себя уверенностью в собственном умении манипулировать и изворачиваться. Иными словами, Дональд всегда нуждался в месте, куда можно было бы сбежать, если не на самом деле, то хотя бы мысленно. И это вполне соответствует бурному воображению остальных серийных убийц.

Подобной мечтательностью были пронизаны многие аспекты сознания Харви. Когда я спросил его о причинах депрессии, из-за которой он совершил несколько попыток самоубийства, Дональд отрезал: «Действительно хотел бы - сделал бы все как надо, будьте уверены».

Я пришел к выводу, что ему вообще было свойственно нежелание усложнять что-либо. Говоря о прогуле, который Харви совершил, чтобы не проходить обязательный для всех сотрудников тест на полиграфе, он сказал, что не помнит подробностей того дня, но заметил:

- Я-то знал, что социопат без проблем пройдет его, если захочет.

- Считаете себя социопатом? - спросил я.

- Скажем так, в основном люди обо мне именно так и думают.

- А вы сами что думаете?

На его лице вновь появилась кроткая, почти блаженная улыбка:

- Я просто Дональд Харви. Я совершенно не изменился. Я исправился. Я в полном порядке. Я готов к выходу на свободу.

Наверное, ничто другое не говорит столь же ясно о неспособности или неготовности Харви разобраться в самом себе и побудительных мотивах своего поведения. Хотя возможно и то, что он уже сделал это, но считает всех остальных слишком тупыми, чтобы разобраться, что там к чему.

Под конец интервью убийца разоткровенничался:

- Ничего, если я смотрю на все это иначе? Я тридцать пять лет прожил свободным человеком и считал, что все делаю правильно. И мне нравилось думать, что я облегчаю участь пациентам, ну, тем, о которых типа позаботился. Нет, конечно, это не они сами решали. А у некоторых вообще не было никого, кто мог бы за них решить. Или И вы позволите кому-то поступить с вами также, как вы с другими поступили?

- Кто захочет - давайте, без проблем. Но только не попадайтесь, черт, только не попадайтесь, потому что все эти тесные камеры и душевые, вообще-то говоря, совсем не здорово.

Его слова оказались пророческими. Вечером 28 марта 2017 года Харви обнаружили избитым до потери сознания в его камере. Увечья были нанесены тупым предметом руками одного из заключенных. По словам представителя тюремной администрации, и пострадавший, и

нападавший находились на особом режиме содержания. Спустя два дня Дональд умер, не приходя в сознание. Ему было шестьдесят четыре, и, останься он в живых, ждать возможности подать ходатайство об УДО ему пришлось бы еще тридцать лет.

20.Падший ангел

Было бы очень просто не придавать особого значения той невозмутимости, с которой Харви говорил о совершенных им убийствах и об их влиянии на формирование его душевного склада. Но его фразы вроде «я в полном порядке» или «я очень теплый и любящий человек» нельзя считать сказанными по простому недомыслию. Они заставляют задуматься об очень серьезных моральных и философских проблемах, подобных тем, которые возникли на Нюрнбергском процессе в связи с делами руководителей и функционеров нацистских лагерей смерти, обеспечивавших бесперебойную работу механизмов унижения и уничтожения людей. По их собственной логике и в рамках задуманной психопатами и упорядоченной государственной бюрократией системы, эти служаки не просто поступали надлежащим образом, а занимались созиданием. Они или искренне верили в свое дело, или оставляли моральные вопросы на усмотрение высших чинов.

Схожим образом и Харви, несомненно, создал собственную логику, в рамках которой занимался нужным и полезным делом и в роли убийцы из сострадания, и в роли ангела мщения. Организации, в которых убийца работал, или не видели, что он творит, или были не способны замечать закономерности в смертях вверенных его заботам пациентов. К сожалению, в этом нет ничего необычного. В организациях обычно не хотят проблем или связанных с их разбирательством юридических сложностей. Намного проще просто передать проблему соседям или вверх по инстанции. Сколько детей пострадало от сексуальных домогательств из-за того, что руководители католической церкви считали менее опасным для организации переводить виновных в другие страны или приходы, чем заставлять их публично отвечать за свои преступления? Счет идет на сотни, если не на тысячи.

Оценить исходный уровень умственных способностей Харви трудно, но преступником он стал очень изобретательным и искушенным. При этом Дональд оставался недоразвитым на эмоциональном уровне, и такое сочетание делало его особо опасным и удачливым убийцей.

К несчастью, он был далеко не единственным в своем роде.

На вынесении приговора в Цинциннати в 1987 году он заявил: «Дональд Харви не один такой». Он оказался прав и задним числом, и на перспективу.

В первом издании «Классификатора преступлений» мы привели больничные убийства в качестве подкатегории убийств по личным мотивам. Но с учетом их относительной частоты в третьем издании мы выделили их в отдельную категорию, которую назвали «медицинские убийства».

Деяния Дональда ныне попадают в подкатегорию «убийства из ложного милосердия».

Прямым последователем Харви стал мужчина по имени Чарльз Эдмунд Каллен. За исключением того, что Каллен был гетеросексуальным разведенным отцом троих детей, его случай поразительно похож на случай Харви и служит наглядной иллюстрацией полезности наших бесед с заключенными преступниками. Ведь поняв Дональда Харви, мы понимаем и Чарльза Каллена и ему подобных.

Каллен был ничем не примечательным мужчиной с тяжелым, как и у Харви, детством. Он родился в 1960 году в Уэст-Оранджe, штат Нью-Джерси, и был младшим из восьмерых детей в семье. Отец, работавший водителем автобуса, умер в возрасте 58 лет, когда Чарльзу было семь месяцев. Как и Харви, Каллен несколько раз пытался покончить жизнь самоубийством. Свою первую попытку он совершил задолго до совершеннолетия, выпив в девятилетием возрасте химикаты из набора «Юный химик». Когда Чарльзу было семнадцать, мать погибла в автокатастрофе, причем за рулем была его старшая сестра. Как и Харви, Каллен пошел служить в армию, но был уволен в запас по состоянию здоровья из-за признаков психической неуравновешенности и попытки самоубийства. И точно также, как Харви, Каллен втирался в доверие в больницах, изучал местные

правила и порядки и в полной мере пользовался системными пробелами надзора и управления.

По существу, единственной особенностью характера, отличавшей Каллена от Харви, было свойственное последнему внешнее обаяние. Каллен был замкнутым одиночкой, которого люди обычно начинали считать странноватым сразу после знакомства с ним.

На протяжении шестнадцати лет Каллен работал медбратом в больницах штата Нью-Джерси и за этот период умертвил по меньшей мере три десятка пациентов. Возможно, его жертв было в десять раз больше - точной цифры не знает никто, включая самого убийцу.

Как и Харви, Каллен утверждал, что был ангелом милосердия, избавлявшим людей от мучений и горя. При этом, как и в случае Харви, очень многие из его жертв не были смертельно больными и имели все шансы на выздоровление. Подобно Харви, Каллен приводил путаные объяснения своих поступков и был, очевидно, не способен разобраться в собственных мотивах. Он винил больницы в том, что его подпускали к пациентам, которых он впоследствии умерщвлял. Его излюбленными орудиями убийства были инсулин, адреналин и сердечное лекарство дигоксин.

Каллен возбуждал подозрения в свой адрес даже чаще, чем Харви, и в каждом таком случае у больничной администрации и правоохранительных органов была возможность положить конец его смертоносной деятельности. Несколько раз сестринский персонал обращал внимание на необычно высокие показатели смерти в периоды его дежурств и уведомлял об этом руководство. Несколько раз его увольняли по служебному несоответствию. В седьмой по счету из больниц, в которых он работал, не раз исчезавшие в неизвестном направлении огромные запасы редко используемых лекарств просто восполняли, не задаваясь какими-либо вопросами. Впоследствии Каллен говорил, что очень сильно наследил там и в прямом смысле, и в переносном.

Но всякий раз представители власти решали, что доказательств недостаточно или же что ситуация слишком противоречива. Каллена не увольняли еще и потому, что в стране наблюдался дефицит младшего медперсонала. Кроме того, больницам вовсе не хотелось признавать, что смертность в их стенах может быть следствием чего-то еще, а не опасных для жизни заболеваний. Даже намек на подобное

был бы чреват непредсказуемыми юридическими и финансовыми последствиями.

«Не понимаю, почему пенсильванские власти не захотели ни улики против меня собрать, ни лицензию отобрать. Ведь это всегда случалось именно в мои ночные смены», - говорил на следствии Каллен.

Он потерпел окончательный крах, когда работал в отделении интенсивной терапии больницы города Сомервилл. В конце весны 2003 года выяснилось, что Каллен просматривал в компьютерной системе учета карты не своих пациентов, и его часто видели в палатах других отделений. Записи действий в автоматизированной системе выдачи медикаментов показали, что он брал из нее лекарства, не назначенные его пациентам.

Примерно тогда же директор службы информации об отравлениях штата Нью-Джерси Стивен Маркус информировал руководство больницы о четырех подозрительных смертях, возможно, указывающих на умышленное умерщвление пациентов кем-то из сотрудников. Больничное начальство всячески пыталось умерить его озабоченность, но Маркус был непреклонен и пообещал доложить обо всем в Департамент здравоохранения штата. Это возымело действие, и администрация организовала расследование. Тем временем Каллен продолжал работать в отделении интенсивной терапии, и подозрительные смерти не прекращались.

Когда в октябре один из пациентов внезапно скончался от острой гипогликемии, свидетельствовавшей об возможной инсулиновой передозировке, администрация наконец-то обратилась в правоохранительные органы. Полицейское расследование выявило целую череду ошибок и халатностей, и в том числе нефатальную передозировку инсулина, произведенную Калленом в августе. Это заставило следователей внимательно изучить долгую историю его увольнений из многочисленных медучреждений Нью-Джерси и Пенсильвании. В результате сомервиллская больница пошла по пути наименьшего сопротивления и просто уволила Каллена за недостоверные сведения в анкете при приеме на работу. Тем временем следствие продолжалось.

Каллена арестовали 12 декабря 2003 года, когда он ел в ресторане. Ему предъявили обвинение в убийстве и в покушении на убийство.

Через два дня он согласился дать показания следователям Тимоти Брауну и Дэниелу Болдуину. Как и в случае Дональда Харви, рассказанное им повергло детективов в шок. В ходе семичасового допроса Каллен сознался в примерно сорока совершенных им убийствах пациентов.

На седьмом часу допроса Браун сказал Каллену: «Все это, чтобы задать единственный вопрос - "зачем?". Поясните, пожалуйста, зачем вы совершали эти убийства на протяжении стольких лет?»

«Я хотел облегчить страдания людей, свидетелем которых был все эти годы», - ответил тот, буквально вторя Харви. Затем он сказал, что подумывал оставить работу медбрата, поскольку она «создавала ситуации, в которых я ощущал потребность ... избавить от страданий». Однако сделать это у него не получалось: у него были финансовые обязательства, Каллен не хотел стать неплательщиком алиментов и понимал, что не найдет себе другую работу, на которой будут платить также хорошо.

Он сказал, что признает вину за содеянное: «Хоть я и пытался избавить людей от страданий. Брал долгие паузы, а потом снова принимался за свое, офигевал, чувствовал, что не могу смотреть, как люди мучаются и умирают, как с ними не по-человечески обращаются. Ну и как будто единственное, что я могу, - это постараться избавить их от страданий. Понимал, что такого права мне никто не давал, но все равно делал».

Еще в 1970-х и 1980-х годах, едва приступив к исследованиям серийных убийц, мы уяснили себе, что у большинства из них бывают так называемые «периоды затишья» длительностью и в несколько дней, и в несколько недель, *и* даже в несколько лет. Затем внутреннее напряжение вновь нарастает, и они берутся за свое.

Практически в каждом серийном преступнике сосуществуют два несовместимых противоборствующих элемента: чувство собственного величия, уникальности и избранности и глубоко укорененное чувство неполноценности и бесправия, ощущение того, что жизнь им что-то недодает. Эти особенности хорошо заметны даже у таких «нетипичных» маньяков, как Харви и Каллен. Их подспудно копившиеся чувства бесправия и отчужденности находили себе выход, когда они изображали из себя Бога перед несчастными пациентами, демонстрируя свое могущество и извращенное представление о

доброте и человеколюбии. Акт убийства утолял их жажду власти и всесилия и одновременно подсознательную или не вполне осознаваемую потребность отомстить обществу, которое недодает им должное.

2 марта 2006 года Каллена приговорили к одиннадцати пожизненным срокам, что означает возникновение права на ходатайство об УДО через 397 лет. Сейчас его местом жительства является тюрьма штата Нью-Джерси в Трентоне, приютившая, кстати, и Джозефа Макгоуэна.

Правоохранительные органы всегда очень внимательно рассматривают преступления, подобные совершенным Харви. К сожалению, обычно они попадают в наше поле зрения лишь после грубой оплошности преступника. Когда мы наконец получаем возможность исследовать личность такого преступника, мы понимаем, какие потрясения и проблемы на ранних этапах жизни породили их стремление к мести. Дональд Харви не собирался вновь допускать грубого или пренебрежительного отношения к себе.

Изучение медицинских убийств необходимо не только для определенных выводов относительно следственнорозыскной работы. Нужно, чтобы о них были хорошо информированы не только правоохранители, но и люди, которых обычно не учат распознавать признаки преступной деятельности или причинения смерти насильственным путем. Необоснованный рост показателей смертности или внезапных медицинских осложнений в любых учреждениях здравоохранения должен привлекать к себе внимание, достаточное для организации расследований как внутренних, так и с участием правоохранительных органов. Не связаны ли они с присутствием на работе какого-то конкретного сотрудника? В «Классификаторе преступлений» мы, в частности, указываем: «В девяти случаях убийств из псевдомилосердия, перечисленных в "Американском журнале сестринского дела", наличия корреляции между присутствием подозреваемых лиц и большим числом подозрительных смертей было достаточно для установления виновности и вынесения обвинительных приговоров».

Обеспокоенность должна вызывать и необычно частая кардиопульмональная реанимация, как у какого-то одного, так и у

разных пациентов. Особое внимание следует обратить на присутствие одного и того же сотрудника во всех подобных случаях.

Безусловное подозрение должна вызвать также частая смена работы. К сожалению, как мы видели, начальство чаще предпочитает не выносить сор из избы и просто уволить сотрудника, не проведя тщательного расследования его деятельности.

Всем понятно, что медицина - это неточная наука, и поэтому непредвиденный исход возможен всегда. Но в расследовании подобного рода преступлений важнейшую роль играет установление взаимосвязей. Неудачи в этой области попросту недопустимы, ведь под угрозой оказывается жизнь одной из самых уязвимых групп населения. Мое интервью с Дональдом Харви однозначно показало, что он не испытывал угрызений совести и ему нравилось оставаться безнаказанным.

Часть IV

«Никто меня не заставлял»

21. Убийство в мотосалоне

В конце 2004 года меня пригласили выступить с лекцией в одном из университетов Южной Каролины. После нее ко мне подошел старший следователь Аллен Вуд из управления шерифа округа Спартанбург. Он рассказал о случившемся год назад убийстве четырех человек, которое оставалось нераскрытым, и спросил, могу ли я чем-то помочь.

«Для этого мне нужно понять, есть ли в этом деле свидетельства какой-то психопатологии. Предоставьте мне информацию, я посмотрю». Я не был уверен, что смогу помочь, поскольку в обычных разбойных нападениях редко просматриваются признаки поведенческих отклонений.

Вуд перезвонил мне уже домой, после чего прислал информацию, собранную на месте преступления, фотографии, протоколы вскрытий и другие материалы.

Около трех часов дня 6 ноября 2003 года в магазин мотоциклов на окраине городка Чесни заехал приятель его владельца Ноэл Ли. Его взгляду предстали три окровавленных трупа. Он набрал 911.

- Откуда вы звоните?

- Ох, да это мотосалон Superbike Motorsports. Тут, похоже, всех перестреляли! Все в лужах крови лежат. Маму его застрелили, механика застрелили...

Приехавшая на место полиция установила имена жертв. Были убиты: Скотт Пондер, 30 лет, владелец магазина; Брайан Лукас, 29 лет, сервисный менеджер; Крис Шерберт, 26 лет, механик; мать Пондера Беверли Гай, 52 лет, помогавшая вести бухгалтерию магазина. Все четверо погибли от множественных огнестрельных ранений. На месте были найдены восемнадцать гильз двух разных типов.

По мнению следователей, убийцы зашли в здание с заднего крыльца и застрелили Шерберта в мастерской, а затем перешли в торговый зал и застрелили Гай. Тело Лукаса лежало у дверей магазина, а Пондер, видимо попытавшийся бежать, был найден на парковке перед входом. Отпечатки пальцев и следы ДНК отсутствовали.

По всем параметрам происшедшее можно было классифицировать как массовое убийство. Но весьма показательным было именно то, чего не произошло. Преступники ничего не забрали, хотя в магазине было несколько тысяч долларов наличными и множество дорогих мотоциклов. Поэтому я мысленно перевел это преступление из категории убийств с целью наживы в категорию своего рода расправы на работе. Восстановив события по картине места преступления, можно было предположить, что механику выстрелили в затылок, когда он ремонтировал мотоцикл. Скорее всего, он даже не заметил вошедшего в мастерскую стрелка. По пути в торговый зал преступник наткнулся на выходившую из туалета Гай и тут же расправился с ней.

Ли сообщил полицейским, что, заходя в магазин, заметил поблизости от него уходящих молодого мужчину и девушку. Узнав об убийствах, в полицию обратился Келли Сиск. Он рассказал, что примерно за полчаса до происшедшего заехал в магазин вместе со своим четырехлетним сыном, чтобы заплатить за купленный ребенку карт. Он видел, как Скотт Пондер обслуживает покупателя, заинтересовавшегося черным байком Kawasaki Katana 600. Сиску бросились в глаза две вещи. Несмотря на теплую погоду, этот покупатель был во флисовой куртке марки Columbia и явно не очень разбирался в мотоциклах. К моменту прибытия полиции в торговом зале действительно стоял готовый к отгрузке черный Kawasaki Katana 600. На него даже выписали передаточный акт, однако имя покупателя

проставлено не было. По описанию Келли был составлен и распространен фоторобот неизвестного покупателя. Судя по всему, Сиск был последним посетителем магазина перед убийством.

Управление шерифа прорабатывало множество версий и гипотез. Это мог быть разгневанный работник или недовольный покупатель. Возможно, это были подосланные конкурентами наемные убийцы или замеченные Ли молодой человек и девушка: один стрелял, вторая была на стреме. Под подозрение попал и сам Ли, появившийся в магазине сразу после расправы.

Было крайне маловероятно, что главной целью была Беверли Гай, да и в биографиях Скотта Пондера и Брайана Лукаса не было ничего подозрительного. Правда, ходили слухи о том, что Крис Шерберт приторговывал наркотиками, но и они не подтвердились.

А затем обнаружилось крайне любопытное и скандальное обстоятельство. Убитой горем вдове Пондера Мелиссе позвонили из управления шерифа и сообщили, что Скотт не был отцом мальчика, которого женщина родила вскоре после расправы в магазине. Полицейские взяли пробу на ДНК с памперса ребенка, которого Мелисса брала с собой на встречу в управление незадолго до этого, и она не совпала с образцами крови Криса, взятыми на месте преступления.

Мелисса была потрясена до глубины души и отказалась в это поверить. Они со Скоттом были без ума друг от друга. Она смогла предположить лишь, что в больнице ей по ошибке отдали не того младенца, но это выглядело уж совсем неправдоподобным. Мелисса с негодованием потребовала провести повторный анализ. Представители власти согласились. По результатам повторного анализа выяснилось не только то, что отцом ребенка был не Скотт, но и то, что им был его ближайший друг и деловой партнер Брайан Лукас!

Плохо закончившийся любовный треугольник? Поговаривали о том, что Лукасы не в ладах, а незадолго до убийства Брайан начал подыскивать себе отдельное жилье. Подозрения у полицейских вызвало и то, что Мелисса отказалась выслушать от них подробности смерти Скотта, когда ей сообщили об убийстве. Впоследствии она объясняла это тем, что хотела помнить его живым и здоровым.

Сначала я не знал, что и думать об этих результатах анализа ДНК, но, внимательно изучив присланные материалы, понял, что возможная

связь между Брайаном и Мелиссой не имеет отношения к совершенному преступлению. Ведь убиты были и Скотт, и Брайан, и ничто не говорило о существовании каких-либо проблем в отношениях четы Пондеров. Все знакомые Мелиссы в один голос говорили, что смерть мужа потрясла ее до глубины души. Так что никакой логики в данном сценарии не просматривалось. Полиция тщательно проверила гипотезу о наркотиках и ничего не обнаружила, да и с моей точки зрения, картина преступления никак не напоминала наркоразборку.

Через полтора года после убийства выяснилось, что этикетки на ампулах с образцами крови Брайана и Скотта, взятыми на месте преступления, были перепутаны. Таким образом, отцом ребенка Мелиссы был, разумеется, Скотт. Хотя бы это печальное обстоятельство убийства в мотосалоне оказалось полностью разъясненным.

Могли ли организовать убийство конкуренты? Не исключено, но проверить эту версию было достаточно просто, а мой опыт подсказывал, что в легальном бизнесе так не поступают. И даже в организованной преступности так уже не делают.

Свои первичные выводы я сообщил Вуду в телефонном разговоре. Он сделал ряд заметок, которые затем переслал мне. Несмотря на наличие двух разных типов гильз, преступник действовал в одиночку. Я бы говорил либо об обиженном сотруднике, либо о недовольном покупателе. Причем с большей вероятностью это был именно взбешенный чем-то покупатель, поскольку вычислить бывшего сотрудника было бы намного проще. Множество выстрелов указывает на устойчивую агрессивность нападавшего, следовательно, говорить об ограблении, которое пошло не по плану, не приходится. Его целью была компания как таковая, а не отдельно взятый человек. В отличие от большинства насильственных преступлений на сексуальной почве, в данном случае возраст неустановленного лица не имеет определяющего значения, поэтому делать предположения на этот счет и сужать круг возможных подозреваемых не имеет смысла. Этот человек мог высказывать свое недовольство другим людям, и в какой-то момент его раздражение достигло критической точки. Все было сделано четко и умело. Перед этим он, возможно, потренировался в стрельбе, вероятно, на одном из местных стрельбищ. Он прибыл на

место заранее, чтобы разведать обстановку и убедиться, что в салоне нет покупателей, и когда Келли Сиск уехал, понял, что путь открыт.

После совершения преступления у него, как я это называю, «заиграло очко», и он неотрывно следил за ходом расследования по новостям в СМИ, чтобы понять, есть ли у полиции какие-то серьезные зацепки. Кое-кто из этих персонажей даже вызывается дать показания, чтобы пустить полицейских по ложному следу или сойти за помощника. Типичный пример: человек говорит, что шел мимо и заметил, как от места преступления отъезжает определенный автомобиль. Это не только собьет с толку следствие, но еще и объяснит его присутствие на случай, если его видел кто-то еще.

По истечении столь долгого времени поведение неустановленного лица должно было вернуться в норму. Но я был практически уверен в том, что он что-то кому-то говорил: возможно, хвастался своей удалью и тем, как он отомстил обидевшим его людям.

Хотя странностей в его поведении уже скорее всего не было, я предложил использовать два проактивных подхода. Во-первых, стоило пройтись по всей клиентской базе в поисках претензионных писем или чего-то еще, что могло бы послужить зацепкой. Во-вторых, нужно было опубликовать в одном из местных СМИ статью с описанием вероятного поведения неустановленного лица сразу после преступления. Таким образом, можно было бы выяснить, кто его видел или разговаривал с ним.

Журналистка Джанет С. Спенсер взяла у меня интервью и опубликовала в местной газете и на ее интернет- сайте статью под названием «Профайлер считает, что убийство совершил разъяренный человек». В ней излагались мои оценки: «По мнению Дугласа, количество выстрелов в Пондера и Лукаса свидетельствует о том, что убийца выплеснул на них свою накопившуюся ярость. Он сказал, что ограбление не было мотивом преступления. Из кассы магазина ничего не пропало. Личные вещи погибших остались нетронутыми. Дуглас сказал, что это преступление совершенно не похоже на массовое убийство в связи наркотиками... По его словам, в деле есть свидетельства наличия недовольных клиентов как в предыстории жертв, так и в связи с работой магазина. "Неустановленное лицо могло вынашивать планы мести на протяжении многих месяцев", - сказал он».

Далее в статье рассказывалось о поведении преступника до и после убийства: «По словам Дугласа, он тренировался. Возможно, посещал местные стрельбища или просто уходил в лес потренироваться в меткости. В магазине преступник расстрелял свой боезапас очень метко. Скорее всего, это вспыльчивый человек, склонный разрешать споры силой. "В данном случае он предпочел словам пули", - отметил Дуглас. Убийца не испытывал ни капли жалости и именно поэтому убил всех четверых».

Несмотря на усилия следователей и появление новых зацепок, дело оставалось нераскрытым. А убийца все еще разгуливал на свободе.

22. Что случилось с Кэлой и Чарли?

30-летняя Кэла Виктория Браун и 32-летний Чарльз Дэвид Карвер бесследно исчезли, и все близкие друзья боялись за их безопасность. Последний раз их видели 31 августа 2016 года выходящими из их общей квартиры в городке Андерсон, расположенном в северо-западной части штата Южная Каролина. Браун и Карвер состояли в отношениях несколько месяцев, и, по мнению их друзей, это было серьезно. С того дня никто из них не отправил ни одного текстового сообщения.

В тот момент я ничего этого не знал. Кое-что стало известно мне из газетных репортажей, а все остальное я почерпнул из досье по уголовному делу, которое распухало едва ли не на глазах.

Карвер был женат на Николь «Никки» Нуньес Карвер, но они были в процессе развода.

Мать Карвера Джоанн Шифлет говорила, что они с сыном ежедневно давали друг другу знать о себе тем или иным способом. Она позвонила управляющему многоквартирного дома, в котором проживала пара. Он зашел в квартиру и не обнаружил в ней никого, кроме Ромео - померанского шпица Браун, который сидел без воды и корма. Мать Браун Бобби Ньюсом была абсолютно уверена, что ее дочь никогда не оставила бы так Ромео по собственной воле. Исчез и белый «понтиак» Карвера.

Полиция начала розыски и распространила листовки с фотографиями пропавших. На фейсбучной страничке Карвера

появились загадочные посты о том, что все нормально и они просто уехали, но Шифлет сказала следователям, что ее сын в таком стиле не писал. Возможно, его аккаунт взломали. В то же время ни Браун, ни Карвер так и не дали о себе знать никому.

18 октября к следователю управления шерифа Спартанбурга Брэндону Леттерману приехали двое детективов из Андерсона. Они сказали, что работают по делу о безвестно отсутствующих, и получили данные, что Кэлу прячут где-то в лесном массиве площадью около ста акров. Выяснилось, что последний раз мобильный телефон Браун был обнаружен вышкой сотовой связи к югу от Спартанбурга. На территории покрытия этой вышки был единственный земельный участок, который принадлежал успешному местному риелтору Тодду Кристоферу Колхеппу. Ему было 45 лет, он жил неподалеку от Спартанбурга, имел лицензию пилота-любителя и ездил на спортивной BMW.

Облет участка Колхеппа на вертолете, предпринятый полицейскими, ничего не дал: лес был слишком густым. Леттерман получил судебный приказ и затребовал распечатки сотовых звонков Тодда. Когда спустя две недели они пришли, оказалось, что агент по недвижимости и Браун тесно контактировали друг с другом. Это послужило достаточным основанием для проведения обысков на обоих участках Колхеппа, и 3 ноября управление шерифа направило две розыскные группы: одну на место жительства Тодда, а другую на принадлежащий ему лесистый участок.

В лесной чаще почти что в миле от ближайшей дороги полицейские наткнулись на зеленый транспортный контейнер, запертый на пять замков. Полицейские вооружились кувалдами и начали их сбивать. Прошло примерно пятнадцать минут, как вдруг кто-то из них воскликнул: «Стоп!» Ему показалось, что изнутри контейнера постучали. Брэндон Леттерман постучал в ответ Из-за металлической стенки донеслось слабое: «Помогите!»

В конце концов полицейские срезали замки найденной в сарае неподалеку паяльной лампой и открыли контейнер. С оружием на изготовку они вошли внутрь. Там, в полной темноте, находилась Кэла Браун. Она была полностью одета, на ее лице были очки, но ее шея была прикована к стенке контейнера цепью, а на руках были наручники. «Здесь только девушка, только девушка!» - прокричал наружу

руководивший досмотром сотрудник и обратился к пострадавшей: «Как ты, голубушка? Это у нас болторез, а вот это наш фельдшер. Сейчас мы будем тебя отсюда вытаскивать, хорошо?»

Пока девушку расковывали, один из сотрудников спросил: «Вы знаете, где ваш приятель?»

- Чарли? - Она все еще была ошарашена происходящим.

-Да.

- Он его застрелил.

- Застрелил? А кто его застрелил?

- Тодд Колхепп убил Чарли Карвера тремя выстрелами в грудь.

Группа Леттермана передала информацию группе, работавшей по месту жительства Колхеппа. Следователи Том Кларк, Чарлинн Изелл и Марк Гэдди предъявили ее 120-килограммовому, взъерошенному на вид хозяину дома. Тодд потребовал адвоката и попросил разрешения поговорить с матерью. Ему надели наручники и доставили в следственный изолятор Спартанбурга, где обе его просьбы были удовлетворены.

Тем временем при обыске в доме в пустующей комнате над гаражом были обнаружены цепи и кандалы. «Такое нечасто увидишь», - заметил один из сотрудников.

Нашли и машину Карвера, заляпанную грязью для маскировки. Она стояла на участке Колхеппа, заваленная тремя бревнами и кучей валежника. Розыскники обнаружили также отрытую, но пустую могилу.

В машине скорой помощи по пути в больницу Браун рассказала следователям, что Тодд признался ей, что «пару лет назад» убил нескольких человек в мотосалоне. На самом деле это было тринадцать лет назад.

Дальнейшие сюрпризы последовали после того, как в самом начале своего четырехчасового признания Колхепп объявил: «Я помогу вам закрыть несколько дел». Он идентифицировал пистолет и типы патронов, использованные при убийстве в мотосалоне. Эти детали никогда не обнародовались. После этого он подробно рассказал, как убил пропавших без вести 22 декабря 2015 года 29-летнего Джонни Джо Кокси и его жену, 26-летнюю Меган Ли Макгроу Кокси. Преступник сказал, что нанял эту местную супружескую пару убираться в помещениях, которые сдавал в аренду. Но когда Колхепп

привез их на свой лесной участок забирать уборочный инвентарь, ему показалось, что его собираются грабить, поскольку у Джонни был с собой нож. Он сказал, что расправился с мужчиной на месте и некоторое время не знал, как быть с Меган. Спустя несколько дней, поняв, что других вариантов нет, Колхепп убил и ее тоже. Впоследствии он показал следователям место на участке, где закопал трупы четы Кокси.

В течение всего допроса Тодд был спокоен, терпелив и сух. Он не демонстрировал признаков раскаяния или сожаления в связи со своей поимкой, хотя, наверное, и чувствовал что-то подобное. Единственным, что время от времени проскальзывало в его поведении, была гордость собственной удалью. «То здание я зачистил за полминуты, -заявил он на допросе. - Вы, ребята, таким бы тоже гордились. В гольфе я слабоват, зато убивать мастер». Он рассказал также, что в компании других мужчин несколько раз ездил «поохотиться» на торговцев наркотиками в Мексику.

Тем не менее имя Тодда Колхеппа было знакомо полицейским и до обнаружения Кэлы и ее показаний. В ходе расследования убийства в мотосалоне управление шерифа направило всем клиентам магазина официальное письмо с просьбой сообщить любую информацию, которая могла бы помочь поимке преступника. Разумеется, Колхепп никак на него не отреагировал. Но и следователи тоже не потрудились проверить каждое из нескольких сот имен в клиентской базе мотосалона. А если бы потрудились, то Тодд наверняка привлек бы их внимание. И вовсе не из-за покупки мотоцикла или попытки вернуть его продавцу (хотя и это могло послужить определенной зацепкой), а из-за того, что Колхепп числился в списке сексуальных преступников. И этого должно было быть достаточно, чтобы как минимум опросить его.

Зачастую так преступления и раскрываются, неким окольным путем. Зацепкой, которая в итоге привела к поимке «Сына Сэма» Дэвида Берковица, стала штрафная квитанция за парковку его автомобиля неподалеку от места, где он совершил свое последнее убийство.

Каким бы ужасным ни выглядел сам факт вмененных Колхеппу семи убийств, но для СМИ самым интересным и пикантным обстоятельством было то, что он больше двух месяцев держал на цепи

молодую женщину и использовал ее как секс-рабыню. И в больнице, куда ее положили для обследования и реабилитации, и в многочисленных интервью после выписки Кэла рассказывала, что утром 31 августа они с Чарли приехали домой к Тодду, который предложил ей работу. Чарли вызвался помогать ей. Колхепп уже несколько раз нанимал Кэлу убираться у себя дома и в офисе, отозвавшись на ее объявление о поиске работы в социальных сетях. При этом на допросе он пожаловался полицейским, что на то, что должно было занимать не больше одного дня, ей требовалось три.

Узнав о спасении Кэлы Браун, я решил, что она стала жертвой одного из маньяков-садистов, почерк которых подразумевает содержание в неволе, унижения, пытки и сексуальное насилие. Я сразу же вспомнил Гэри Хейдника, которого мы с моим коллегой Джадом Рэем опрашивали в тюрьме штата Пенсильвания. Но, как оказалось, мои выводы были чересчур скоропалительными и поверхностными.

Колхепп сказал, что сам запустит Кэлу и Чарли на свой лесной участок, и они поехали туда, следуя за ним на своей машине. Минут через пятнадцать они прибыли на место. Тодд открыл металлические ворота на въезде и снова запер их, когда машина Чарли заехала на территорию. Проехав вслед за Колхеппом еще примерно с полмили, пара оказалась на поляне, где стояли большая двухэтажная мастерская с плоской крышей, небольшой сарай для хранения инвентаря и металлический транспортный контейнер. В мастерской Колхепп выдал им по паре садовых ножниц и по бутылке воды. Он сказал, что нужно прополоть тропинки, а он покажет им, откуда начинать. Все вышли из мастерской, и тут Тодд сказал, что ему кое-что понадобилось, и снова зашел в помещение. Несколько минут Кэла и Чарли провели в ожидании, держась за руки.

По утверждению Колхеппа, он услышал, что они собираются его обворовать. Поэтому, выйдя обратно, он три раза выстрелил Чарли в грудь. Позже, на следственном эксперименте на месте преступления, он сказал: «Взял мой "Глок" 22-го калибра, вышел и уложил его прямо вот туг».

Кэла рассказывала, что просто окаменела, не веря своим глазам. А Колхепп потащил ее в мастерскую, пригрозив, что если она не пойдет сама, то последует за Чарли. Там он надел ей наручники руками за

спиной, связал ноги и заткнул рот шаровым кляпом. Сохраняя полную невозмутимость, он вышел, сказав, что ему нужно заняться Чарли.

Минут через двадцать он снова вытащил ее наружу. Замотанный в голубую парусину труп Чарли лежал в навесном ковше трактора. Колхепп рассказал Кэле, что некоторое время назад держал здесь же другую женщину, но однажды она его взбесила, и он убил ее выстрелом в затылок. Он сказал, что совершил много других убийств, всего около сотни. Некоторые из них пришлись на время его тюремного заключения, когда правительство время от времени выпускало его на свободу, поручая заказные убийства за границей.

Первые две недели заточения он держал Кэлу на цепи в транспортном контейнере, дважды в день приводя ее в мастерскую для еды и «удовлетворения его сексуальных прихотей». Если она отвергала его домогательства, он ее насиловал. «При этом он очень четко дал понять, для чего я здесь нужна. А если пользы от меня не будет, то и держать меня в живых незачем, и он меня пристрелит. Он говорил, если буду послушной девочкой, научит меня убивать, и я стану его напарницей».

Все тягостное время заточения Колхепп продержал Кэлу в основном в контейнере, обычно без света, и приводил в дом, только чтобы дать ей поесть и воспользоваться туалетом. По ее словам, она старалась не перечить, чтобы он относился к ней получше.

Шериф Чак Райт объявил, что Кэла Браун получит награду в размере 25 000 долларов, уже давно обещанную за информацию о совершившем расстрел в мотосалоне.

На допросах Колхепп не отрицал содеянного с Браун, но подходил к этому с несколько иных позиций. Он ее не бил, не причинил никакого физического вреда, а сексом, по его утверждению, они занимались с обоюдного согласия, причем инициатором была она. Тодд сказал, что у нее был целый перечень материальных запросов, а он послушно исполнял их, только чтобы Кэл оставалась довольна. Мужчина утверждал, что держал ее в контейнере не потому, что был от нее без ума, а потому что не знал, как с ней быть после необдуманного убийства Чарли Карвера.

Колхепп говорил, что Браун была наркоманкой, а в заточении он «заставил ее соскочить». По его словам, у него «был реальный зуб на

наркодилеров», и ему категорически не нравилось, что она тратит заработанные у него деньги на наркотики.

Прежде чем предложить Тодду досудебную сделку, окружной прокурор Барри Барнетт заявил, что посоветуется с родными жертв и последует их коллективному решению. Большинству из них было понятно, что приведение смертного приговора в исполнение может произойти и несколько десятилетий спустя. С предложенной сделкой были согласны и Мелисса Пондер, и ее сын, Скотт Пондер-мл., которому не довелось увидеть своего отца живым.

26 мая 2017 года досудебная сделка с прокуратурой состоялась. Чтобы избежать чреватого смертным приговором суда, Тодд Колхепп признал свою вину по семи эпизодам убийства, двух эпизодам похищения, одному эпизоду сексуального насилия и четырем эпизодам применения огнестрельного оружия для совершения преступления против личности. Он был приговорен к семи пожизненным срокам и шестидесяти годам дополнительного заключения без права ходатайства об УДО.

23. Что двигало Тоддом?

Прочитав об аресте Тодда Колхеппа, я был рад, как бываю рад всегда, узнав о поимке убийцы. А еще я был рад, что мой психологический портрет совершившего расстрел в мотосалоне оказался точен. При этом мне было жаль, что следователи не проверили всех, кто числился в клиентской базе магазина. Но я и не мог подумать, что мне вновь предстоит соприкоснуться с этим делом.

Мария Оуз - в прошлом тележурналистка, известная своими разоблачительными репортажами. Вместе с мужем Энди они создали в пригороде Миннеаполиса документальную киностудию Committee Films. В один прекрасный день 2016 года один из ее помощников, Стивен Гэрретт, получил текстовое сообщение от своего кузена Гэри из городка Спартанбург в Южной Каролине. В этот момент Стивен был на совещании у Марии.

Сообщение Гэри, работавшего риелтором, производило ошеломляющее впечатление. Его бывший босс Тодд Колхепп, только что арестованный по обвинению в семи убийствах, пожелал, чтобы Гэри написал его биографию. Колхепп утверждал, что девять десятых

подробностей его жизни на самом деле остаются неизвестными. Стивен знал об опыте Марии в расследовательской журналистике и подумал, что она сможет дать его кузену несколько полезных советов.

Как и я сам, Мария узнала о спасении Кэлы Браун из новостей. Она поговорила с Гэри по телефону и рассказала, на что стоит обращать внимание и чего нужно остерегаться, имея дело с обвиняемым в убийствах. В то же время разговоры Колхеппа о неких никому не известных фактах жизни возбудили ее репортерский нюх. «Как думаете, не захочет ли Колхепп поделиться своей историей с нами?» - спросила она у Гэри. Тот сказал, что не знает, и Мария предложила ему прояснить этот вопрос.

Вскоре после этого Мария получила возможность поговорить по телефону с Колхеппом, сидевшим в окружной тюрьме Спартанбурга. По существующим правилам их время общения было ограничено двумя телефонными звонками по пятнадцать минут каждый. Мария записала оба. «Меня поразила манера его речи: "Да, мэм, нет, мэм", - прямо как джентльмен-южанин, - вспоминает она. - Он сказал, что численность жертв значительно выше той, которую ему вменяют. Говорил очень легко и непринужденно, спокойным тоном. Я задавала вопрос за вопросом. Он сказал, что сожалеет об убийстве Чарли Карвера, и настаивал, что никогда не насиловал Кэлу и что все их сексуальные контакты происходили по обоюдному согласию. Я сказала, что меня интересуют те самые девять десятых. Колхепп согласился поговорить об этом и сказал, что собирается признать себя виновным. Мне же нужно было убедиться, что я смогу привлечь один из телеканалов. В своем журналистском прошлом я в том числе занималась и криминальными репортажами, и меня всегда интересовало, что заставляет людей совершать убийства. Почему такой человек поступает не так, как остальные? Мы уже некоторое время пытались сделать что-то вместе с каналом Investigation Discovery, и этот сюжет выглядел просто идеальным».

После разговора с ней один из продюсеров телеканала Investigation Discovery согласился выделить средства на подготовку фильма. Мария поехала в Южную Каролину и с помощью видеоконференцсвязи провела серию бесед с Колхеппом, сидевшим в окружной тюрьме. Результатом стал шестисерийный телефильм под названием «Серийный убийца: дьявол, сорвавшийся с цепи». Это

название отсылает к истории осуждения Колхеппа за изнасилование в подростковом возрасте, когда один из соседей отозвался о нем как о «цепном дьяволе».

Изучая подготовительный материал к фильму, Мария решила, что ей, по ее словам, «нужен кто-то, кто уже делал это раньше, то есть беседовал с обвиняемыми и осужденными убийцами». И тогда она связалась со мной. После недолгого обсуждения мы согласились, что мне стоит проинтервьюировать Колхеппа. Мария проявила репортерскую настойчивость и, воспользовавшись законом о свободе информации, получила материалы уголовного дела. Ее талантливая помощница Джен Блэнк тщательно подобрала их и направила объемистые папки с документами на мой адрес.

К этому времени Тодд признал себя виновным, получил приговор и находился в заключении в тюрьме Броуд Ривер штата Южная Каролина. Порядки там были жесткие, и общение с заключенными было ограничено существенно строже по сравнению с местными тюрьмами. А с учетом содеянного им тюремная администрация была не склонна предоставлять Колхеппу какие-либо поблажки. Вообще говоря, из-за его дурной славы он уже долгое время содержался отдельно от общего контингента.

Но Мария продолжала общаться с Колхеппом путем обычной переписки и по электронной почте. Вместе с Гарретом им удалось выведать у него то, что он не рассказал следователям.

Он сообщил Марии, что свое первое вооруженное преступление совершил в Аризоне, едва достигнув подросткового возраста. Он писал:

«Да, я подстрелил одного в Аризоне, не наркоторговца, правда, а мудака одного, который очень хотел вступить в банду. Я помог ему сделать вступительный взнос, сам того не зная. Он подстрелил моего дружка. Аза это я как- то поздно вечером выпустил в его машину на парковке целую обойму. Понятия не имею, что с ним стало, да и вообще, зацепил ли я его. Мне было четырнадцать. Я был юн и пуглив, понимал, что стреляю через окно, но, когда патроны кончились, убежал оттуда со всех ног, а пистолет выбросил на помойке в переулке».

По его словам, однажды он убил двух громил, которые попытались пристать к нему на парковке многоквартирного дома, в

котором он тогда жил.

Согласно его рассказу, его подстерегли двое мужчин: один здоровенный, другой поменьше. Тот, который поменьше, выступил вперед, угрожая ножом, а у другого был молоток. Колхепп бросил ключи на землю и выхватил из карманов ножи, которые носил с собой. Напавший первым ринулся на него, и Тодд порезал ему запястье, заставив уронить нож. Он попытался ударить Колхеппа ногой, но тот резанул его по внутренней поверхности бедра, а затем несколько раз ударил ножом в грудь. Здоровяк с молотком перепугался и пустился наутек, но Тодд настиг его сзади, схватил за волосы и перерезал шею.

Колхепп сходил домой за полотенцами, одеялами и шторкой для душа. Завернув труп парня поменьше, он засунул его в багажник своей Acura Legend. Затем он опустил спинку заднего ряда сидений, расстелил шторку для душа, частично завернул в нее труп здоровяка и накрыл его лицо полотенцем. Затем он постарался смыть следы крови с асфальта на парковке водой, набранной в кастрюлю в своей квартире. После чего выехал, нашел перекрытый участок дороги и спрятал трупы за запрещающим проезд знаком.

«Я скинул трупы за отбойник, в кювет Удивляюсь, что никто их не обнаружил», - сообщил он Марии.

Эти трупы так и не нашли.

Со своей стороны я был заинтригован перспективой интервью с Колхеппом, поскольку он явно не попадал ни в одну из обычных категорий убийц-рецидивистов. Я изучил стенограммы ареста и допросов, которые получила Мария, а также все, что он ей рассказывал, вроде того убийства на парковке перед домом. Затем я собрал все факты воедино. Тодд Колхепп был успешным риелтором, на которого работали другие агенты по продаже недвижимости. Он был достаточно квалифицированным пилотом-любителем. Ни одно из его преступлений не было совершено из корыстных побуждений. Все свое состояние он приобрел законным путем. В некоторых, если и не во всех, его преступлениях просматривалась некая сексуальная подоплека, но я совершенно не понимал, что она собой представляет и является ли основным побудительным мотивом. Судя по всему, он терпеть не мог наркодельцов, и это была отдельная тема, но в то же время был готов сотрудничать с кем угодно, кто мог достать ему оружие, недоступное для покупки легальным образом. Как и

большинство преступников, вначале он все отрицал, но затем был прям и откровенен со следователями. И, если не считать периодического хвастовства своими стрелковыми способностями, на допросах он был таким же спокойным и бесстрастным, каким его видела Кэла Браун после убийства Чарли Карвера.

Убийство в мотосалоне было тщательно спланированным. В убийствах четы Кокси и Карвера были перемешаны элементы обдуманности и случайности. Описав на допросе подробности убийства Карвера, Колхепп не сумел внятно объяснить, почему он это сделал. Преступник регулярно занимался сексом с женщиной, которую держал взаперти в транспортном контейнере без окон, и при этом утверждал, что отступал, если она возражала. Честно говоря, его поведение в этот период вообще не укладывалось в рамки ни одной из устоявшихся типологий поведения насильников. Он соглашался с тем, что поступал неправильно, но не винил в этом других.

Так что же двигало Тоддом Колхеппом?

Как и у большинства других известных мне убийц-рецидивистов, внешне жизнь Тодда Колхеппа выглядела вполне успешной и созидательной. В Аризонском университете он получил диплом бакалавра информатики. Больше года проработал дизайнером компьютерной графики. Сдал экзамены на права пилота-любителя. Получил брокерскую лицензию штата Южная Каролина и управлял собственным риелторским бизнесом. И даже писал отзывы на товары, купленные в Amazon.

Однако при изучении некоторых таких отзывов нам предстает другая сторона его личности. Вот что Тодд написал о бензопиле: «Отлично работает. Без удобной в использовании бензопилы заставить соседа стоять по стойке "смирно" было бы трудновато». И о ноже: «Пока никого не прирезал... пока... Но мечту не оставляю, и когда соберусь, то сделаю это при помощи вот такого качественного инструмента». О складной лопате: «Удобно хранить в машине. Пригодится, когда понадобится зарыть трупы, а обычная лопата осталась дома». О навесном замке: «Прекрасно работает. Еще подойдет для воспитательных целей: можно засунуть его в носок и пару раз врезать тому, кто хамит. Закаленная сталь пойдет ему на пользу сами убедитесь. Хорошо подходит и для транспортных контейнеров».

Колхепп родился 7 марта 1971 года в Форт-Лодердейле, штат Флорида, в семье Пиджины и Уильяма Сэмпсел- лов. Когда ему было два года, родители развелись. Он остался жить с матерью, которая вскоре вышла замуж за мужчину по имени Карл Колхепп. У него было двое своих детей, а Тодда он усыновил, когда тому стукнуло пять. Несмотря на прирожденный интеллект выше среднего, мальчик был трудным, зачастую злым, агрессивным и строптивым ребенком. Он постоянно конфликтовал со своим отчимом. Имеются сведения о его жестоком обращении с животными и враждебном отношении к другим детям. В девятилетием возрасте, когда семья жила в Джорджии, Тодда на три с половиной месяца отправили в местную психиатрическую клинику проходить курс психологической разрядки. В Южной Каролине, куда переехали Колхеппы, мальчика исключили из бойскаутов за хулиганство. Он захотел жить со своим биологическим отцом, которого толком не знал. Тодду казалось, что жизнь с ним станет лучше, и пригрозил покончить с собой, если его не отпустят. На фоне семейного конфликта (они с Карлом то расходились, то вновь сходились) Пиджина в конце концов согласилась, и он отправился к Сэмпселлу в Аризону, где у того был ресторан в городе Темпе.

Очень скоро Тодд разочаровался в родном отце, который, по его словам, постоянно болтался с подружками и почти не уделял ему внимания. Он говорил Пиджине, что хочет вернуться, но та находила все новые отговорки, чтобы оставить его у бывшего мужа.

Жизнь с отцом продолжала пагубно сказываться на поведении Тодда. Это кончилось тем, что в 1986 году его осудили за похищение и изнасилование несовершеннолетней. Пятнадцатилетний Колхепп взял отцовский пистолет 22-го калибра и зашел к своей четырнадцатилетней соседке, сидевшей дома с младшими братом и сестрой. Тодд заставил ее пойти к нему домой, где отвел в свою спальню на верхнем этаже, связал руки за спиной, заклеил рот скотчем и изнасиловал. Она не была его подружкой, хотя он этого и хотел. Более того, в школе девочка увлекалась другим мальчиком. Он четыре раза безуспешно пытался заманить ее к себе домой, пока ему не пришла в голову идея заставить ее сделать это под дулом пистолета.

У Тодда и девушки были разные версии происходившего после изнасилования. Тодд говорил, что она охотно согласилась помочь ему в поисках убежавшей с участка собаки, после чего он отвел ее домой.

Правда, Колхепп признался, что пригрозил убить ее брата и сестру, если она расскажет о случившемся хоть кому-нибудь. Девушка рассказывала, что он нервно расхаживал из угла в угол, явно размышляя, убивать ее или нет, и она додумалась до истории с собакой. Она пообещала Тодду, что если он ее отпустит, то объяснит родителям свое отсутствие дома именно так.

Но прежде чем она вернулась, пятилетний брат заметил, что ее нет дома, и встревожился. Незадолго до этого его научили звонить по номеру 911. Полиция приехала еще до возвращения домой родителей. Когда немного спустя девушка пришла домой, она было принялась рассказывать про поиски собаки, но потом не выдержала и сообщила об изнасиловании.

Полицейские отправились домой к Тодду, где обнаружили его сидящим в обнимку с одной из отцовских винтовок, нацеленной в потолок. Когда инспектор по надзору спросил его, почему он напал на девочку, тот ответил, что, наверное, в знак протеста против отсутствия отца в городе. Тодд сказал также, что думал, что ей шестнадцать, а не четырнадцать. Впоследствии он рассказывал, что просто хотел поговорить с ней и убедить стать его подружкой, но «ситуация вышла из-под контроля».

Местная газета писала: «Родители девочки сообщили полиции, что изнасилование "губительным образом сказалось на всей семье". Во время беседы с инспектором по надзору девушка в основном плакала и не могла толком говорить, а родители сказали, что ее успеваемость и спортивные результаты ухудшились».

Все это резко контрастирует с версией, изложенной Колхеппом двадцать лет спустя в процессе получения риелторской лицензии. В 2006 году он написал Департаменту лицензирования и трудового законодательства штата Южная Каролина, что им с его тогдашней подружкой было по пятнадцать лет и они поссорились у него дома. Отец был в отъезде, и он в шутку пригрозил подружке его пистолетом, велев ей не двигаться до тех пор, пока они не урегулируют свои разногласия. А ее родители якобы не могли ей дозвониться, забеспокоились и вызвали полицию к нему домой. Ложь сработала, и лицензию выдали.

С осуждением за совершенное преступление все вышло отнюдь не настолько же гладко. Тодду предъявили обвинения в похищении,

изнасиловании и тяжком преступлении против несовершеннолетней. В отчете инспектора по надзору приводилось высказывание одного из соседей, который считал, что Тодд истосковался по вниманию и заботе, но тем не менее советовал отнестись к нему со всей суровостью законов для взрослых преступников. Тодд согласился признать себя виновным в похищении в обмен на отказ прокуратуры от остальных обвинений. Его приговорили к пятнадцати годам тюрьмы и обязательной регистрации в качестве сексуального преступника.

Свой диплом по информатике он получил, находясь в заключении. Отсидев четырнадцать лет, он освободился в августе 2001 года и переехал в окрестности Спартанбурга, где жила его мать. Там он устроился на работу дизайнером компьютерной графики, на которой оставался до ноября 2003 года. Как раз в этом месяце и произошла резня в мотосалоне. В 2003 году он поступил в технический колледж Гринвилла, откуда перевелся в Университет Южной Каролины. Диплом бакалавра по специальности «маркетинг и управление бизнесом» получил в 2007 году К этому времени он уже освоился в риелторском бизнесе.

Могло показаться, что Колхепп начал жизнь сначала, и это мнение подтверждается рассказами его бывших коллег. Со слов Гэри Гарретта, Тодд был хорошим боссом, увлеченным своим бизнесом и придававшим огромное значение маркетингу. Он очень активно отстаивал интересы своих клиентов, хорошо относился к своим сотрудникам, и на него крайне редко жаловались на местном форуме агентов по торговле недвижимостью. Как писала местная газета, «ипотечные кредиторы отзывались о нем как об "эффективном агенте, с которым приятно разговаривать", и "человеке в теме, когда нужно добиться хороших условий для клиентов". Один строитель назвал его "невероятно обаятельным"».

Но затем в нем стали происходить какие-то перемены. По словам Гэри, из «нормального» превратился в агрессивного и самовлюбленного. Он стал бахвалиться своим оружием. К нему стало больше претензий со стороны клиентов. Тодд заметно располнел. Как выяснилось впоследствии, все это началось вскоре после исчезновения Меган и Джонни Кокси в конце 2015 года.

У убийства всегда есть какой-то мотив, пусть даже не очевидно выраженный или доступный пониманию. Так, Денниса Рейдера

мотивировали ощущение могущества и садистское наслаждение при виде предсмертных мук его жертв. Но Тодд Колхепп не относился к подобной категории убийц. Он убивал, руководствуясь более «практическими» и «логичными» соображениями.

Больше всего меня озадачивало убийство Карвера. Колхепп рассказал Марии Оуз, что случайно услышал, как Чарли и Кэла договариваются обворовать его и потратить вырученные деньги на наркотики. Это было похоже на правду: мы знали, что Колхепп остро реагировал на наркоторговлю и ощущение злоупотребления его доверием, а кроме того, это вполне соответствовало его версии причин убийства четы Кокси. Он и впрямь был параноиком или же это служило не более чем поводом, для того чтобы избавляться от мужчин и получать в свое полное распоряжение женщин?

На самом первом допросе после ареста Колхепп сказал, что не планировал использовать транспортный контейнер в качестве тюрьмы: «Он предназначался для продуктов, оружия и хранения квадроцикла, пока я гараж не построил». Тодд сказал, что ему пришлось расчистить там место для Меган Кокси после убийства Джонни. «Сперва я был в легкой панике. Что мне с ней делать-то? Куда-то запихнуть или вообще шлепнуть ее на хрен? Может, вообще полицию вызвать? Ах, черт, у меня же здесь стволы незарегистрированные! Ах, черт, ну полная херня же! Что с ней делать теперь?»

Своей, на первый взгляд, случайностью и непродуманностью убийство Карвера и похищение четы Кокси резко контрастировали с тринадцатилетней давности резней в мотосалоне, где налицо была совершенно иная картина преступления. Исходя из фактуры дела и показаний Колхеппа, по «Классификатору преступлений» убийства в мотосалоне можно было отнести к категории «массовые убийства и личные мотивы: убийство из мести или в качестве ответной меры». И мне представлялось очень интересным, что оба вида преступлений совершал один и тот же человек.

Исходя из того, как Колхепп спланировал убийства в мотосалоне, и того, что он рассказывал о своих убийствах наркодельцов в Мексике, его можно было бы отнести к разряду маньяков. Но я был заинтригован тем, что Тодд не походил практически ни на кого из известных мне агрессивных маньяков. Он не выискивал потенциальных жертв. В большинстве случаев они являлись к нему

сами. Не нацеливался и на удачно подвернувшихся жертв. Колхепп, скорее, убивал людей в ответ на нанесенные ему обиды, реальные или мнимые.

Интриговало меня и широкое разнообразие обстоятельств совершенных им преступлений. В отличие от изученных мной серийных и даже несерийных убийц, в действиях этого человека не прослеживалась какая-то очевидная закономерность. И мне очень хотелось узнать о нем побольше.

Колхепп рассказал следователям, что в 2003 году купил в мотосалоне Superbike Motorsports мотоцикл Suzuki GSX-R750 за 9000 долларов. Ездить на мотоцикле он толком не умел, и, несмотря на все старания, у него ничего не получалось. И он вернулся в магазин. «Я подумал, что покупка именно этого мотоцикла была плохой идеей. Я хотел выяснить, можно ли обменять его на байк полегче, ну или что-то в этом роде». Но, по его словам, «они, знаете, довольно грубо прошлись по поводу моей неспособности водить такие байки». Через три дня мотоцикл украли, и Тодд решил, что это сделал кто-то из работников мотосалона. Возмущение Колхеппа дополнительно усугубилось, когда полицейский, принимавший заявление об угоне, как он выразился, «оборжал меня».

Он продолжил посещать мотосалон, чтобы посидеть на разных мотоциклах и представить, как на них разъезжает. Слушал, как собственник и менеджер «собачатся между собой». Обзавелся пистолетом Beretta 92FS, который пришлось покупать нелегально через третьи руки.

6 ноября 2003 года Колхепп вышел из мотосалона, дождался, когда уйдут все другие посетители, и снова зашел. Он подошел к черному Kawasaki Katana 600, сел на него, как будто примеряясь, а затем объявил, что покупает его. Механик откатил байк в мастерскую для предпродажной подготовки. Тодд выждал пару минут, затем натянул резиновые перчатки и зашел в мастерскую. Дважды выстрелив в механика, он продолжил методично воплощать свой преступный замысел, сделав единственную паузу для смены обоймы. Этим, по-видимому, и объяснялось наличие на месте преступления медных и никелевых гильз. Обычно педантичный Колхепп почему-то зарядил обоймы разными пулями.

«Желаемый результат был достигнут», - сказал он.

Тодд вышел и уехал с места преступления на своей Acura Legend. Приехав домой, разобрал пистолет, разложил детали по кошачьим лоткам с наполнителем и выбросил их на нескольких разных помойках.

Он признался следователям, что понимает, что остаток жизни проведет за решеткой. По его словам, его единственной заботой было придумать способ оставить состояние матери и своей многолетней подруге, чтобы та могла оплатить обучение ее дочери.

24. «К добру ли, к худу ли, а знать я все равно хочу»

Хоть я и был членом команды, Тодд Колхепп согласился на интервью со мной далеко не сразу. После того как я написал ему и представился, он отправил Марии электронное письмо со следующими словами: «Я не уверен насчет Джона Дугласа. В моем понимании, это гламурный легавый, который больше пиарится, чем выкладывает, что и как было».

Прочитав присланную ему Марией нашу самую свежую на тот момент книгу «Закон и беспорядок», Тодд написал ей, возможно, руководствуясь сложившимися у них уважительными отношениями:

«Меня не сильно порадовало, что в этой своей книжке Джон Дуглас крайне плохо высказывается о женщинах, которые переписываются с заключенными или вступают с ними в какие-то отношения, называя всех их убогими. Учитывая, что он понимает, что они тоже покупают его книги, я считаю, что ему доставляет удовольствие высказываться о людях жестоко. Не уверен, что мы с ним найдем хоть какой-то общий язык, но с уважением отношусь к его опыту и знаниям. Согласен поговорить с ним лично... Согласен быть с ним откровенным, но только если он будет готов поделиться со мной своими выводами. К добру ли, к худу ли, а знать я все равно хочу».

За исключением довольно неплохо разобравшегося в самом себе Эда Кемпера, я не мог припомнить ни одного убийцу-рецидивиста, которому было действительно интересно понять, почему он поступал так, как поступал. Возможность выглядела действительно редкой.

Упомянутые им «крайне плохие» высказывания относились к женщинам, которые влюбляются в отбывающих срок убийц. На мой взгляд, это «довольно убогое» зрелище, и мне их жалко. Здесь речь не

о профессионалах, таких как, например, Мария. Как ни парадоксально, в той главе упомянутой книги мы рассказываем как раз о женщине, никак не соответствовавшей данному стереотипу. В марте 2006 года мне позвонила некая Лорри Дэвис и попросила присоединиться к команде адвокатов, добивавшихся пересмотра дела и оправдания ее мужа Дэмиена Эколса и двух его соответчиков, осужденных по делу об убийстве троих восьмилетних мальчиков в Уэст-Мемфисе в 1993 году. Это дело уже стало печально известным благодаря двум документальным телефильмам канала HBO. Дэмиен, Джейсон Болдуин и Джесси Мисскелли получили прозвище «Трое из Уэст-Мемфиса». Дэмиен, считавшийся главарем шайки, был приговорен к смертной казни в 1994 году в возрасте восемнадцати лет и с тех пор ожидал ее в камере смертников.

Успешный ландшафтный дизайнер из Нью-Йорка Лорри Дэвис посмотрела телефильмы, заинтересовалась делом Дэмиена, вступила в переписку с ним, в конце концов влюбилась и переехала в Арканзас, чтобы быть к нему поближе и отстаивать его невиновность. Так уж случилось, что Лорри и Дэмиен оказались парой очень умных, тонко чувствующих и любящих людей. Лорри уговорила меня присоединиться к команде защиты «Троих из Уэст-Мемфиса», создание которой, как я вскоре выяснил, инициировали и в большой степени финансировали новозеландский кинорежиссер Питер Джексон и его супруга и продюсер Фрэн Уолш. Я принял предложение, но, как обычно делаю, предупредил Дэвис, что не гарантирую полезности результатов своего анализа для судебной реабилитации, поскольку в основе моих оценок будут факты, а не правозащитные идеи. Я попросил ее передать это и Джексону с Уолш.

Изучив объемистые материалы дела, я прежде всего заключил, что вопреки версии обвинения убийства не были ритуальными. Они случились, когда всю страну пугали страшилками о сатанистах, и полицейские управления на местах даже нанимали так называемых «экспертов» для помощи в расследовании подобных преступлений. И я не обнаружил в материалах дела даже минимальных доказательств причастности осужденных к этим убийствам, невзирая на полученное под давлением полицейских признание Мисскелли.

По результатам анализа материалов дела я пришел к выводу, что убийства не были делом рук посторонних и скорее всего имели некий

личный мотив. Физические и поведенческие улики на месте преступления указывали на человека с криминальным опытом и, вероятнее всего, жившего по соседству с жертвами. Наиболее возможного подозреваемого, который соответствовал этим критериям, в полиции даже не опросили. Мне удалось убедить мать одного из убитых и отчима другого, что осужденные юноши не имели никакого отношения к этому преступлению.

По результатам нашего расследования на юридическом факультете Арканзасского университета в Литл-Роке прошла пресс-конференция, в которой принял участие и я. Ее организатор, адвокат Эколса Деннис Риордан, пригласил выступить на ней нескольких видных экспертов. В их числе были выдающийся судебный патологоанатом д- р Вернер Шпиц, автор учебника по судебно-медицинским экспертизам смерти; главный судебный стоматолог управления судмедэксперта Майами, крупный специалист по следам укусов д-р Ричард Сувирон и криминалист Томас Федор, известный специалист по анализу ДНК и биологических жидкостей.

В итоге стороне защиты не удалось добиться оправдания в апелляционной инстанции, но окружной прокурор согласился на сделку по правилу Элфорда: все трое осужденных, не признав своей вины, согласились, что у суда есть достаточно оснований для обвинительного приговора. Каждому был назначен срок заключения, который равнялся уже отсиженному, то есть 18 годам, и все они вышли на свободу. С моей точки зрения, это была в самом прямом смысле сделка с дьяволом, поскольку иначе ни прокуратура, ни Верховный суд совершенно не собирались выпускать их из тюрьмы. По моему мнению, это была циничная уловка с целью избежать исков о компенсации ущерба несправедливо осужденным, которые наверняка обошлись бы штату Арканзас в десятки миллионов долларов. Мы могли потребовать нового суда, но это значило бы, что Дэмиен проведет за решеткой еще несколько лет. После многолетнего пребывания в камере смертников его здоровье уже пошатнулось, и мы опасались, что до нового суда он не доживет.

Оказалось, что главным препятствием для личной встречи с Колхеппом было не его нежелание. Тюремная администрация недолюбливала его, считая склонным к нарушению порядка и подстрекательству. Поэтому начальник тюрьмы и его подчиненные не

желали предоставлять преступнику какие-то иные возможности контактов с внешним миром, кроме положенных по режиму содержания. Я ходил на прием к главе департамента тюрем и задействовал знакомого в управлении правоохранительных органов Южной Каролины, которого обучал психологическому портретированию, когда работал в ФБР. Но мы будто лбом о стену бились.

Казалось, что расстроен и сам Тодд. Он писал Марии:

«Невозможность личной беседы затрудняет дело, но не означает его полной невозможности. Сейчас я очень много думаю о том, что совершил, что привело ко всему этому. Я не всегда смотрю на это также, как тогда, мне уже не нужно отвечать на сотни телефонных звонков на дню».

Это натолкнуло меня на мысль. А что, если мы предложим Колхеппу заполнить тот самый протокол обследования, который мы использовали на первых этапах изучения серийных убийц? Этим всегда занимались обследующие, а не заключенные преступники, но в случае Тодда это может стать очень эффективной альтернативой личной беседе. У него будет время обдумать свои ответы, а имея полную информацию о совершенных им преступлениях, мы поймем, если он будет лгать, притворяться или недосказывать. В сочетании с его уже имеющимися ответами на вопросы Марии мы смогли бы получить полный поведенческий портрет Тодда Колхеппа и понимание того, что им двигало.

Я рассказал о протоколе Марии. Она сразу же заинтересовалась и согласилась отправить его Колхеппу с необходимыми пояснениями. И мы принялись ждать, захочет ли он сотрудничать.

Тодд захотел, причем с удивившей нас полнотой. Он единственный осужденный убийца, который самостоятельно заполнил протокол обследования, тем самым предоставив нам прямой неограниченный доступ к своему разуму и представлениям о себе. Колхепп не просто заполнил печатную форму. Очень часто Тодд выходил за ее рамки, исписывая подробными пояснениями и рассказами многочисленные листы линованной бумаги. Я полностью уверен, что он дал именно те ответы, которые я мог бы услышать от него в личной беседе.

С большинством преступников это не сработало бы. Но я был оптимистичен в отношении Колхеппа, поскольку видел в нем очень

умного и склонного к самоанализу человека. А судя по его переписке с Марией, он действительно хотел разобраться в себе. Этот формат был бы бесполезен с Дэвидом Берковицем, Чарльзом Мэнсоном или Деннисом Рейдером. Они были чересчур поглощены собственным имиджем, чтобы правдиво отвечать на вопросы заочно. Чтобы проникнуть за их тщательно взлелеянные внешние оболочки, нужен был прямой взгляд человека, сидящего напротив. Единственным преступником, с которым такой формат мог бы быть полезен, был Эд Кемпер. Он тоже был достаточно интроспективен и самоаналитичен, но в то время мы еще не закончили разработку протокола.

В случае Колхеппа я мог использовать три источника, помимо материалов дела: протоколы полицейских допросов, переписку с Марией и заполненный протокол обследования. В каждом из этих случаев вопросы задавались по-разному. Допросы велись в состязательной манере, переписка с Марией носила дружелюбный характер, а протокол был нейтрален и объективен. Разные ответы в разных случаях предоставили бы повод усомниться в добросовестности Колхеппа. А схожесть ответов тоже кое о чем говорила.

Это было похоже на сделку: Колхепп согласен заполнить протокол, но взамен я предоставляю ему мое мнение о том, почему он был таким, каким был, и делал то, что делал.

Тодд был не первым убийцей, пожелавшим разобраться в самом себе с помощью методов психологического портретирования. Все же он, наверное, искренне хотел этого, в отличие от многих других, искавших в психологическом портрете лишний повод полюбоваться собой. Вечером накануне моей беседы с Деннисом Рейдером в тюрьме Эль Дорадо я встречался в фойе моего отеля с Крис Казарона. Эта женщина вступила в контакт с Рейдером после его ареста с намерением написать книгу и впоследствии стала своего рода его неофициальным представителем. И она, и следователь убойного отдела полиции Кеннет Ландвер, охотившийся за ВПУ и в итоге арестовавший его, говорили мне, что Рейдер - большой любитель книг, которые написали мы с Марком. Особенно ему нравилась «Одержимость», которая начинается с несколько подретушированной версии истории ВПУ. Название этой главы, «Мотивация Х», отсылает к «фактору Х», который Рейдер в своих посланиях полиции и прессе приводил в качестве нейропсихологического обоснования его

гибельных пристрастий. Глава была написана от первого лица, как бы с точки зрения убийцы, задолго до разоблачения и ареста Рейдера. Он говорил Казароне, что перечитывал ее несколько раз и в результате получил определенное представление о бушевавших в его сознании стихиях.

На встрече в отеле Казарона выполнила просьбу Рейдера и вручила пять линованных страниц из блокнота, исписанных его мелким почерком. Это были его заметки с оценочным суждением относительно самого себя, сделанным на основе описанных в книге личностных особенностей. На первой странице стояло заглавие «Одержимость (конкретные примеры)».

Рейдер перечислял характерные черты серийных убийц, упомянутые нами в книге, со ссылками на соответствующие номера страниц и абзацы «Одержимости».

«Манипулирование, доминирование, контроль. Знают, как проникнуть в сознание жертвы. Практически все имели опыт жестокого обращения с собой или другие проблемы в детстве и юности, но это не оправдывает содеянное ими. Убийца-садист заранее просчитывает свое преступление. Ведь за годы преступной деятельности он довел свои методы до полного совершенства. Характерный почерк важнее, чем методы и средства. Методы и средства - это то, что нужно, чтобы осуществить преступный замысел. А почерк - то, что нужно преступнику для эмоционального удовлетворения. Вуайеризм, который согласуется с охотничьим инстинктом, подготовка к следующему нападению. Могут фотографировать или снимать на видео места совершения преступлений. Берут сувениры: украшения, нижнее белье».

И так далее и тому подобное. Как будто он составлял проверочный лист, чтобы убедиться, что перечислил все важные особенности характера серийного убийцы. На следующих страницах приводил список других убийц, включавший Теда Банди, Сына Сэма, Эда Кемпера, Стивена Пеннелла (садиста-маньяка из Делавера, уже казненного к моменту выхода в свет «Одержимости»), Буффало Билла из «Молчания ягнят» и Гэри Хейдника, отчасти послужившего прототипом для этого персонажа. Не забыл Рейдер и ВПУ. В левой части каждой страницы он приводил типичные черты характера

серийного убийцы, а в правой указывал, обладал ли ими каждый из фигурантов его списка.

В своем случае в графе «Деспотичная мать» он указал «1/2». Относительно «Высокомерия», «Эгоцентричности» и «Внутренних нашептываний» он написал «Нет». И наградил себя «Да» в графе «Умен». Этот необычный документ был не истиной, которую я надеялся получить от Тодда Колхеппа, а правдивым отражением представлений о себе омерзительного серийного убийцы.

И, как выяснилось, Рейдер читал не только наши книги. Он «штудировал» тему серийных убийств: читал огромное количество книг в документально-криминальном жанре и обращал особое внимание на то, что более или менее соответствовало его интересам.

Стал ли он от этого более удачливым и «эффективным» убийцей? Нет. Такой вопрос возникает постоянно. Чтение книг вроде наших не совершенствует навыки убийцы. Но из них можно получить определенное представление о мышлении и психологии убийц, и это, в частности, и было нужно Рейдеру.

Самым интересным в ответах Колхеппа было то, что по своему содержанию и интонациям они полностью согласовывались со сказанным им на допросах и в устном и письменном общении с Марией. В отличие от большинства других изученных мной преступников, он не пытался представать разным человеком в зависимости от типа аудитории.

Первые несколько разделов протокола отданы под биографическую информацию. Здесь приводятся, в частности, дата рождения, рост, вес, тип телосложения, расовое и этническое происхождение, особенности внешности, семейное положение, образование, отношение к военной службе, история занятости и сведения о перенесенных заболеваниях, включая психиатрический анамнез и попытки самоубийства. Поведенческий и сексуальный анамнез охватывает все аспекты от состава семьи и обстановки в ней до любых эпизодов физического или эмоционального насилия и/или сексуальных надругательств в детстве. А такие особенности, как детские кошмары, побеги из дома, склонность к обману, вандализм, злоупотребление алкоголем или наркотиками и так называемая триада убийцы - энурез, пиромания и жестокое обращение с животными или другими детьми.

В этой части протокола Колхепп сделал интересное признание. На момент его ареста он зарабатывал около 350 000 долларов в год, что крайне редко встречается среди серийных убийц. Но при этом он очень умело искажал данные своих налоговых деклараций и платил всего пару-тройку тысяч долларов налогов. Это лишний раз говорит о том, что преступники обычно не ограничиваются какой-то одной областью криминальных действий.

Добравшись до раздела «Информация о преступлениях», Колхепп обнаружил, что для ответов на вопросы ему не хватит места в форме и понадобятся дополнительные листы.

Как я и подозревал с самого начала, он рассказывал об убийстве в мотосалоне кому-то еще. С точки зрения оперативно-розыскной работы это крайне важная деталь. Когда есть мнение о том, что неустановленный преступник мог говорить о совершенном преступлении с кем-то, можно опубликовать эт/ информацию, чтобы тем самым попытаться убедить его собеседника обратиться в полицию хотя бы из соображений собственной безопасности. В данном случае таким собеседником был Дастин Лоусон - бывший бойфренд Кэлы, который и познакомил ее с Кол- хеппом. Тодд написал, что Лоусон «был у него на подхвате по самым разным темам», а самое главное, помогал ему с покупкой оружия. Сам Колхепп был лишен возможности покупать оружие из-за своей судимости. Тодд сообщил, что Лоусон «знал про мотосалон», «узнал постфактум» про убийство четы Кокси и «помогал доставать колеса для Кэлы, на следующий же день узнал, что она у меня, получил деньги за то, чтобы выпустить ее собаку из квартиры, и обманул меня, не сделав этого». Лоусон отрицал, что Колхепп рассказывал ему о чем-либо.

По словам Тодда, он рассказывал об этом и своей давней любовнице. Она заявила под протокол, что эта информация ее удивляет, а если он ей что-то подобное и сообщал, то, наверное, в какой-то непонятной ей зашифрованной форме.

Примечательно, что обману с собакой Кэлы Колхепп придает не меньшее значение, чем совершенным им убийствам. Он не переносил даже малейших попыток обмана. Еще более важным является то, что человек, знавший правду о резне в мотосалоне и своевременно сообщивший об этом полиции, смог бы тем самым предотвратить как минимум еще три убийства.

Меня не удивило и то, что, со слов Колхеппа, Лоусон был не единственным, к кому тот обращался. Он явно чувствовал потребность рассказать об этом кому-то еще. К сожалению, у него ничего не получилось: «Много лет спустя, между 2012-м и 2015-м, я попробовал открыться одному знакомому, набожному семейному человеку, хотел попросить его помочь мне исправить свою жизнь. Но говорил так уклончиво, что он вообще не понял, о чем я».

Касаясь исчезновения Кэлы Браун, Колхепп написал: «Дастин заподозрил меня сразу же. В моем окружении понимали, что что-то не так, но не что именно».

Другие инициативные стратегии полиции не сработали бы в случае Тодда. Хотя он и согласился, что, как я предполагал, «по многу раз на дню смотрел, что пишут в новостях и онлайн-изданиях о расследовании», но в то же время «вообще не хранил сувениров, кроме винтовки, которую привез однажды из Мексики. С родственниками, полицией и СМИ я не связывался. В расследование не встревал».

В проформе протокола есть длинный список дескриптивных слов, относимых к совершенным преступлениям, напротив каждого из которых нужно проставить цифровое обозначение важности данного фактора. На первой странице этого раздела упоминались изнасилование, совершенное Колхеппом в пятнадцатилетием возрасте, резня в мотосалоне и убийство Чарли Карвера с заточением Кэлы Браун, совершенные им соответственно в возрасте 32 и 45 лет. В каждом из этих случаев Тодд обозначил слова «ярость» и «враждебность» цифрой 1, то есть как самые важные. А «одиночество» и «отчаяние» обозначил цифрой 5, то есть как отсутствующие в принципе.

Самые интересные изменения претерпело определение «спокойно и непринужденно». Колхепп указал, что на момент убийства и похищения Карвера и Браун это были господствующие элементы его настроения. Во время убийства в мотосалоне они имели существенно важное значение. Зато во время изнасилования соседской девочки Тодд оценил этот элемент как «отсутствующий в принципе»: он был отнюдь не спокоен. Это говорило о том, что с возрастом насильственные преступления становились для него все более привычным делом.

В отличие от «азарта» большинства убийц-маньяков, «азарт» Колхеппа в момент совершения преступлений был на минимальном

уровне: он обозначил его цифрой 4. Что же касалось «страха», «испуга» и «ужаса», то Тодд их практически не испытывал. Его сожаления по поводу резни в мотосалоне и убийства Карвера были минимальными, но зато это было господствующим чувством после изнасилования, за которое он сел. Помимо этого, тогда Колхепп был в значительной степени «расстроен», «несчастен» и «опечален», чего почти не испытывал по поводу содеянного с Чарли и Кэлой и вообще не ощущал после убийства в мотосалоне.

Мария говорила, что никогда не забудет сказанные Колхеппом ужасные слова: «Поймите, для меня это как машину помыть или мусор вынести».

Один из протокольных вопросов гласит: «Как вы опишете характер разговора при совершении каждого из преступлений?» Он призван выявить наличие у преступника некой стратегии и излюбленного «сценария», которым он обычно следует. Колхепп ответил так: «Убивая, я был молчалив и полностью сосредоточен на том, что делаю. Говорил спокойно, коротко и ясно, только чтобы объяснить, что хочу». И делает убедительное пояснение: «В мотосалоне я говорил только то, что было нужно для контроля над ситуацией. Я был уверен, что четверых-шестерых спокойно уложу, но мне не улыбалось, если бы они сбились в кучку, еще и с оружием. Так что я двигался по заранее рассчитанной траектории».

При том что Колхепп утверждал об отсутствии интереса к сексуальному подавлению, сохранение общего контроля над любой ситуацией имело для него очевидно важнейшее значение:

«С Меган я заговорил только после того, как застрелил Джонни, когда она запаниковала по поводу того, чем обернулся их план [якобы ограбления], и стала умолять не насиловать ее и не калечить. Я спокойно объяснил ей, что не буду, но должен связать ее и обыскать на наркотики/оружие. Трусы не снимал, говорил вежливо, полюбопытствовал по поводу нее и Джонни. Ни угроз, ни оскорблений».

В разделе, где перечислены факторы стресса и кризиса, такие как финансовые трудности, семейные проблемы, травмы и болезни, сложности с работой или смерть близкого человека, Колхепп практически везде указал, что они были важны «умеренно или до некоторой степени». В то же время для подавляющего большинства маньяков и убийц-рецидивистов эти факторы существенно важны. Для

Тодда единственными сыгравшими важную роль факторами были «конфликт с родителями» и «конфликт с другим мужчиной из-за женщины» в случаях изнасилования соседской девочки и резни в мотосалоне.

В целом ответы Колхеппа в этом разделе свидетельствовали о его понимании содеянного и об отсутствии желания уменьшить степень своей неправоты или переложить вину на других.

К примеру, вот как он описывает поездку в мексиканский город Хуарес для охоты на наркодельцов:

«Это было похоже на плохое кино. Ни разу не клево. Куча мажоров отвалила кучу бабок за первоклассное железо и тактические занятия и думает, что они группа спецназа. Да какие там из нас спецназовцы! Просто банда хорошо вооруженных мудаков, которым надо попробовать свои игрушки в деле и кого-то угробить. Наркодельцы просто всех нас устраивали этически типа».

Каждый раз, когда в ответах Колхеппа фигурировали другие люди, к примеру, его родители, меня поражала реалистичность и точность его описаний. Возможно, он не совсем понимал, *почему* делал некоторые вещи, но *что* и *как* выглядели вполне достоверно.

Это не значит, что Тодд считал себя жестоким хищником. В его понимании, еще до преступлений у него создавались определенные отношения с некоторыми из его жертв. На вопрос о том, какие действия сексуального характера и в каком порядке совершались в ходе преступления, он написал, что они с соседской девочкой «занимались петтингом и взаимными ласками еще до всего этого». [Жертва полностью отрицала это.] О своем самом последнем по времени преступлении он написал: «Кэлу познакомили со мной в стрип-клубе, потом она стала моей проституткой. [Она отрицала это.] То ли мы поужинали вместе, то ли она рассказала, какие расходы ей приходится нести».

Отвечая на вопрос «Каким образом обследуемый контролировал жертву в дальнейших эпизодах насилия?», Колхепп добавил:

«По поводу Кэлы нужно объяснить. Когда она под кайфом закатывала сцены, нужно было продемонстрировать оружие и показать могилу, которую я для нее выкопал. Когда я застрелил Чарли, она была не слишком напугана, скорее, обескуражена, а потом быстро сообразила, что может из этого извлечь для себя. Кэла возбудилась и

стала рассказывать, какие у нее есть фетиши и сексуальные фантазии. А мне просто было не нужно, чтобы она в полицию побежала. Вообще-то, наверное, Кэла первым делом помчалась бы к своему барыге. Цепи и контейнер на ночь были нужны для моего спокойствия. В течение дня она в основном была без привязи, но я держал оружие наготове, если Кэла была без наручников. Ее вполне устраивало, если я буду покупать ей всякое барахло, уделять внимание и снабжать всякими колесами. Чарли она и не вспоминала толком, зато хорошо помнила, что я ей купил, а что не купил. Кэла хотела секса, внимания и наркотиков. По поводу наркотиков я ей отказал. Пару раз отказывал ей в сексе, тогда она бесилась и была недовольна, что я не подыгрываю ее сексуальным фантазиям. Все это было неправильно, и это я во всем виноват. Просто я о том, что всякие эти фантазии были ее инициативой, а не моей».

Как и многое из того, что мы слышим от жестоких преступников, это заявление нуждается в более детальной интерпретации. Во-первых, давайте сразу оговоримся, что вне зависимости от того, что рассказывает Колхепп о реакции Кэлы на убийство Чарли, женщина наверняка была в ужасе и боялась за свою жизнь, особенно после того, как ей показали вырытую для нее могилу. Во-вторых, все ее просьбы и поступки несомненно были частью стратегии выживания. В вопрос о том, просила ли она достать ей наркотики, можно не углубляться, но если между ней и Колхеппом некогда уже существовала сексуальная связь, вполне естественным с ее стороны было бы попробовать вернуться к их тогдашним ролям и «нормализовать» отношения. В этом случае он не считал бы ее угрозой, которую следует устранить, как это было с Меган Кокси. А с учетом проведенного в неволе времени меня не удивляет, что она «бесилась». Как бы страшно ей ни было, но невозможно не выплеснуть реальные эмоции, когда ты настолько долго находишься в плену в состоянии полной неопределенности. Не уверен, что она употребила бы слово «устраивало» применительно к своему заточению в транспортном контейнере.

Все это понятно, но что же тогда Колхепп рассказывает нам на самом деле?

Прежде всего он заявляет, что, учитывая свой плохо закончившийся опрометчивый безрассудный поступок в

пятнадцатилетием возрасте, не считает себя насильником или садистом. Сопоставьте это с Джозефом Кондро, который без проблем воспринимал в свой адрес эти определения, поскольку они точно отражали его сущность.

Несмотря на то что оба убивали, Колхепп не испытывал к таким, как Кондро, ничего, кроме презрения. Он вовсе не считал себя извращенцем. «Она хотела от меня разных ролевых игр, а я не стал». Как он пишет далее, невзирая на предполагаемые фантазии Кэлы, «цепи/наручники были только для контроля. Никаких инородных предметов, никакой порки, никаких отшлепываний». Он признается, что «на первой неделе установил в контейнере камеру слежения, чтобы видеть, чем она занимается», но уверяет, что «только в целях безопасности, а не вуайеризма».

Его самовосприятие играет крайне важную роль. Тодд с легкостью признается в убийствах и даже «мужественно» соглашается, что это было неправильно, но насилие над женщиной не вписывается в его представление о себе. Колхепп пишет: «Когда Кэла начинала дурить, я просто оставлял ее в покое и уходил заниматься своими делами в другое место». Иначе говоря, единственным наказанием, которое он ей устраивал, было лишение общения с ним. На вопрос: «Наличие нарушений половой функции во время насилия» он ответил: «Не было».

Даже признание в сексуальном насилии над Кэлой объяснялось требованиями момента: «Полностью признаю вину в убийстве и похищении. В изнасиловании Кэлы не виновен, но для меня не было смысла торчать в СИЗО до бесконечности, отбиваясь от обвинения, которое все равно никак не изменило бы мою судьбу». В доказательство своей правоты ниже он указывает, что «жертвы изнасилований не просят предоставить им вибраторы и стриптизерский шест». По его утверждению, в ответ на просьбы Кэлы все это он ей купил. Тодд как бы говорит примерно следующее: «Нуда, я похитил привлекательную молодую женщину, убил ее бойфренда и держал ее на цепи в контейнере в лесной чащобе, где регулярно занимался с ней сексом. Но не потому, что я какой-то извращенец, всему этому были разумные объяснения. Ну а что касается секса, то он происходил по обоюдному желанию, а когда кто- то из нас не хотел, мы им и не занимались. Мало того, я ей еще и покупал все, что она

хотела». Как и на допросах, Колхепп всячески подчеркивает свою «адекватность».

Отвечая на вопрос о проявлениях садизма во время насильственных действий, он не ограничивается простым «не было», а пишет следующее: «Никакого садизма. Пусть этого никто и не заметил, но я выбирал способы и боеприпасы так, чтобы убийство было эффективным и молниеносным. Хотя это в основном было ради моего спокойствия, но в то же время облегчало их страдания. Делать человеку еще больнее - перебор». Ниже Тодд пишет: «Ни насилие, ни ощущение власти меня не возбуждают». В одном из разделов протокола задается вопрос: «Какие-либо другие серьезные перемены?» Имеются в виду стрессоры, повлиявшие на решение совершить насильственное преступление. Здесь Колхеппу понадобилось существенно больше места, чем было в форме: «Постоянные проблемы с работой в компаниях из-за присутствия в списке сексуальных преступников - это вечно источник сильного стресса. В день покупки мотоцикла умерла бабушка: мама с дедушкой поскандалили». А что касается первого изнасилования: «Проблемы с отцом и беспрерывные физические и моральные оскорбления».

Семейные проблемы безусловно являются стрессорами, но я считаю, что клеймо сексуального преступника стало одной из важнейших определяющих его взрослой личности. Чего бы еще он ни достигал в своей жизни, по мнению Колхеппа, это пятно на его биографии портило все на свете. И нельзя сказать, чтобы в этом Тодд был совсем неправ.

Хотя изнасилование в Темпе произошло очень давно, это единственное из его преступлений, по поводу которого он действительно испытывал эмоции и страдания. И единственное, в котором искренне раскаивался: «И хотел бы сказать иначе, но по поводу большинства других я особо не расстраиваюсь». Колхепп пишет, что впервые в жизни выпил, что это был его всего лишь второй половой акт, и, как большинству насильников, ему «это дело понравилось, но обстановка была не очень, я понимал, что все неправильно и не возбуждает». По его словам, он «удивился бы, если бы продержался хоть минуту». Для таких, как он, фантазии всегда лучше, чем реальные поступки.

Хотя Тодд пишет, что не расстраивается по поводу других преступлений, у Колхеппа заметны признаки внутреннего конфликта. Этим он отличается от Кондро, который ни минуты не сомневался в своей правоте, или от Харви, стремившегося оправдать каждое свое убийство. Чуть ниже Колхепп пишет: «Мне противно, что я убил ту мамашу в мотосалоне, было бы куда лучше, если бы она мне не попалась. От Джонни я правильно избавился, он сам напросился. Мне правда хотелось найти для Меган какой-то вариант получше, чем убийство. Мне жаль, что так вышло с Чарли и Кэлой, я переборщил, надо было просто уволить обоих. Кэла не была мне особо нужна, я просто надеялся, что с ней получится иначе, чем с Меган, да видно, к этому все и шло».

Каким бы противоречивым все это ни казалось, налицо явная попытка самоанализа, а не стремление возложить вину на кого-то еще. Ниже в протоколе Колхепп пишет: «Я уверенно шел по неверному пути. Тут можно долго рассуждать, что это можно было предотвратить так или сяк, но все упирается в меня самого. Я должен был остановить сам себя».

В разделе «История насильственных действий» Тодд отвечает на вопрос о наличии тенденции к нарастанию степени агрессивности и применения силы: «Да, убийство стало обычным делом». Кроме того, по его словам, он не только не видит никаких черт сходства у своих жертв, но даже не до конца понимает мотивы своих преступлений. Ниже Колхепп пишет безотносительно какого-то конкретного вопроса протокола: «Оглядываясь на прошлое, я не вижу какой-то стереотипной модели, убийство было как швейцарский ножик - инструментом на все случаи жизни. Я не вижу ни так называемого индивидуального почерка, ни чего-то постоянно присутствующего, и это смущает и меня самого, и, уверен, других тоже».

Это довольно точная самооценка. И при этом Тодд понимал, что что-то глубоко неправильно. На вопрос: «Что бы вы хотели получить от друзей, родственников или коллег, если бы они узнали о вас всю правду?» - он ответил так:

«Помочь мне найти психотерапевта, особенно в самом начале [после аризонского изнасилования]. Я же просил помощи в самом конце. Хотел вернуться на правильный путь. А с Меган/Джонни я

снова оказался на неверном, и меня было уже не остановить без вмешательства судебных властей или друзей».

25. Подготовленные и неподготовленные

В преступлениях Колхеппа всегда сочетались элементы подготовленности и спонтанности. Как бы тщательно ни планировали свои действия маньяки и серийные убийцы, сама иррациональная суть преступного деяния предполагает возможность наступления момента, когда им отказывают и логика, и здравый смысл.

В 1981 году Джон Хинкли совершил покушение на президента Рональда Рейгана, рассчитывая таким образом привлечь к себе внимание актрисы Джоди Фостер. Поскольку преступления против президента США подведомственны ФБР, меня и мой отдел привлекли к расследованию уголовного дела Хинкли. Я рассказываю об этом к тому, что покушение как таковое, к счастью, не повлекшее жертв, было действительно хорошо спланировано и исполнено, в отличие от последующих шагов. По мысли Хинкли, Фостер должна была быть поражена и немедленно пасть к его ногам. После чего он потребовал бы самолет для отправки счастливой пары в дальние страны. Какая-либо логика в этом замысле отсутствовала напрочь.

В моих глазах Колхепп выглядит куда более разумным и практичным, чем Хинкли, который был признан невменяемым и избежал обвинительного приговора. Но аналогичные особенности прослеживались и в его поведении. При этом были заметны и существенные различия между ними, которые я рассчитывал изучить более тщательно с помощью нашего вопросника.

У Тодда соотношение подготовленного и спонтанного выглядело гораздо более органичным. Как мне стало понятно, каждый раз, когда он заходил в чем-либо слишком далеко, некая врожденная особенность душевного склада направляла его в обратную сторону. Такая эмоциональная противофазность - увлеченность с последующей постановкой предмета увлеченности под сомнение - была важным поведенческим индикатором. Именно это делало его совершенно непохожим на настоящих маньяков, которые не подвергают сомнениям ни свои мотивы, ни свои преступные действия.

Это заметно, в частности, на примере его поездок в Мексику для «охоты» на наркоторговцев. Какое-то время идея представлялась ему вполне разумной, но после нескольких таких поездок он понял, что это глупость, граничащая с полным безумием.

В плане анализа криминального мышления и планирования наибольший интерес для меня представляли эпизоды похищений Меган Кокси и Кэлы Браун. Возможно, впоследствии Колхепп действительно считал, что застрелил Джонни Кокси по делу, а с Чарли Карвером вышел перебор. Но факт остается фактом: в обоих случаях он импульсивно совершал убийство, оставляя в живых свидетеля, который потенциально мог его сдать.

«Я увидел Меган на углу улиц Блэксток и Ридвилл, она попрошайничала. Милая девчушка, а побирается. Я предложил ей работу, в домах убираться. Честно говоря, думал, что мне секс обломится в благодарность. До утра убийства с Джонни не встречался, но Меган рассказывала мне о нем, правда, как о бойфренде, а не как о муже».

Исходя из своих очень своеобразных представлений о морали, он не стал убивать ни Меган, ни Кэлу, хотя это было бы самым надежным способом избавиться от свидетелей. Но что с ними делать?

Некоторое время продержав Меган у себя, он понял, что должен что-то делать. Был ли какой-то иной, помимо убийства, способ отделаться от нее так, чтобы она не сдала его полиции? Колхепп подробно поговорил с ней, выяснил все, что мог, и придумал план, по-своему почти такой же нежизненный, как план Джона Хинкли.

«Я не собирался использовать контейнер как клетку», - сказал Тодд на допросе. Но затем ему пришлось застрелить Джонни Кокси, угрожавшего ему ножом. После чего: «Я не знал, что мне с ней делать. Держать ее в контейнере не хотел, там мои вещи были, и как с этим быть, было ни хрена непонятно. Запереть ее в нем вместе с моим оружием было бы не здорово. Сначала я слегка запаниковал, что мне с ней, на хрен, делать-то? Засунуть ее туда, вообще шлепнуть, что, на хрен, делать-то?»

Как мне кажется, повторы свидетельствуют о том, насколько дискомфортным было для него ощущение утраты контроля над событиями.

Я действительно верю, что Колхепп не хотел убивать Меган. Но он оказался перед лицом неразрешимой проблемы. Убийство Джонни «реально меня напрягло, это была совершенно ненужная хрень. Да какого черта, я ж вам заработать даю, на хрена вы меня грабить собрались?»

По словам Тодда, с некоторым трудом ему удалось успокоить Меган, после чего он одел ей наручники и уложил на пол контейнера. Он вырыл яму, закопал в ней труп Джонни и вернулся в контейнер с едой для Меган.

- Она же вас собиралась грабить, и после этого вы ее накормить решили? - спросил один из детективов.

- Ну, а как с ней быть-то? Я же не хотел ее убивать, - ответил Тодд и принялся объяснять: - Она со мной говорила, и сперва ее колбасило от наркоты, а потом вообще съехала и несла полную пургу, и все говорила и говорила... Все рассказывала мне про свои маниакальные... это... маниакальные сдвиги или типа биполярную какую-то херню с литием и прочим. Не знаю, про что вообще. Бог ты мой, ее так и мотало всю дорогу: вверх-вниз, вверх-вниз.

Это продолжалось «дней пять-шесть», и вдобавок Меган оказалась опасным пленником. Колхепп рассказал, что покупал ей сигареты, а она пыталась прожигать ими стенки контейнера. «То и дело захожу и вижу, что она опять прожигала. Сидит ведь рядом с сотней тысяч патронов! Ради Бога, завязывай это делать!»

Но за это время у Тодда созрел план. У Меган явно были проблемы с наркотиками и с законом («Похоже, вы, ребята, уже принимали ее за амфетамины или что там», - сказал Колхепп следователям), а ему было нужно, чтобы она исчезла. И он предложил ей сделку.

«Отвел ее в домик, усадил и велел успокоиться: "Ну, успокойся же ты!" Дал ей поесть и говорю типа, что, если она хоть слегка уймется... типа: "Ты меня не знаешь. Ты обо мне слишком мало знаешь. То есть вообще ни хера". Я-то когда последний раз в интернете проверял, видел, что по ней уже ордер плачет. Ну и говорю: "Дам тебе 4000 долларов. Отвезу тебя в Теннесси и где-нибудь там, на хрен, высажу. И если у тебя хоть капля мозгов осталась, то на этом наши пути разойдутся навсегда". Говорю, мол, даю тебе четыре штуки, привожу в Теннесси и отпускаю на все четыре стороны: "Иди себе, уходи, только

не возвращайся". Вроде как просто... такое с виду простое решение вопроса. Она не знала ни как меня зовут, ни где я живу».

Подобную двойственность можно было наблюдать в поведении Гэри Трэпнелла во время попытки угона самолета авиакомпании TWA в 1972 году. Уйти от ответственности за такое преступление, как авиаугон, практически невозможно, тем более что козырем его была просьба о помиловании лично президентом Никсоном, что выглядело совсем уж безрассудным. И при этом он вполне дальновидно и хитро использовал лозунг «Свободу Анджеле Дэвис!», чтобы заслужить расположение будущих сокамерников.

И что же заставило Колхеппа изменить это «простое решение»? Две его версии на этот счет не очень согласуются друг с другом, что неудивительно, поскольку Тодд, в общем-то, импровизировал по ходу дела. Я думаю, что это еще одно наглядное свидетельство противофазное™ его мышления. На допросе в следственном изоляторе Колхепп сказал:

«Погода была дерьмовая. Дождь со снегом, дело-то было перед самым Рождеством. Дождь со снегом, погода - дерьмо. Мне еще нужно было придумать, как оторваться от моей подружки Эшли. Надо было свалить с работы, отвести эту в Теннесси, высадить ее там и вернуться обратно. Это вам не... это не просто на пару часов отъехать. А высадить ее прямо на границе штатов было никак нельзя. Надо было ехать севернее, в сторону Нэшвилла. Мне нужно было, чтобы она была подальше от меня. Чтобы вообще забыла, где Южная Каролина... "Если у тебя хоть какие-то мозги остались, ты пойдешь, найдешь себе работу в каком-нибудь кафе типа официанткой, слегка очухаешься. Возвращаться даже не думай. Они тебя с годик искать будут. А я-то буду здесь, так что возвращаться тебе не стоит". Она была согласна. Рада была, радовалась просто до чертиков пару дней, наверное. А я просто ждал подходящей погоды».

Но далее Колхепп сказал, что Меган опять устроила поджог, и вот тогда он решил ее убить:

«Захожу в это строение и просто начинаю задыхаться. Я такой: "Твою мать!" Я же приехал ее выпускать, и ни с того ни с сего она тут мечется, как зверь в клетке. Блин, неизвестно почему она вдруг съехала с "Ой, спасибо-спасибо офигенное, вот уж мне свезло так

свезло, приеду в Теннесси при деньгах и начну там жизнь с нуля" на полную долбанутость.

Тут я попытался вытащить ее наружу. Это меня достало уже. Вышел на улицу, думаю, как ее успокоить, соображаю, как мне с ней быть, что с ней делать-то. Непонятно. Захожу обратно, ну и это, она там по-прежнему бесится, как прямо... Это она не из-за ситуации вообще. Время-то уж прошло, несколько дней как. Совсем не из-за этого. Похоже, это было психическое расстройство в полный рост. Ну, вышла она. То есть это я ее наружу вывел. Вывел наружу и всадил пулю в затылок».

Оба этих объяснения наверняка оказали влияние на решение Колхеппа убить Меган Кокси. Однако психолингвистический анализ сказанного прямо указывает на то, что в первую очередь на очередное убийство его толкнули понимание полной невозможности контролировать ситуацию и осознание того, что им в какой-то мере пользуются.

Это была характерная для Тодда Колхеппа поведенческая модель. Дело было не в желании наказать Меган за попытку ограбления: это он уже выполнил, убив Джонни. Дело было в том, что она поставила его в уязвимое положение и он не представлял себе, как можно было бы отреагировать на это иначе. Обычно его поведенческая модель с элементами продуманности и спонтанности проявляла себя именно в подобных ситуациях. Ощутив, что поставлен в подобное положение, Тодд убивал. Так было и с двумя мужчинами, которые пытались ограбить его на парковке рядом с домом; и с людьми из мотосалона, которые, как ему показалось, посмеялись над ним; с Джонни и Меган Кокси. Я почти не сомневаюсь, что аналогичная участь ожидала и Кэлу Браун, не будь она вовремя спасена из заточения. Возможно, он и понимал, что это неправильно, но логическая составляющая его мышления не видела иного «разумного» выхода из положения.

Полагаю, что такой умный и по-своему аналитичный человек, как Колхепп, должен был прийти к пониманию, что его план вывоза Меган в Теннесси далеко не безопасен. Если бы ее начали разыскивать и в конечном итоге нашли, то она поделилась бы любой известной ей информацией. Впрочем, как бы то ни было, но большинству преступников хорошо известно, что секрет скорее останется секретом, когда он известен кому-то одному.

В конечном счете Колхеппу так или иначе пришлось бы решать, как поступить с Кэлой, и отвечать на все тот же навязчивый вопрос *Что дальше? Он* предельно ясно дает ответ на него в протоколе обследования: «Еще раз. Держать у себя Меган было огромной ошибкой, так какого черта мне держать Кэлу? Шлепнуть ее, и дело с концом, никаких свидетелей, никаких улик».

Смешанные представления Тодда (он хладнокровно застрелил Чарли и умело избавился от его трупа, но не знал, как ему поступить с Кэлой) вполне типичны для человека, поднаторевшего в преступлениях, но уделяющего главное внимание своему бизнесу и повседневной жизни. Прямой противоположностью был, например, Деннис Рейдер, для которого преступления были смыслом существования. Рейдер жил главным образом ради убийств, которые были средством получения извращенных сексуальных наслаждений. Преступления Колхеппа были связаны с неукротимой яростью и жаждой мщения.

Так называемые «проекты» Рейдера доставляли ему огромное удовольствие и приносили глубокое удовлетворение. Он мог полностью распоряжаться своими жертвами и испытывал мистическое чувство, что, убивая их, обеспечивает себя сексуальными рабами на том свете. Главным, о чем жалел Рейдер, было то, что он не посвятил воплощению своих садистских фантазий *еще больше* времени.

В отличие от него, необходимость решать, как быть с Кэлой, в долгосрочном плане привела Колхеппа в полное недоумение. Рассказы Тодда и Кэлы разнятся между собой по вполне понятным причинам. Она говорит о неделях ужаса и неопределенности с постоянным страхом за свою жизнь, в то время как он описывает приставучую и привередливую пленницу, не желавшую оставлять его в покое. Но из протокола обследования со всей ясностью следует, что Колхепп не Гэри Хейдник, державший женщин в заточении для удовлетворения своих сексуальных прихотей. В отличие от Хейдника и Рейдера, смыслом жизни которых были садистские надругательства над женщинами, главным для Тодда был его риелторский бизнес. В случае Хейдника пленение было заранее продуманным действием. У Колхеппа это получалось спонтанно. При том что ему нравились и секс, и порно, у него были куда более простые и менее опасные способы удовлетворения своих желаний. Колхепп - человек, который

сам ставил себя в ситуации, из которых не видел выхода. И протокол это наглядно иллюстрирует:

«Она принялась строить из себя такую покорную киску: хотела телик, книги, потом голубую краску для волос и вибратор, колеса всю дорогу, скучала и требовала секса, а я чтобы развлекал ее, использовала секс, чтобы получать, что хотела. Смотрела телик, жаловалась, что нет наркотиков, и типа почему я не уделяю ей больше внимания, почти ни слова ни о Чарли, ни о ком еще, все только о себе да о себе. Даже попросила меня похитить для нее подружку, чтобы миловаться, а я отказался. Держать пленницу - совсем не здорово».

Сравните это признание с его уверенным рассказом полицейским об убийстве в мотосалоне. Признавая неправедность своего поступка, тогда Колхепп в определенной степени даже гордился тем, как хорошо все спланировал и исполнил. Но как удерживать в неволе женщин? Это было выше его понимания, и опыт его ничему не научил.

Как бы возражая Хэйдникам и Рейдерам преступного мира, он написал: «И хотелось бы мне обойтись с Меган лучше, но держать человека в плену крайне тяжко, и я не представляю, как кого-то может возбуждать весь этот бытовой кошмар и эмоциональный бардак».

26. Натура и воспитание

История жизни Тодда Колхеппа и его ответы на вопросы естественным образом вписывались в структуру протокола обследования: биографическая информация, поведенческие стереотипы, состав семьи и обстановка в ней, история нападений, судимости в несовершеннолетнем возрасте, история виктимизаций и субъективная оценка поведения.

Хотя у Колхеппа были не менее серьезные проблемы с родителями, чем у Джозефа Макгоуэна, он не набрасывался в припадке слепой ярости на невинных детей. И Джозеф Кондро, и Колхепп были в детстве несдержанными и злыми, но Тодд не насиловал и не убивал детей своих близких знакомых. И хотя, подобно Дональду Харви, он предпочитал полностью контролировать окружающую обстановку, Колхепп не убивал просто подвернувшихся под руку людей.

Тодд был другим. Более того, при определенных условиях его могла ожидать совершенно иная судьба, а не участь убийцы. Ниже я

поясню, как я это вижу. В этой главе приводятся выдержки из стенограмм допросов Колхеппа, его переписки с Марией и протокола обследования. Как отмечалось выше, все эти материалы на удивление непротиворечивы. Если не считать хвастовства своими навыками владения огнестрельным оружием, поведение Тодда лишено признаков эгоцентричности, и он не пытается перекладывать свою вину на других. Колхепп *убедителен*.

Родители Тодда развелись, когда ему не было и двух. По его словам: «Вечером дня, когда я появился на свет, отец был на свидании с какой-то женщиной. [Его отец это отрицает.] Он всю жизнь волочился за женщинами, мечтал о больших успехах, был очень жестким и агрессивным человеком. Очень умный и злой как черт». Годом позже его мать Риджина, которую все звали Реджи, вышла замуж за Карла Колхеппа.

Тодд говорил, что хорошо ладил со сводными братом и сестрой: Майклом, который был на год младше, и Мишель, которая была на год старше. Как он рассказывал Марии: «Из-за работы Карла мы переехали в Сент-Луис. И когда мы были в школе, их похитила родная мать. Она явилась откуда ни возьмись, позвонила в школу и сказала, что она их тетя. Что мать, то есть моя мама, погибла, а она тетя и хочет забрать только этих двоих ребят, но не меня. В школе даже не потрудились задуматься по этому поводу». В то время Тодду было семь лет. «Она их забирает, говорит им, что моя мама умерла, и увозит обратно в Джорджию. Через несколько часов нас приезжают забирать домой, я на месте, а куда делись остальные двое, никто не понимает. Когда наконец выяснилось, что их увезла родная мать, Карл не захотел, чтобы ее судили, быстренько пошел и отказался от опекунства. Это сильно повлияло на обстановку в семье, потому что с тех пор Карл относился ко мне недоброжелательно, если не хуже».

После исчезновения Мишель и Майкла Колхепп «все время сидел в своей комнате. Никто со мной не заговаривал, никто мне ничего не рассказывал».

Когда в пятнадцатилетием возрасте его арестовали за изнасилование, инспектор по надзору за несовершеннолетними писал в своем рапорте, что «с детсадовских лет и по сей день он ведет себя агрессивно по отношению к окружающим и склонен причинять вред чужому имуществу». В девятилетием возрасте Тодд прошел курс

лечения от агрессивности в стационаре психиатрической клиники штата Джорджия.

Колхепп не отрицает, что в предподростковом возрасте у него были проблемы с поведением: *«Я* проводил кучу времени со школьными психологами, у меня было полно проблем в школе. Я постоянно скандалил. Настоящих друзей у меня никогда не было, поскольку я постоянно переводился из одной школы в другую. И кроме того, как у новенького, у меня всегда были проблемы с хулиганами. То есть меня обижали, я терпел-терпел, а потом взрывался, и когда взрывался, то обычно доставалось сразу нескольким. Обычно я выдавал по полной - так, чтобы больше неповадно было. Но из-за этого всего я тратил кучу времени на психологов». Действительно ли эти психологи были чем-то полезны? Насколько помогло лечение в психиатрическом стационаре и последовала ли за ним поддерживающая психотерапия? Какие-либо признаки этого отсутствуют.

На вопрос о своих самых приятных детских воспоминаниях Колхепп ответил так: «Было хорошо играть с животными на дедушкиной ферме в Джорджии. Животных я любил, а деда и бабку - нет. Когда мне было пять, дед развлекался, тыкая в меня электропогонялкой для скота. Мне было совсем не весело. Когда мне было семь, он кастрировал свиней и грозился сделать то же самое со мной. С восьми до девяти лет меня притаскивали к дереву, привязывали и пороли. Удивляюсь, как я его не убил. У него не было друзей, ему нравилось обижать и подавлять людей. И к своей дочери, моей маме, он относился точно также».

Тодд рассказывал, что какое-то время провел в постоянных переездах от матери к ее родителям и обратно: «Это была какая-то дикая ситуация. Они никогда не хотели заводить детей. Так прямо и говорили, что никогда не хотели детей. Матери постоянно напоминали, что она нежеланный ребенок, и это, конечно, передалось и мне».

Он описывает безрадостную жизнь: «Мама время от времени забирала меня к себе. А потом отдавала обратно [деду и бабке]. И когда я жил у них, то за что угодно: плохие оценки из школы принес, в пять утра не встал и курятник не убрал, короче, что-то сделал не так, как надо, - меня будили, вытаскивали за волосы во двор, привязывали

к дереву и пороли. Обычно длинным кожаным ремнем, а однажды он и кнутом воспользовался».

Занимаясь этой работой, я научился разделять различные аспекты жизни обследуемых убийц. Имеется в виду, что при всем отвращении к их преступным деяниям я в то же время способен испытывать глубокое сочувствие и сожаление по поводу перенесенного ими в детстве и юности. Ни один ребенок не должен испытывать то, что довелось испытать Эду Кемперу и Тодду Колхеппу. Нетрудно понять, что неспособности Колхеппа устанавливать доверительные отношения с людьми в большой степени способствовал его семейный анамнез - детство, большая часть которого прошла в отсутствие тепла и любви, откровенное неприятие, внезапное исчезновение из его жизни сводных сестренки и братика.

Тодд утверждал, что, когда его мать Реджи в очередной раз порывала с Карлом, она всегда пускалась на поиски другого спутника жизни: «Думаю, ей казалось, что она найдет мужика гораздо быстрее, если рядом с ней не болтается сынок».

Когда ему стукнуло двенадцать, он решил, что сыт по горло жизнью с матерью и ее родителями, и заявил, что хочет уехать в Аризону к родному отцу Биллу Сэмпселлу, которого не видел восемь лет и едва помнил. Примерно тогда же Реджи обставила его спальню новой мебелью, полагая, что так ему будет уютнее дома. Получилось иначе. Тодд сразу же изуродовал новую мебель с помощью молотка. По его словам, она была «девчачьей».

«Переборщил слегка, конечно, - согласился он в разговоре с Марией, - но мне было двенадцать, и я отчаянно хулиганил. Друзей нет, уехать бы куда-нибудь подальше от своих. Тогда мне казалось, что это хорошая идея. Мать расстраивалась из-за меня и из-за того, что я не жалую никого из ее ухажеров».

В конце концов она согласилась оправить его к Сэмпселлу.

«Вот я и переехал с консервативного Юга в Темпе, штат Аризона, где тепло, все бурлит и полно симпатичных студенток. У отца был ресторан "Знаменитые свиные ребрышки Билли" по типу ресторанов Тони Рома. Он им и занимался, присмотра за мной почти не было. Задирал всех подряд, гонялся за каждой юбкой, а когда мне случалось побыть рядом с ним, это было вовсе не то, чего я ждал. Мужик ни с

того ни сего впадал в бешенство, как по щелчку. Я перестал скромничать, становился все более агрессивным».

Как рассказал Марии Билл Сэмпселл, Реджи «просто вытурила его оттуда и поставила меня перед фактом, сообщив, что он уже в самолете».

Тодд восхищался отцовским оружием и с упоением слушал его рассказы о службе в спецназе, которые на поверку оказались выдумками.

Нет ничего удивительного в том, что у Тодда и Билла сохранились очень разные воспоминания об этом периоде. «Я как-то подумал, что, мол, мы как-то вроде неплохо сочетаемся друг с другом. Мне не казалось, что есть какие-то проблемы».

А потом Тодд изнасиловал свою соседку. Это изнасилование, совершенное в пятнадцатилетием возрасте, стало ключевым фактором его превращения в убийцу. Относительно стресс-факторов он написал в протоколе:

«Папа уезжал на неделю и тем вечером должен был вернуться. Я знал, что по возвращении он мне за что-нибудь врежет, бездельничал и прикладывался к бутылкам из домашнего бара. Я был зол и расстроен, действительно собирался только поговорить [с девочкой], убедить, что я самый подходящий для нее парень, да только все испортил. Не знаю, почему до такого дошло, но дошло ведь. Я хотел, чтобы хоть кто-то во мне нуждался».

Берусь утверждать, что, если бы не этот инцидент, жизнь Колхеппа сложилась бы совершенно иначе. Это не значит, что я оправдываю содеянное им, вовсе нет. Мой опыт изучения других преступников говорит о присутствии некой общей закономерности в процессе формирования и развития их личностей. Но давайте посмотрим, какие материалы досье Колхеппа свидетельствуют в пользу моей точки зрения на его преступный путь.

Прежде всего это то, как он ответил на вопрос из протокола обследования о том, что могло бы удержать его от акта насилия:

«Соседи, учителя, школьные психологи и работники отцовского ресторана - все они были в курсе происходящего, все знали, каково мне приходится, что я в беде и очень скоро могу стать проблемой. Абсолютно все происходило на виду. В любой момент любой из них мог притормозить, проявить интерес, предложить мне какую-то по-

мощь. Вместо этого каждый кивал на другого. В то время я был готов к психотерапии».

Услышать подобное от осужденного преступника отнюдь не редкость. Но в случае Колхеппа, который, как свидетельствуют все другие его ответы в досье, явно не пытался снять с себя ответственность за совершенные преступления, это высказывание имеет особое значение. Он достаточно проницателен и видит, какие именно моменты его жизни были действительно поворотными.

Степень его замешательства и дезориентации после изнасилования иллюстрирует следующий пример. Его жертва показала, что он подумывал убить ее, чтобы никто не узнал о происшедшем. Сам же Колхепп пишет следующее: «Я, в общем, был вежлив и попросил прощения, но действительно угрожал ее близким». И это вновь свидетельствует о смешении поведенческих моделей. Он понимает, что поступил очень плохо, и почти сразу же чувствует угрызения совести. И в то же время не хочет отвечать за последствия своего поступка.

Отвечая на вопрос о своем состоянии непосредственно после совершенного преступления, Тодд пишет: «Я был в шоке. Толком не понимал ни что произошло, ни что будет дальше. Я ее выпустил, мой пес сбежал, она помогала мне ловить его, пока не приехали копы. Она пошла за ними, а я пошел домой». Далее он вспоминает: «Когда приехавшие копы нашли ее, я ушел, зашел в дом и отказывался выходить, пока миссис Тэйлор, жившая через два дома от нас, не уговорила меня. Я опустил ружье. Мне не терпелось, чтобы меня забрали копы, отца я видеть не хотел. Чувствовал только опустошение и страх, раскаяние пришло позже. Хотел только прочь из этого дома и подальше от всех родных. Боялся отца, стыдился наделанного и тупил, не понимал, что мне делать и как быть дальше».

Тодд был не в состоянии даже внутренне признать, что совершил половое преступление, и, невзирая на заявление девочки, продолжал твердить о сбежавшей собаке. Отвечая на вопрос о своих мыслях сразу после преступления, Колхепп пишет: «Путался, старался изо всех сил не думать про это». На вопрос, пытался ли он «скрыться от органов правопорядка», Колхепп отвечает: «Даже не собирался. Был благодарен полицейским за то, что они меня увезли из этого дома. Откуда мне было знать, что я пятнадцать лет получу, думал, отправят в

колонию для малолеток до совершеннолетия и психотерапию пропишут».

Я всегда сочувствую и сопереживаю жертве преступления, а не преступнику. В то же время стоит заметить, что в случае сексуального преступления против подростка мера наказания должна учитывать не только степень жестокости, но также соотношение возрастов агрессора и жертвы и то, были ли они знакомы. Если возраст более или менее одинаков, это часто признается смягчающим вину обстоятельством и свидетельством возможности искупить вину. Следует определить, является преступление деталью уже сложившейся картины криминального поведения или же это единичный случай, при котором правонарушитель подлежит перевоспитанию. Полагаю, что такой подход был бы уместен и в данном случае.

Однако Колхеппа судили как совершеннолетнего. «Корректирующие вмешательства, проводившиеся в течение шести лет из пятнадцати, которые он прожил, оказались абсолютно безрезультатными», - написал судья по делам несовершеннолетних, передавая дело на рассмотрение обычного уголовного суда.

Досудебная сделка, на которую согласился Тодд, позволила избежать обвинения в изнасиловании, но стоила ему пятнадцати лет тюрьмы. Как раз столько Колхепп и прожил на свете на тот момент Кроме того, он получил ярлык сексуального преступника, который должен был носить до конца своих дней. Получилось так, что одним поступком он безнадежно искалечил всю свою дальнейшую жизнь. Это действительно печально, поскольку если бы с Тоддом Колхеппом обошлись тогда более адекватно, то, помимо всего прочего, это сохранило бы жизни по меньшей мере семерых человек.

В некоторых кругах распространено политически модное мнение о том, что «изнасилование и есть изнасилование», что все половые посягательства одинаковы. И хотя все изнасилования, безусловно, отвратительны, каждый такой случай сугубо индивидуален, а совершающие их мужчины далеко не одинаковы.

В процессе нашей исследовательской работы в ФБР мы выделили основные типологии насильников и изнасилований и распределили их на более чем полсотни подвидов. Хотя для удобства следователей в последнем издании «Классификатора преступлений» мы делим насильников на дюжину или около того категорий, здесь будет

уместнее привести четыре основные типологии: самоутверждающийся насильник, насильник-хищник, злобный насильник и, наконец, насильник-садист.

Что касается насильников, которыми движет злоба или жажда мщения, то их преступления представляют собой смещенное проявление конкретно направленной или генерализованной ненависти. Насильники-садисты получают удовлетворение, мучая других людей. В обоих этих случаях не стоит питать иллюзии по поводу их исправления и уж тем более рассчитывать на это. Насильники-хищники действуют скорее импульсивно, чем расчетливо, воплощая некие фантазии, и пользуются предоставившейся возможностью, часто возникающей в процессе совершения каких-то других преступлений, к примеру, ограблений со взломом. Иногда исправление возможно, особенно если поимка случается в начале их преступного пути.

Самоутверждающийся насильник, как следует из названия категории, обычно представляет собой не вполне адекватного человека, пытающегося доказать свою сексуальную состоятельность самому себе. Возможно, это одинокий мужчина, воображающий, что жертве понравится и она к нему потянется. Большую часть изнасилований на свиданиях совершают как раз самоутверждающиеся насильники, а меньшую - насильники-хищники. Главное, что отличает самоутверждающегося насильника, - это крайне низкая самооценка, и поэтому на ранних стадиях ему можно оказать результативную психологическую помощь.

Но именно ее и не получил Колхепп, который определенно принадлежал к категории самоутверждающихся насильников. Вместо того чтобы предоставить ему консультативную психологическую помощь или стационарное лечение в специализированной психиатрической клинике, Тодда посадили в обычную тюрьму. Из его тюремного досье следует, что в течение нескольких лет он нарушал дисциплину и совершал хулиганские выходки, прежде чем войти в колею примерно в двадцатилетием возрасте.

Он утверждал, что не подвергался сексуальным домогательствам и издевательствам со стороны заключенных старших возрастов, но это один из немногих аспектов, где я не вполне ему поверил. Подозреваю, что как минимум в самом начале срока это все же имело место и усугубило его недоверчивость и озлобленность.

Я исследую агрессивных и жестоких преступников не с целью помочь их исправлению и превращению в законопослушных граждан, а для того чтобы упростить их поимку, осуждение и изоляцию от общества. Как правило, в моем поле зрения оказываются те из них, кому уже не помочь. Это относится и к Колхеппу, однако все могло сложиться иначе. На самом деле, это был трудный подросток, совершивший свое первое и единственное серьезное преступление. Трудный подросток, которого до тридцатилетнего возраста содержали в условиях, предполагающих закрепление нелюбви и недоверия к людям и одновременную подверженность влиянию криминальных элементов самого различного толка. Естественное развитие его личности было приостановлено на весь этот период, и ему оставалось лишь существовать в постоянном режиме выживания.

Любой, кто меня знает, подтвердит, что я отнюдь не сторонник мягких методов обеспечения законности и порядка. В то же время я твердо убежден, что к Тодду Колхеппу изначально отнеслись совершенно неправильно. Его натура предполагала определенную возможность превращения в преступника, однако главную роль в этом сыграло именно воспитание, точнее говоря, его дефицит и в семье, и в исправительных учреждениях.

В беседе с Марией адвокат Колхеппа по делу об изнасиловании Алан Биккерт сказал, что просто не знал, как ему быть. Тодд был «слишком разумен» для отправки в психиатрическую клинику, не подлежал суду по делам несовершеннолетних в силу тяжести преступления, и было совершенно очевидно, что обычная тюрьма только усугубит его проблемы. Биккерт посетовал, что система не предусматривала хороших вариантов, в том числе и какой-либо помощи после выхода на свободу: «Это огромная ошибка - просто выпустить заключенного, который попал в тюрьму пятнадцати лет от роду и провел в ней следующие пятнадцать лет жизни без возможности ходатайства об УДО, без психологической помощи и даже без нормальных собеседников, с которыми можно было бы поговорить о своих проблемах. Его отношение к жизни и поведение полностью сформировала тюрьма».

Выйдя на свободу в августе 2001 года, Колхепп отправился к матери в Южную Каролину. Это было единственное, что пришло ему в голову. Не стоит забывать, что это был тридцатилетний мужчина без

опыта самостоятельной взрослой жизни и без профессии. Опыта общения с женщинами у него также не было, и поэтому он посещал стрип- клубы и проституток. Затем Тодд нашел себе работу и стал зарабатывать на жизнь, так внезапно поставившую его перед необходимостью осваивать совершенно новые навыки выживания.

Не оставляя своего увлечения стрип-клубами, проститутками и порно в интернете, он постепенно научился «нормальным» отношениям с женщинами. У него были две долговременные связи. Одну из этих женщин он называл своей подружкой, а другую - любовницей, пожениться не собирался ни на одной из них. Полагаю, что, с одной стороны, это было обусловлено его воспоминаниями о печальном матримониальном опыте своей матери, а с другой - неспособностью к доверительным отношениям, которые предполагает брак.

Несмотря на все это, Колхепп твердо решил полностью изменить свою жизнь. В протоколе есть вопрос о том, насколько значительные перемены ощутил в себе обследуемый. Тодд пишет о выходе из тюрьмы и переезде в Южную Каролину следующее:

«Теперь, когда родные уже не влияли на мои решения, я внимательно присмотрелся к себе и стал работать над тем, чтобы стать лучше. Впредь никаких преступлений, никакого воровства, никаких [сомнительных] делишек. Приложить все силы, чтобы женщины меня не опасались, понимали, что я уважаю слово "нет". Не попадать в плохие ситуации, относиться ко всем другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе. Стал увереннее в себе. Пошел учиться, стал отличником (а раньше был троечником), очень серьезно относился к учебе. Без подвоха. Я стал человеком, на свидание с которым можно отпустить дочку, с которым соседствовать хорошо. По выходу стал образцовым работником, в церковь ходил, уважал правопорядок, соблюдал закон и нравился людям. Все было хорошо».

Помимо полученного в подростковом возрасте длительного тюремного срока, Колхеппа травмировало и то, что он попал в реестр сексуальных преступников. Я не хочу сказать, что это было неправомерно, он действительно таковым являлся. Как человек, занимавшийся половыми преступлениями на службе в правоохранительных органах, я выступаю за ведение реестров сексуальных преступников. Но в случае Колхеппа этот факт усложнял

его борьбу за место в жизни, что в свою очередь вызывало в нем дополнительную озлобленность и ощущение необходимости нарушать правила и притворяться, чтобы чего-то достичь.

При всех своих стараниях стать лучше Колхепп не мог избавиться от ярлыка сексуального преступника иначе, чем обманывая и изворачиваясь. И даже это было непросто, поскольку к моменту выхода из тюрьмы его имя уже фигурировало в списках сексуальных маньяков, размещенных в открытом доступе в интернете. Как и любая другая открытая информация об уголовном правосудии, эти списки могут использоваться в неправедных целях. Именно так и произошло.

В телефонном разговоре с Марией Тодд рассказывал:

«Я получал кучи писем с угрозами и оскорблениями и массу таких же телефонных звонков. Меня то и дело принимались травить. То есть какое-то время все это продолжается, а потом вроде стихает... Риелторы-конкуренты названивали моим клиентам. Одна женщина-риелтор разослала восемьдесят восемь писем всем моим клиентам с приложенным скриншотом сайта - мол, проверьте сами и переходите ко мне. И ведь уходили, хотя прямо никто ничего не говорил и на нее не ссылался. Все это шло постоянно, понимаете. Я и название своей фирмы поменял поэтому. Изначально было "Тодд Колхепп и Партнеры", а стало "ТКП". Хотел типа, чтобы мое имя в нем не звучало. Из-за этой травли я обращался в полицию, а мне сказали: "Ты сам в эти списки попал, вот и живи теперь с этим". А в церкви предложили перейти в другой приход».

Об этом же он писал и в протоколе, вглядываясь в свое прошлое. Несмотря на успехи своего бизнеса, очевидные материальные плоды этих успехов и уважение клиентов и коллег, примерно с этого момента Колхепп начал сознавать, что катится под откос и не сможет избавиться от врожденных дурных наклонностей. Эти настроения разительно отличаются оттого, что Тодд испытывал после выхода на свободу. Вот что он пишет о периоде после убийства в мотосалоне, которое первоначально сошло ему с рук:

«Я был в полностью разобранном состоянии. Снова пошел учиться, завел нескольких подружек, работу, все вроде потихоньку налаживалось. А с другой стороны, делал все, чтобы это испортить. В личной жизни бардак, с церковью завязал, типа отличник, а общаюсь с подпольным торговцем оружием из другого штата. Стал очень

агрессивным и слишком осторожным, боюсь людных мест и укромных уголков, постоянно при оружии и новые приемы учу... Отношений не ищу, получаю, что хочу, и меняю женщин как перчатки. Хотя некоторые задержались лет на 8-11, причем параллельно друг с другом. Знали это, им не нравилось, но как-то соглашались. Да я и не скрывал, просто смотрел, чтобы они не совали нос куда не надо. Короче, я был в основном по плохим делам, а не по хорошим».

Когда получается вызвать на откровенность серийного убийцу или маньяка, в большинстве своем они признаются, что не сумели бы остановиться сами. Это относится и к Колхеппу, но убийства не приносили ему радости или удовлетворения. Для него они были скорее досадной необходимостью. Вот что он рассказывает в протоколе о периоде после убийства Карвер и пленения Браун:

«Я был измучен жизнью, выгорел на работе, делал все на автомате, а так мне было все равно. Избегал подружек, знакомых, сотрудников, совсем отшельником стал. Раньше всем помогал, а теперь предлагал решать свои проблемы самим: "Мне некогда этим заниматься". Еще Кэла эта, убивать очередную женщину не хотелось, очень нервничал поэтому. Знакомым говорил, что в тюрьме мне лучше было. Как следы замести, знал прекрасно: как там от обнаружения телефонной вышкой уйти и все такое - просто не стал заморачиваться этим... Я не надуваю щеки, но это не они меня поймали, это я сам себя поймал... Меня этот сайт [с реестром сексуальных преступников] и так достал по полной, а если меня еще и обворовать захотели, то вот вам и очередная ситуация, будьте уверены».

Об этом же говорят и другие ответы на вопросы протокола. Один из них звучит так: «Считает ли обследуемый, что с каждым новым своим преступлением он становился еще более агрессивным или жестоким?»

Относительно совершенного в подростковом возрасте изнасилования Колхепп отвечает отрицательно: «Нет Я опомнился и затихарился». Но уже про убийство в мотосалоне он пишет: «Да. Я шел на конфликты, и убийство было единственным средством решения вопросов». И о последнем своем убийстве: «Да. Покончив с Чарли и удерживая Кэлу, я мысленно готовился к следующей стычке».

Воспитанный в отсутствие родительской любви и заботы, что способствовало заниженной самооценке и нарциссизму, без братьев и

сестер, на которых можно было бы опереться, лишенный возможности нормально развиваться в подростковом возрасте и юности, Тодд считал, что обязан набрасываться на любого, кто, по его мнению, собирается его обмануть.

Вопреки тому, что впоследствии рассказывала журналистам Реджи, никакие достижения Колхеппа, судя по всему, не впечатляли его родителей и не добавляли ему уважения в их глазах. Как и Дэвид Берковиц, он пришел к ощущению своей полной ненужности. И, как и в случае Берковица, его агрессивность была по большей части следствием смещенного гнева.

Об эгоцентричности Реджи красноречиво свидетельствует ее диалог с сыном, позвонившим непосредственно после своего ареста.

- Как же ты мог натворить такое, если любишь меня?

- Я был не в себе. Прости.

-Хорошо.

- Я люблю тебя.

-Хорошо.

В разговоре с корреспондентом телепрограммы «48 часов» Дэвидом Беньо Реджи заметила: «Между первым и остальными был огромный промежуток времени. Понимаю, что родным это не слишком важно, и сочувствую им. Но он не серийный убийца». И далее она попыталась объяснить, почему Тодд убивал: «Его же позорили. Понимаете, ведь любому человеку, хоть кому, с характером или без, не хочется, чтобы его позорили. И выбраться из всего этого очень трудно». В этом есть нечто трогательное и одновременно жалкое: мать, которая пытается постичь непостижимое - то, что ее сын всю жизнь убивал, - и, как мне представляется, отчаянно старается уяснить собственную роль в этом.

На первом допросе в следственном изоляторе Спартанбурга Колхепп сказал: «Мы с мамой уже давно не общаемся. Я пытался, ничего у нас не получилось».

Вскоре после этого, 23 апреля 2017 года, Реджи умерла.

«Я скучаю по моему псу, а по матери - не очень», - написал Колхепп Марии. Собаки любят безусловно и беззаветно, матери - не всегда, увы.

Тем не менее в конце концов Колхепп осознал, что никто: ни Реджи, ни Билл Сэмпселл, ни Карл Колхепп, ни убитые в мотосалоне -

не несет ответственности за содеянное им самим.

Из всех знакомых мне убийц-рецидивистов Колхепп дает наиболее глубокое, емкое и достоверное описание своей личности:

«Я провел очень трудное детство с родными, которым я был не нужен, но которые и не пожелали отдать меня кому-то еще. Они терпеть не могли, если у меня что-то получалось лучше, чем у них. Они не гордились ни моим университетским дипломом, ни летными правами, ни созданной мной компанией. Они могли только разносы учинять да гадости говорить. Я очень старался доказать, что могу кем-то стать, что они не правы, и по большей части у меня это получилось. Но осадок от несчастного детства и долгих лет тюрьмы не позволил мне избавиться от агрессивности и обид».

Но, невзирая на это, Тодд понимает или в гораздо большей степени, чем многие другие преступники, готов признать, что несчастья детства и юности не лишили его свободы воли: «Мои преступления - это то, что было подвластно мне. На курок нажимал мой палец по моей воле. Никто меня не заставлял».

Эпилог: собственный выбор убийцы

Вечером 2 июня 1985 года 39-летний Леонард Лейк заехал в хозяйственный магазинчик в южной части Сан- Франциско, чтобы заплатить за тиски, которые его приятель Чарльз Нг украл оттуда утром того же дня. 24-летний Нг жил в коттедже у Лейка, расположенном за сотню миль от места события в окрестностях городка Уил сивилл. Истинные причины такого всплеска сознательности неизвестны, но для Лейка это не кончилось ничем хорошим.

Продавец попросил Лейка показать документ, удостоверяющий личность. Тот показал водительские права на имя некоего Робина Шэпли. Заподозривший неладное продавец вызвал полицию, которая уже знала об утренней краже и приехала на место очень быстро. В багажнике машины Лейка полицейские нашли пистолет 22 калибра и запрещенный глушитель к нему, что послужило достаточным основанием для его ареста.

Личность Лейка проверили по отпечаткам пальцев. Номерной знак машины был выдан на имя Лейка, но пробив VIN, полицейские

установили, что она принадлежала некому Полу Кознеру, безвестно пропавшему в ноябре предыдущего года. Об исчезновении Робина Шэпли, права которого показал продавцу Лейк, его семья заявила в полицию несколько недель назад. На допросе Лейк заявил детективам, что кражу тисков совершил Нг, а сам он только пытался исправить ситуацию. После этого попросил стакан воды, запил им две таблетки и написал короткую записку своим родным. Таблетки оказались цианистым калием. Четыре дня спустя Лейк умер, не приходя в сознание.

Обычно люди не кончают жизнь самоубийством, будучи уличенными в магазинных кражах, незаконном владении оружием, подделке водительских прав или в угоне автомашин. Полицейские поняли, что для этого у Лейка должны были быть куда более веские причины.

И они действительно были. Обыскав владения Лейка в Уилсивилле, детективы обнаружили за коттеджем приспособленный под карцер погреб и импровизированный могильник с фрагментами тел по меньшей мере одиннадцати человек. Там же находились два обугленных трупа: тела Шепли и жившего по соседству Лонни Бонда. В закопанных на участке двух двадцатилитровых баках хранились документы и личные вещи еще примерно 25 человек, а также рукописные дневники Лейка за два последних года и две видеопленки с записями насилия и садистских издевательств над двумя женщинами: Брендой О'Коннор и Деборой Дабс. Тем временем Нг пустился в бега.

Эти пленки стали одним из самых отвратительных вещдоков из когда-либо полученных нами в Куантико. Омерзительность запечатленных на них преступлений была сравнима разве что только с первобытной жесткостью Лоуренса Биттейкера и Роя Норриса. Познакомившись в тюрьме и выйдя на свободу по УДО, эти двое решили похищать, насиловать и убивать девушек подросткового возраста. С пятерыми им это удалось, а шестая сумела сбежать и обратилась в полицию. Не столь же технически продвинутые, как Лейк и Нг, Биттейкер и Норрис ограничивались аудиозаписями пыток своих жертв. Биттейкер вот уже сорок лет ожидает смертной казни в тюрьме Сан-Квен- тин. А что же его подельник? Норрис заключил сделку со следствием и взамен на показания против Биттекера получил

пожизненный срок с правом ходатайствовать об УДО. И если его ходатайство когда-либо удовлетворят, то это станет одной из величайших ошибок калифорнийского правосудия, если не сказать больше.

Во время съемок эпизодов «Молчания ягнят» в академии ФБР я поставил одну из этих аудиозаписей Скотту Гленну - прекрасному киноактеру, снявшемуся в роли профайлера Джека Кроуфорда. Скотт - тонко чувствующий, отзывчивый гуманный человек, который верил в исправимость порока и изначальную доброту людей. Мы слушали запись, и я видел, как его глаза наполняются слезами. Затем, еще не оправившись от потрясения, он сказал мне: «Я не представлял себе, что люди способны на такое». Сейчас он уже не принадлежит к числу противников смертной казни.

Чарльз Нг обнаружился примерно через месяц после самоубийства Лейка в канадском городе Калгари, где жила его сестра. Нг выстрелил в руку охранника магазина, пытавшегося задержать его за кражу банки рыбных консервов. Все четыре с половиной года своей тюремной отсидки в Канаде Нг яростно сопротивлялся экстрадиции в США. В конце концов Нг отправили обратно в Калифорнию, где ему предъявили обвинения по двенадцати эпизодам убийств с отягчающими обстоятельствами.

При помощи многочисленных юридических уловок и проволочек, использованных целой командой дорогостоящих адвокатов, Нг удалось затянуть начало суда над ним до второй половины 1990-х годов. К этому времени я уже ушел из ФБР, и со мной связался по телефону его тогдашний адвокат.

Он сказал, что хотел бы видеть меня консультантом стороны защиты, и начал было излагать подробности, но я прервал его, сказав, что знаю дело. Еще в конце 1980-х меня и моих сотрудников ознакомил с ним один из калифорнийских детективов, обучавшийся в академии ФБР Тогда адвокат принялся объяснять избранную им стратегию защиты: главным преступником был деспотичный Лейк, который практически принуждал значительно более молодого и слабовольного Нг участвовать в пытках и убийствах.

Я сказал, что, по моим воспоминаниям, в деле не было видимых признаков отношений типа «ведущий-ведомый».

Адвокат ответил, что полная фактура и доказательная база дела убедят меня в том, что Нг не был добровольным соучастником преступлений. Со своей стороны, я сообщил ему расценки на мои услуги и, как обычно, предупредил, что буду рассматривать предоставленные материалы непредвзято, а решать, использовать или нет сделанные мной выводы, будет он сам. Он согласился и сказал, что выплату моего гонорара возьмет на себя штат Калифорния.

Через неделю мне доставили целую коробку, в которой были фото с места преступления, отчеты следствия, видеозаписи и все другие материалы, которые могли понадобиться в процессе изучения и анализа дела.

Я начал с биографий обоих преступников.

Родители Лейка развелись, когда ему было шесть лет, и его с сестрами воспитывала бабушка. Еще в детстве он увлекся порнографией и фотографировал своих сестер в обнаженном виде. Ему очень нравилось также наблюдать за мучительной смертью мышей, помещенных в химические реагенты. Из морской пехоты Лейка демобилизовали из-за неустойчивой психики, после чего он провел некоторое время в коммуне калифорнийских хиппи, где снимал порнофильмы с садомазохистским уклоном. Нг родился в Гонконге в состоятельной китайской семье. Он был проблемным ребенком, и строгий отец-бизнесмен часто подвергал его телесным наказаниям. Сменив несколько европейских частных школ, он подался в США и записался в морскую пехоту, где, правда, очень скоро угодил под трибунал за кражу боеприпасов. После полутора лет заключения в военной тюрьме его уволили в запас с лишением прав и привилегий, после чего он возобновил общение с Лейком, с которым познакомился за три года до этого.

Все это было неудивительно. Я предполагал, что оба были выходцами из неблагополучных семей и что Лейк как старший по возраст/ был главным в этой парочке. Но при этом я не обнаружил никаких свидетельств тому, что Нг был покорным исполнителем его воли. Более того, на одной из душераздирающих видеозаписей Нг говорит их объятой ужасом жертве: «Рыдай не рыдай, бесполезно, видали мы таких. Мы, скажу тебе, ребята в общем бессердечные».

Изучая дело, я в том числе пришел к выводу, что Лейк приехал в хозяйственный магазин расплатиться за украденные его подельником-

клептоманом тиски, чтобы сгладить ситуацию и не дать хода заявлению о краже, которое могло бы вывести полицию на их след.

Потратив на изучение материалов около двадцати часов, я решил, что нужно позвонить адвокату Нг и рассказать ему о своих предварительных выводах. Я известил его о том, что пока не увидел в материалах ничего, что свидетельствовало бы о принуждении или хотя бы «натаскивании» со стороны покойного Лейка, и все говорит о том, что его клиент был добровольным соучастником преступлений. Нг лично пытал своих жертв, когда Лейк снимал происходящее на видео. Адвокат настоятельно попросил меня продолжить работу. Он полагал, что, ознакомившись со всем материалом, я буду готов согласиться с его позицией. А она заключалась в том, что, будучи отнюдь не ангелом, Чарльз Нг сам стал невольной и послушной жертвой.

Я неохотно согласился. Но проведя за работой еще примерно десять часов, я окончательно убедился в том, что Нг был попросту отвратительным чудовищем, и решил, что больше не буду тратить собственное время и государственные деньги на попытки найти обоснование тому, что сам считаю нелепыми и голословными утверждениями.

Я позвонил адвокату и сообщил ему неутешительные новости. Мне было совершенно очевидно, что его клиент по собственной доброй воле участвовал в этих пытках и убийствах, и ничто в изученных мной материалах не свидетельствует об обратном. Адвокат не обрадовался. Точнее говоря, он просто взбеленился, и пришлось напомнить ему, что с самого начала я предупреждал, что мое мнение никакие определяется выплатой гонорара. Оно складывается исключительно на основе фактов.

Я совершенно не удивился, когда примерно год спустя узнал, что стороне защиты удалось найти «экспертов», готовых выступить в суде в пользу Нг. Некий психиатр заявил под присягой, что Нг страдает пассивным расстройством личности. Но в ходе прокурорского перекрестного допроса он признался, что не смотрел известные мне видеозаписи. В отличие от него, их просмотрел некий психолог, который, в свою очередь, выдвинул предположение о том, что очевидный садизм Нг был всего лишь подражанием в угоду Лейку.

Кроме того, Нг решил, что тоже выступит со свидетельскими показаниями в свою пользу Это позволило обвинению привести еще

больше доказательств, в том числе фотокопии рисунков со сценами пыток, которые Нг развешивал по стенам своей тюремной камеры.

11 февраля 1999 года присяжные признали Нг виновным по одиннадцати эпизодам убийства с отягчающими обстоятельствами, не придя к единому мнению по поводу двенадцатого вменявшегося эпизода. 30 июня судья Джон Райна согласился с рекомендацией присяжных и вынес Нг смертный приговор, отметив, в частности, что «в материалах дела нет свидетельств тому, что мистер Нг подвергался какому-либо давлению или был подвластен Леонарду Лейку». На данный момент Нг все еще ожидает приведения приговора в исполнение в камере смертников тюрьмы Сан-Квентин, неподалеку от Лоуренса Биттейкера.

В самом начале исследовательской работы в ФБР я полагал, что в большинстве случаев жестокие насильственные преступления совершаются в невменяемом состоянии. Дела, поступавшие к нам для целей анализа, свидетельствовали о крайней степени жестокости преступников по отношению к их жертвам, и я действительно думал, что находящийся в здравом уме человек на такое просто не способен. Ведь каждый раз, встречаясь с мерзостью и гнусностью преступлений, подобных тем, что совершал Нг, мы и впрямь задаемся вопросом: «Как можно творить подобное с другими себе подобными?» Зачастую эти ужасные деяния совершаются руками очень нездоровых людей. Но чем глубже мы вникаем в сознание и личные черты таких преступников, тем лучше восстанавливаем картину преступления и понимаем психодинамику поведения.

Дилемма «природа или воспитание» всегда будет оставаться в центре внимания исследующих причины таких чудовищных и противоестественных деяний, как те, о которых рассказано на страницах этой книги. Но выйдя за ее рамки, мы неизбежно придем к вопросу о том, что движет преступником: его собственный выбор или врожденная патология?

Многие убийцы будут утверждать, что совершали свои отвратительные деяния не по своей воле, а в силу некой предопределенности. Однако за долгие годы своей работы в криминалистике я убедился в том, что так бывает лишь в крайних случаях острых психических заболеваний.

На самом деле никакие превратности судьбы не могут служить оправданием убийства. Я не готов утверждать, что именно в силу своего воспитания и врожденных личных качеств Лейк и Нг стали творить свои отвратительные преступления. На примерах Джозефа Макгоуэна, Тодда Колхеппа, Эдмунда Кемпера, Дэвида Кемпера и очень многих других мы убеждаемся в том, что убийцы ищут сторонние оправдания своим преступлениям.

Так было и с арестованными в 2002 году за серию убийств в Вашингтоне и окрестностях 41-летним Джоном Алленом Мухаммадом и 17-летним Ли Бойдом Мальво. Мухаммад отказался от дачи показаний, зато Мальво общался со следователями вполне открыто. По эпизоду убийства Линды Фрэнклин на парковке у магазина Home Depot его допрашивала Джун Бойл - опытный следователь окружного полицейского управления Фэйрфакса.

Все, кто присутствовал на допросе или слушал его в записи, отмечали, насколько легко и непринужденно вел себя Мальво. На вопрос Бойл о том, действительно ли он застрелил Фрэнклин, Мальво ровным голосом ответил: «Нуда». А в ответ на вопрос, видел ли он, куда он ей попал, он, по словам Бойл, «улыбнулся и ткнул себя пальцем в голову». По свидетельству Бойл, на предварительном судебном заседании Мальво явно развеселился, рассказывая об убийстве садовника Сонни Бьюкенена. Поводом для его веселья послужило то, что газонокосилка, на которой работал убитый, продолжала ехать и после того, как он упал с нее.

По просьбе прокурора на предварительном судебном заседании Мальво опрашивал д-р Стэнтон И. Сэймнау - вашингтонский психолог-криминалист, работой которого мы восхищались с давних пор. В соавторстве с ныне покойным психиатром Сэмюэлом Йокелсоном он написал выдающийся трехтомный труд «Личность преступника», в основу которого легли результаты многолетних исследований преступников, содержавшихся в вашингтонской психиатрической больнице Сент-Элизабет.

Сэймнау подробно расспросил Мальво о его детстве и юности на Ямайке, безотцовщине, регулярных отлучках матери, еще более регулярных физических наказаниях и всех его проблемах до знакомства с аферистом и пронырой Мухаммадом.

На тот момент позиция защиты Мальво состояла в том, что он якобы страдает «неуточненным диссоциативным расстройством личности». Это означало, что Мухаммад настолько подчинил себе Мальво, что тот перестал быть самим собой.

Как сказал нам Сэймнау, «это не точная цитата, но один из адвокатов высказался примерно так: "Это как влить в чистый ручей поток нечистот, настолько Ли Мальво был отравлен, заражен и одурманен Джоном Мухаммадом"». Звучит знакомо, не так ли?

Спустя десять лет в телеинтервью Мальво высказался о казненном Мухаммаде так: «Я был не способен отказать. Я всю свою жизнь нуждался в такой любви, приятии и постоянстве и никак не находил этого. И даже когда чисто подсознательно или в краткие моменты раздумий я понимал, что все это неправильно, у меня не было сил отказаться».

Однако десятью годами ранее на вопрос Сэймнау, случалось ли ему не выполнять просьбы Мухаммада или отказывать ему, он же ответил словами: «Да всю дорогу!»

Иными словами, выбор у него был.

Мы исследуем этих людей не как психологи или социологи, а как криминалисты. Мы детально изучаем их биографии для того, чтобы лучшее понимание причин их поступков служило делу раскрытия преступлений и уголовного правосудия. Это означает необходимость четкого ответа на вопрос, почему эти люди решают причинять страдания и убивать. Основу психологического портрета преступника составляет понимание процесса принятия подобных решений, поведенческих предпосылок, последствий и средств реализации.

Почему? + как?= кто.

Не стоит питать надежду на то, что человеческое поведение будет когда-либо исследовано полностью, равно как и на то, что в один прекрасный день удастся полностью покончить с преступностью. Все, что мы можем, - это продолжать работать, неустанно повышая уровень своего понимания и расширяя пределы познания.

Все описанные в этой книге преступники - убийцы, но убийцы очень разные. Их личности разнятся между собой во множестве тончайших аспектов. Конкретное преступное деяние отражает эти различия и, как правило, прямо указывает на мотив. При этом можно с уверенностью говорить о том, что у всех этих персонажей

присутствовал внутренний конфликт между ощущениями своего величия и неполноценности. Каждый считал, что в силу своей исключительности не обязан соблюдать закон и общественный договор, и все имели возможность поступать по собственному выбору

Настанет день, когда достижения нейробиологии позволят увязывать конкретные мысли с особенностями морфологии и электрохимической активности отдельных структур головного мозга. Но будет ли это означать отказ от понятия личной ответственности в пользу научного редукционизма и детерминизма бихевиористского толка? И если да, то что же это будет за общество и с какой моралью?

Лишь единицы из длинного ряда жестоких преступников, которых мы с коллегами обследовали за долгие годы работы в правоохранительных органах, могли считаться невменяемыми с юридической точки зрения. Что же до остальных, то их действительно нельзя было отнести к категории нормальных, и у большинства были налицо те или иные психические отклонения. Но все они были способны отличать хорошее от плохого и оценивать последствия своих преступных деяний.

Мы часто сравниваем дела Сьюзен Смит, убившей двоих своих сыновей трех лет и четырнадцати месяцев от роду, и Андреа Йетс, убившей пятерых своих детей в возрасте от полугода до семи лет В обоих случаях дети утонули: Смит направила свою машину с пристегнутыми детьми в озеро, а Йетс утопила своих в ванне.

Хотя полиция подозревала ее с самого начала, Смит утверждала, что ее «мазду» с находившимися в ней детьми угнал какой-то афроамериканец, и умоляла вернуть их, выступая по общенациональному телевидению. Как выяснилось, она просто пыталась спасти свои отношения с богатым мужчиной, не готовым принять ее вместе с детьми. К сожалению, подобные мотивы нередки в случаях детоубийства.

У Йетс был целый букет психических расстройств, она страдала послеродовой депрессией и наблюдалась у психиатра после неудавшейся попытки самоубийства. Она подождала, пока муж уйдет на работу, а затем утопила всех пятерых детей и вызвала полицию. Ею руководила убежденность в том, что она плохая мать, а поэтому душами ее детей овладел дьявол, и убийство - единственный способ спасти их от геенны огненной.

В принципе, можно считать психически нездоровыми обеих этих женщин. Но Сьюзен Смит прекрасно понимала разницу между добром и злом и приняла решение исходя из того, что считала лучшим вариантом для себя, пусть даже и за счет избавления от собственных детей. Что же касается Андреа Йетс, то она была настолько неадекватной, что вообще не воспринимала реальную действительность. При всем трагизме обоих случаев можно обоснованно утверждать, что злой умысел и обдуманный выбор присутствовали лишь в действиях Смит Йетс была на это не способна. Йетс не была серийным убийцей. Она не собиралась убивать других членов семьи или незнакомцев ради их спасения от адовых мук.

За исключением крайне редких случаев полного помешательства, убийцы обычно очень хорошо понимают, что делают Я уверен в том, что всем преступникам, о которых рассказано в этой книге, были присущи дефекты личности, заставлявшие их творить то, что они творили. Им была нужна смерть их жертв, но сами они хотели жить. С позиций их извращенной системы ценностей это выглядело вполне нормальным.

Джозеф Кондро и Дональд Харви делали осознанный выбор и тщательно планировали свои действия. Тодд Колхепп писал, что «решил изнасиловать» соседскую девочку и «все испортил». Кто-то может сказать, что Макгоуэн и Колхепп давали волю эмоциям и на самом деле поступали необдуманно. Не готов с этим согласиться. Как говорил мне Макгоуэн, он *решип убить* Джоан Д'Алессандро, как только увидел ее на пороге своего дома. *Выбор места убийства* он сделал, попросив ее пройти с ним вниз за деньгами. А *способ убийства* он выбрал, ударив ее головой об пол. То же относится и к совершенным Колхеппом убийствам супругов Кокси и Чарли Карвера. Юридическое понятие предумышленности не говорит о периоде формирования злого умысла. Это может быть и год, и доля секунды. Но, так или иначе, это умысел.

В конечном счете, мы вряд ли сможем окончательно разобраться в том, что таится в сознании убийц. Как человек, посвятивший жизнь изучению этой проблематики, я часто вспоминаю в этой связи мысль, высказанную Виктором Франклом в его книге «Человек в поисках смысла». Напомню, что этот венский психоаналитик прошел через кошмар Освенцима, где погибли его родители, брат и беременная жена,

а вышеупомянутая книга является одним из великих морально-философских памятников современной эпохи. Он писал: «Человеческая свобода - это конечная свобода. Человек не свободен от условий. Но он свободен занять позицию по отношению к ним. Условия не определяют его полностью. От него зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям».

Все убийцы, за исключением полностью невменяемых, свободны в своем выборе, причем даже те из них, кто не вполне адекватно воспринимает окружающую действительность. Мы должны постоянно расширять и углублять наши знания о том, как и почему совершается этот выбор, чтобы упростить правоохранительным органам задачу поимки преступников с последующей изоляцией от общества. Именно для этого я и занялся тем, чем занят и по сей день. И именно поэтому я продолжаю свои беседы с убийцами.

Благодарности

Каждая книга так или иначе является результатом сотрудничества многих людей, и в данном случае нам также была оказана огромная помощь. Мы выражаем особую признательность и искренне благодарим:

Нашего издателя Мэтта Харпера за его непреходящий энтузиазм, поддержку, мудрое руководство и ясность видения, которые помогли нам сказать то, что мы хотели сказать этой книгой; Анну Монтегю, Бен Сил фин, Дэниеллу Бартлетт, Геру Ланци, Келл Уилсон и всех из Harper-Collins / William Morrow / Dey St.

Нашего всегда лояльного и изобретательного литагента Фрэнка Уименна из Folio Literary Management.

Нашего британского издателя Тома Киллинбека, рекламного агента Элисон Мензис и лондонскую команду William Collins.

Нам очень помогли:

Эндрю Консовой и Роберт Эглс - бывшие руководители комиссии по вопросам УДО штата Нью-Джерси.

Бывшие учителя средней школы в Таппан Зи Роберт Каррильо и Джек Мескино, а также партнер Джека, Пол Ко- летти.

Продюсер Триша Соррелс Дойл и команда телеканала MSNBC, работавшие на интервью Джона с Джозефом Кондро и Дональдом

Харви.

Продюсер и режиссер Мария, которая невероятно щедро делилась опытом и материалами для фильма Serial Killer: The Devil Unchained, и ее коллеги по Committee Films, в первую очередь Джен Блэнк и Билл Харли.

Психолог-криминалист Стэнтон И. Сэймнау, чей опыт и обширные знания всегда помогают нам в нашей работе.

Жена Марка Кэролайн, которая помимо других многочисленных достоинств и талантов является нашим главным администратором и юристом.

Дочь Джона Лорен Дуглас Складани, которая тщательно вычитывала текст и давала ценные советы.

Мы глубоко благодарны Розмари Д'Алессандро и ее сыновьям Майклу и Джону, которые не только стремились сохранять память о Джоан, но и неустанно боролись за безопасность и справедливость для всех детей. Эта книга посвящается Розмари за ее мужественную борьбу и силу духа.

Об авторах

Джон Дуглас - в прошлом сотрудник ФБР, один из первопроходцев психологического портретирования в этой организации, организатор и первый руководитель специализированного отдела в академии ФБР в Куантико и один из создателей «Классификатора преступлений». Он участвовал в розыскных мероприятиях по поимке некоторых из самых известных убийц нашего времени, в том числе Дэвида Карпентера из Сан-Франциско, Уэйна Уильямса из Атланты, «Чикагского отравителя», «Унабомбера» и целого ряда других. Его докторская диссертация была посвящена обучению работников правоохранительных органов сравнительным методам классификации насильственных преступлений. В наши дни он часто выступает с публичными лекциями и консультирует. В соавторстве с Марком Олшейкером Дуглас написал семь книг, в том числе бестселлер «Охотник за разумом», послуживший основой для одноименного популярного сериала.

Марк Олшейкер - писатель и сценарист, на протяжении многих лет сотрудничающий с Дугласом. Он - автор нескольких детективных

романов, ряда документальных книг и публикаций в ведущих американских газетах.

Оба автора проживают со своими семьями в окрестностях Вашингтона.

This file was downloaded from Z-Library project

Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.

z-library.sk z-lib.gs z-lib.fm go-to-library.sk

Official Telegram channel

Z-Access

https://wikipedia.org/wiki/Z-Library